

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

**ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Том 9 Номер 1 Январь-Март
2022

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

BULLETIN

**OF THE LAW FACULTY,
SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY**

Volume 9 Issue 1 January-March
2022

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
2022 Том 9 Номер 1 Январь-Март

Учредитель: *Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный федеральный университет»*

344006, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42

Адрес редакции, издателя: 344002, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88, к. 321

тел./факс: +7 (863) 240-36-10; email: vestnik@sfnu.ru; сайт: <http://urvestnikpravo.sfnu.ru>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-57149). Периодичность выхода: 1 раз в квартал

ISSN 2313-6138 / DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1

Входит в систему РИНЦ (лицензионный договор № 537-09/2014) Подписной индекс Е33060

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *Овчинников А.И.*, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Южного федерального университета

Ответственный редактор: *Тищенко Е.В.*, кандидат юридических наук, доцент

Ответственный секретарь: *Фролова Е.Ю.*, кандидат юридических наук, доцент

Помощник главного редактора: *Кононий А.С.*

Артеменко Н.В., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета

Волова Л.И., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права юридического факультета Южного федерального университета

Джорджевич А., доктор юридических наук, профессор юридического факультета Государственного университета в Нише (Республика Сербия)

Зиновьев И.П., кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Южного федерального университета

Колесников Ю.А., доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой финансового права юридического факультета Южного федерального университета

Лукьянцев А.А., доктор юридических наук, профессор

Ляхов Ю.А., доктор юридических наук, профессор

Небратенко Г.Г., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России

Овсепян Ж.И., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой государственного (конституционного) права юридического факультета Южного федерального университета

Смагина Е.С., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского процессуального и трудового права юридического факультета Южного федерального университета

Степанов К.В., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета

Тарасова А.Е., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой международного права юридического факультета Южного федерального университета

Цыганенко С.С., доктор юридических наук, профессор

Яценко Т.С., доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права юридического факультета Южного федерального университета

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Баранов В.М., доктор юридических наук, профессор, помощник начальника Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации по инновационному развитию научной деятельности

Баранов П.П., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС

Бондарь Н.С., доктор юридических наук, профессор, Судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке

Бирюков П.Н., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета

Васильев А.А., доктор юридических наук, Директор института права АлтГУ

Величко А.М., доктор юридических наук

Гайстенгер М., доктор права, профессор Университета Зальцбурга

Корецкий Д.А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета

Кузнецова Н.С., доктор юридических наук, профессор, академик Академии правовых наук Украины

Левушкин А.Н., доктор юридических наук, профессор

Ляхов Е.Г., доктор юридических наук, профессор, Вице-президент Ассоциации Международного права

Мамитова Н.В., доктор юридических наук, профессор, РАНХиГС

Мамычев А.Ю., доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Оганесян В.А., доктор юридических наук, профессор Ереванского государственного университета, зам. председателя Конституционного Суда Армении

Ристов А., профессор, доктор права, доцент юридического факультета Iustinianus Primus Университета Св. Кирилла и Мефодия в Скопье, Республика Северная Македония

Зражевская Т.Д., доктор юридических наук, профессор, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области

Толочко О.Н., доктор юридических наук, зав. кафедрой международного права, Белорусский институт правоведения, г. Минск

Турлуковский Я., кандидат юридических наук, доцент кафедры коммерческого права факультета права и администрации, Варшавский университет (Республика Польша)

Цибуленко З.И., доктор юридических наук, профессор Саратовской государственной академии права

Шапсугов Д.Ю., доктор юридических наук, профессор

Шатковская Т.В., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL
BULLETIN OF THE LAW FACULTY, SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY
2022 Volume 9 Issue 1 January-March

Established by: Southern Federal University

(a federal state autonomous educational institution of higher education)

105/42 Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, Rostov Oblast 344006, Russian Federation
Editorial Office: 321, 88 M. Gorkogo Street, Rostov-on-Don, Rostov Oblast 344002, Russian Federation
phone/fax: +7 (863) 240-36-10; email: vestnik@sfnu.ru; website: http://urvestnikpravo.sfnu.ru

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (Registration Certificate FS77-57149)

Publication frequency: 1 time per quarter. ISSN 2313-6138 / DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1

Included into the Russian Science Citation Index System (Licence Agreement 537-09/2014) Subscription Index E33060

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *Ovchinnikov, A.I.*, Doctor of Law, Professor, Head of Department of Theory and History of State and Law, Law Faculty, Southern Federal University

Responsible editor: *Tishchenko, E.V.*, PhD in Law, Associate Professor

Executive Secretary: *Frolova, E.Yu.*, PhD in Law, Associate Professor

Assistant to the Editor-in-Chief: *Konopiy A.S.*

Artemenko, N.V., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Criminal Law and Criminology, Law Faculty, Southern Federal University

Volova, L.I., Doctor of Law, Professor of the Department of International Law Law Faculty, Southern Federal University

Djordjevic, A., Doctor of Law, Professor at the Law Faculty of the State University in Nis (Republic of Serbia)

Zinoviev, I.P., PhD in Law, Associate Professor, Dean of the Law Faculty of the Southern Federal University

Kolesnikov, Yu.A., Doctor of Law, Associate Professor, Head of Department of Financial Law, Law Faculty, Southern Federal University

Lukyantsev, A.A., Doctor of Law, Professor

Lyakhov, Yu.A., Doctor of Law, Professor

Nebratenko G.G., Doctor of Law, Professor, Head of Department of Theory and History of State and Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Hovsepyan, Zh.I., Doctor of Law, Professor, Head of Department of State (Constitutional) Law, Law Faculty, Southern Federal University

Smagina, E.S., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Civil Procedure and Labour Law, Law Faculty, Southern Federal University

Stepanov, K.V., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Law Faculty, Southern Federal University

Tarasova, A.E., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of International Law, Law Faculty, Southern Federal University

Tsyganenko, S.S., Doctor of Law, Professor

Yatsenko, T.S., Doctor of Law, Associate Professor, Head of Department of Civil Law, Law Faculty, Southern Federal University

EDITORIAL COUNCIL

Baranov, V.M., Doctor of Law, Professor, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the innovative development of scientific activity

Baranov, P.P., Doctor of Law, Professor, Head of Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Institute of the RANEPA

Bondar, N.S., Doctor of Law, Retired Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation

Biryukov, P.N., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International and Eurasian Law of Voronezh State University

Vasilyev, A.A., Doctor of Law, Director of the Institute of Law of the AltSU

Velichko, A.M., Doctor of Law

Geistenger, M., Doctor of Law, Professor of the University of Salzburg

Koretsky, D.A., Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, Southern Federal University

Kuznetsova, N.S., Doctor of Law, Professor, Academician of the Academy of Legal Sciences of Ukraine

Levushkin, A.N., Doctor of Law, Professor

Lyakhov, E.G., Doctor of Law, Professor, Vice President of the International Law Association

Mamitova, N.V., Doctor of Law, Professor, RANEPA

Mamychev, A.Yu., Doctor of Political Sciences, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Laboratory for Political and Legal Studies, Department of Political Science, M.V. Lomonosov Moscow State University

Oganesyan, V.A., Doctor of Law, Professor at Yerevan State University, Deputy Chairman of the Constitutional Court of Armenia

Ristov, A., Professor, Doctor of Law, Associate Professor, Iustinianus Primus Faculty of Law, Ss. Cyril and Methodius University in Skopje, Republic of North Macedonia

Zrazhevskaya, T.D., Doctor of Law, Professor, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region
Tolochko, O.N., Doctor of Law, Head of Department of International Law, Belarusian Institute of Law, Minsk

Turlukovsky, J., PhD in Law, Associate Professor at the Department of Commercial Law, Faculty of Law and Administration, University of Warsaw (Poland)

Tsibulenko, Z.I., Doctor of Law, Professor of the Saratov State Academy of Law

Shapsugov, D.Yu., Doctor of Law, Professor

Shatkovskaya T.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State at the Law Institute of RANEPA

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук

Национальная библиографическая база данных научного цитирования, аккумулирующая более 9 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Штаб-квартира — Россия

Международная база данных, содержащая библиографическую информацию о научных журналах в области гуманитарных и социальных наук. Штаб-квартира — Норвегия

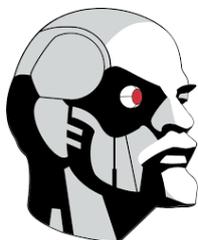
Поисковая система по полным текстам научных публикаций, вобравшая в себя данные из большинства рецензируемых онлайн-журналов, выпускаемых основными научными издательствами Европы и Америки. Штаб-квартира — США

Международный мультидисциплинарный каталог журналов открытого доступа. Содержит более 10000 названий научных журналов и метаданные статей этих журналов. Штаб-квартира — Великобритания

Крупнейшая в мире библиографическая база данных, насчитывающая свыше 240 млн записей о всех видах произведений на 470 языках мира. Штаб-квартира — США

Российская научная электронная библиотека открытого доступа, основными задачами которой является популяризация науки и научной деятельности, а также общественный контроль качества научных публикаций. Насчитывает более 1 млн статей. Штаб-квартира — Россия

Справочно-правовая система по законодательству Российской Федерации, первая массовая коммерческая справочно-правовая система в России (выпускается с 1990 года). Распространяется через дилерскую сеть из более чем 250 компаний в России и СНГ

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

ВАСИЛЬЕВ А. А., КАРАВАНОВ Б. Е. Синтез права, веры и нравственности в правовом учении А. С. Яценко.....	9
ВЕЛИЧКО А. М. Церковный канон и «божественное право» (<i>jus divinum</i>)	17
ЛАРИОНОВ А. Н. Методологические особенности историко-правового исследования	29
ОВЧИННИКОВ А. И. Национальная безопасность и традиционные духовно-нравственные ценности: вопросы законодательного обеспечения	35
ПОПОВ В. И. Роль права в обеспечении коммуникативных практик государства и гражданского общества в контексте социоаксиологического подхода к правопониманию	43
ПРАВКИНА И. Н. Правовые условия эффективного функционирования социального государства	51

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

БАРАНОВ П. П. Совершенствование религиозно-нравственных характеристик Конституции РФ	57
---	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

БИРЮКОВ В. В. Коррупция: проблемные вопросы криминалистики.....	64
БОЙКО А. И. Современное правосознание и реформы в сфере противодействия преступности (диалектика классики и новаторства).....	69

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

ЗИНОВЬЕВА О. П. О некоторых вопросах возмещения убытков, причиненных установлением, изменением зон с особыми условиями использования территорий	80
---	----

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

АНДРЕЕВА Е. М.

Устойчивое развитие как основа современных концепций права природопользования 87

Трибуна молодого ученого

ОГАНЕСЯН А. К.

Теократическое правопонимание Н. А. Захарова 93

Персоналии

КРАКОВСКИЙ К. П.

Неизвестные работы великого мечтателя

(К 250-летию со дня рождения графа М. М. Сперанского) 99

Памяти В. Г. Беляева 109

«Прощание не навсегда...» Памяти Э. Ф. Побегайло 111

BULLETIN
OF THE LAW FACULTY, SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY
2022 Volume 9 Issue 1 January-March

CONTENTS

*GENERAL THEORETICAL AND HISTORICAL ISSUES
OF LEGAL RESEARCH AND PRACTICE*

VASILIEV, Anton A., and KARAVANOV, Bogdan E. Synthesis of Law, Faith and Morality in A. S. Yashchenko's Legal Doctrine.....	9
VELICHKO, Aleksey M. Church Canon and Divine Law (<i>Jus Divinum</i>)	17
LARIONOV, Aleksey N. Methodology of Historical-Legal Research	29
OVCHINNIKOV, Aleksey I. National Security and Traditional Spiritual and Moral Values: Issues of Legislative Support	35
POPOV, Vitaliy I. Law as a Means to Ensure Communicative Practices of the State and Civil Society in the Context of a Socio-Axiological Approach to Legal Understanding	43
PRAVKINA, Irina N. Legal Conditions for Efficient Functioning of a Welfare State	51

CONSTITUTIONAL LAW OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

BARANOV, Pavel P. Improving Religious and Moral Characteristics of the Russian Constitution	57
--	----

CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE

BIRIUKOV, Valery V. Criminalistic Issues of Corruption	64
BOYKO, Alexander I. Modern Legal Awareness and Reforms in the Fight against Crime (Dialectic of Classics and Innovation).....	69

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

ZINOVIEVA, Olga P. On Some Issues of Indemnity for Losses Caused by Establishment and Change of Restricted-Use Areas	80
--	----

ENVIRONMENTAL LAW

ANDREYEVA, Elena M. Sustainable Development as the Basis for Modern Concepts of Nature Management Law	87
---	----

PLATFORM FOR YOUNG SCIENCE

OGANESIAN, Armen K. Theocratic Legal Understanding of N. A. Zakharov.....	93
--	----

PERSONALITIES

KRAKOVSKIY, Konstantin, P. Unknown Works of a Great Dreamer (To the 250 th Anniversary of Count Speranskiy).....	99
---	----

In memory of V. G. Belyaev	109
----------------------------------	-----

“Goodbye is not forever...” In memory of E. F. Pobegailo	111
--	-----

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

УДК 340

DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-1

Васильев Антон Александрович,
доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права, директор Юридического
института Алтайского государственного
университета, 656049, г. Барнаул,
пр. Социалистический, д. 68,
email: anton_vasiliev@mail.ru

Караванов Богдан Евгеньевич,
аспирант кафедры теории и истории
государства и права Юридического
института Алтайского государственного
университета, 656049, г. Барнаул,
пр. Социалистический, д. 68,
email: bogdan.karavanov@mail.ru

Vasiliev, Anton A.,
Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Institute of Law and Department
of Theory and History of State and Law,
Altai State University,
68 Socialisticheskyy Ave., Barnaul,
656049, Russian Federation,
email: anton_vasiliev@mail.ru

Karavanov, Bogdan E.,
Postgraduate Student, Department
of Theory and History of State and Law,
Institute of Law at Altai State University,
68 Socialisticheskyy Ave., Barnaul,
656049, Russian Federation,
email: bogdan.karavanov@mail.ru

СИНТЕЗ ПРАВА, ВЕРЫ И НРАВСТВЕННОСТИ В ПРАВОВОМ УЧЕНИИ А. С. ЯЩЕНКО*

SYNTHESIS OF LAW, FAITH AND MORALITY IN A. S. YASHCHENKO'S LEGAL DOCTRINE

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена обоснованию синтетической концепции правопонимания в правовом учении А. С. Ященко. Авторы доказывают своеобразие российской традиционалистской концепции права с опорой на произведения отечественных консерваторов, аргументируя тезис о роли позитивного права (закона) как составной части Права – триединого регулятора, соединяющего в себе православие, традиционную нравственность и юриспруденцию. В статье рассматривается правовая концепция А. С. Ященко как синтетический подход к правопониманию, вбирающий в себя элементы социологической, позитивистской, психологической и естественно-правовой концепций, а также изучается влияние данной концепции на дальнейшую отечественную консервативно-правовую мысль, делаются выводы о ее релевантности относительно современных российских условий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правопонимание; традиционализм; право; правда; нравственность; соборность; синтетическая концепция права.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44228 «Право и правосознание в теологическом измерении: история и современность».

ABSTRACT. The paper substantiates the synthetic concept of understanding of law in A. S. Yashchenko's legal doctrine. The authors prove that the Russian traditionalist concept of law is unique. They draw on the works of Russian conservative thinkers and explain the thesis about the role of positive law as a component of Law – a triune regulator combining orthodox faith, traditional morality and jurisprudence. The paper considers Yashchenko's legal concept as a synthetic approach to the understanding of law, which incorporates elements of sociological, positivist, psychological and natural-law concepts. It also studies how the concept influenced further conservative legal thought in Russia. Conclusions are made about its relevance in modern Russian conditions.

KEYWORDS: understanding of law; traditionalism; law; truth; morality; conciliarity; synthetic concept of law.

*The study was funded by the RFBR as part of scientific project 21-011-44228 "Law and Legal Awareness in the Theological Dimension: History and Today".

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Васильев, А. А. Синтез права, веры и нравственности в правовом учении А. С. Яценко [Текст] / А. А. Васильев, Б. Е. Караванов // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 1. – С. 9–16. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-1.

Конкурирующие в современном правоведении типы правопонимания (естественно-правовая школа, юридический позитивизм, социологическая юриспруденция, историческая теория права, интегративная теория В. Г. Графского, диалогическая концепция И. Л. Честнова и др. [7, с. 31–40; 14, с. 27; 20, с. 46]) практически исключают возможность признания особого, традиционалистского правопонимания. Методологически ситуация в правовой науке усугубляется своеобразным пессимизмом в правопонимании, когда чуть ли не признается невозможность адекватного понимания сущности права [2, с. 68–84]. С одной стороны, на признание самостоятельной теории права в рамках российского консерватизма влияет господство предрассудков и мифологем: европоцентризм и отсутствие у России собственной правовой традиции; характерная для российского традиционного сознания нигилистичность по отношению к закону в сравнении с правдой. С другой стороны, как ранее отмечалось, консервативная правовая идеология России скептически относилась к построению каких-либо теоретических догм, что существенно влияло на возможности конкуренции традиционализма с рациональными теориями права. А. С. Карцов по этому поводу заметил: «Подобно любому консерватизму, русский консерватизм, в отличие от враждебных ему идеологий не обладал неизменной и отчетливо сформулированной доктринальной основой» [5, с. 137]. Кроме того, консервативная правовая мысль на протяжении двух столетий непрерывно эволюционировала, и в ней далеко не всегда было единство по целому ряду принципиальных вопросов.

Пожалуй, исключением в современном правоведении является коммуникативная теория права А. В. Полякова, которая автором рассматривается в качестве интегральной (синтетической) концепции, основанной на российской правовой традиции [13]. Так, А. В. Поляков отмечает: «Российской философии права есть что сказать в обоснование интегрального правопо-

FOR CITATION:

Vasiliev, A. A. Synthesis of Law, Faith and Morality in A. S. Yashchenko's Legal Doctrine [Text] / A. A. Vasiliev, B. E. Karavanov. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. – 2022. – Vol. 9, No. 1. – P. 9–16 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-1.

нимания в его коммуникативной версии, так как магистральное направление ее развития связано с этой идеей. Серьезные шаги в этом направлении были сделаны уже в дореволюционной России (правовая концепция В. С. Соловьева, школа возрожденного естественного права, феноменологические версии права, плюралистическая теория права Б. А. Кистяковского, синтетическая теория права А. С. Яценко и др.)» [12, с. 105].

Закон, позитивное право в русской правовой мысли еще в XIX–XX вв. на основе давней исторической традиции стали рассматриваться в качестве одного из элементов единого концепта «Права-Правды». В дореволюционной России начала складываться синтетическая теория права под влиянием работ В. С. Соловьева. Наиболее четко ее смысл был отражен А. С. Яценко в начале XX в. и В. В. Сорокиным в начале XXI в. Позитивное право (закон) в синтетической теории права стало составной частью триединого регулятора Права, соединяющего православие, традиционную нравственность и юриспруденцию.

Рациональное осмысление синтеза веры, нравственности и права восходит к философии всеединства В. С. Соловьева и его понимание сочетания формальной правды (закона) и этических констант. В отличие от позитивистского разделения права и этики, В. С. Соловьев отстаивает неразрывную связь закона и нравственности. Философ предостерегает от радикализма в понимании соотношения права и нравственности, поскольку отрицание связи закона и этики приводит к двум крайностям: либо к отрицанию права во имя высших этических абсолютов, либо к признанию права самостоятельной и самодовлеющей ценностью. При этом нравственность и право недопустимо смешивать. Нравственность требует от человека стремления к внутреннему совершенству, тогда как право устанавливает нижний порог нравственного состояния для достижения общего блага. Нравственность ожидает исключительно добровольного исполнения, тогда как

право нуждается в принудительной реализации. Нравственные правила не могут быть исполнены только в форме внешнего поведения, но связаны с внутренним этическим выбором.

Изначально рассматривая понятия естественного и позитивного (положительного) права в их соотношении, В. С. Соловьев исходит из того, что предполагаемая дихотомия естественного и позитивного права действительно существует, однако вовсе не влечет за собой вывод о том, что одному из двух проявлений права предшествует другое. Согласно философу, естественное право, включающее в себя понятия личности, свободы, равенства, есть «рациональная сущность права», отличающаяся от права положительного как «исторического явления» права. Поскольку стержнем рационального права как его, права, сущности являются понятия личности, обладающей индивидуальной свободой, и человеческого общества с его стремлением к общему благу; призвание права состоит в выработке такого общественного состояния, которое избегает крайностей индивидуального эгоизма (анархии) и диктата общественного начала (социальной деспотии). Право позволяет найти равновесие двух ценностей: общественного блага и индивидуальных интересов.

В итоге В. С. Соловьев приходит к обоснованию двух характеристик права:

1) «право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра или порядка, не допускающего известных проявлений зла» [17, с. 409];

2) «право есть исторически-подвижная реализация необходимого принудительного равновесия двух важнейших нравственных интересов — общего блага и личной свободы» [18, с. 453].

Идейным продолжателем философской концепции В. С. Соловьева стал дореволюционный правовед А. С. Яценко.

Александр Семёнович Яценко (1877–1934) – русский правовед, философ и педагог. В 1900 г. окончил юридический факультет Императорского Московского университета, с 1907 г. преподавал в этом же университете в качестве приват-доцента. В 1908 г. защитил магистерскую диссертацию в области международного права на тему «Международный федерализм. Идея юридической организации человечества в политических учениях до конца XVII века».

С 1909 г. осуществлял преподавательскую деятельность в Императорском Юрьевском университете в должности приват-доцента, затем – экстраординарного профессора. В 1913 г. состоялась успешная защита докторской диссертации на тему «Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства». С 1911 по 1917 г. преподавал в должности приват-доцента, затем – экстраординарного профессора в Санкт-Петербургском Императорском университете. В 1917–1918 гг. состоял в должности ординарного профессора по кафедре международного права Пермского государственного университета. С 1919 г. был в эмиграции. В дальнейшем печатался в эмигрантских публицистических изданиях, с 1924 г. преподавал в Литовском университете в Каунасе в должности ординарного профессора юридического факультета и заведующего кафедрой международного права. В этот период занимался публицистикой, а также изданием на литовском языке трудов по международному праву.

Ключевые тезисы синтетической теории права и государства были сформированы А. С. Яценко еще в дореволюционные годы. В основе государственно-правового учения А. С. Яценко лежали:

– философия всеединства и этики В. С. Соловьева, предполагающая поиск социальной гармонии и единство этики и права [22];

– религиозная философия права, возводящая в первую степень религиозно-нравственные принципы и ценности по отношению к праву;

– социологические и психологические учения, обосновывающие сочетание общественного блага и индивидуальной свободы.

Для учения А. С. Яценко о праве характерны следующие черты:

1) в основе политического и правового общения лежит поиск баланса между родовым (социальным) началом и индивидуальностью личности. При этом А. С. Яценко отмечает синтез, слияние общественного и индивидуального. Личность есть малое общество, а общество есть проявление коллективных переживаний множества личностей. Общественное (родовое) обеспечивает единство и стабильность, тогда как индивидуальное своей инициативой и энергией толкает общество к развитию, преодолению косности и охранительности [21, с. 42–48];

2) А. С. Яценко понимает социальные взаимодействия как коллективные психические переживания и именно сознанию людей отдает первенство в творческом преобразовании окружающей действительности;

3) ставка на синтетическое понимание общества и личности приводит А. С. Яценко к конструированию таких политических форм жизни, как формирование единого межгосударственного союза и международного права как форм преодоления дисгармонии в жизни народов;

4) критически А. С. Яценко относился к федерации как опасной, деструктивной силе для России, ведущей к раздроблению суверенитета (а значит – и распаду государства). При этом правовед считал вполне естественным сочетание унитаризма с широким развитием местного самоуправления [8, с. 9];

5) вслед за В. С. Соловьевым А. С. Яценко синтетически воспринимал взаимоотношения нравственности и права с точки зрения их сущности и предназначения в поиске гармонии личного и общественного начал.

Однако синтетическая парадигма А. С. Яценко проявляется не только в обеспечении равновесия общего блага и личной свободы, но и:

а) в синтезе нравственности и права как средств социальной регуляции, некоего единого механизма управления человеческим поведением;

б) в соединении сильных сторон различных подходов к правопониманию.

Анализ творчества А. С. Яценко позволяет прийти к выводу, что синтетическая концепция права вбирает в себя элементы социологической, позитивистской, психологической и естественно-правовой концепций. А. С. Яценко признает форму выражения в виде норм права (юридических памятников), но не ограничивает право формальной стороной. По существу для него ключевой собственно юридический признак права – обеспечение норм права принудительной силой государства. Но нормы права, лишённые этических оснований, ведут к произволу и эгоизму государства и не учитывают социальные факторы в правогенезе и реализации права.

А. С. Яценко отмечает, что жизнь права протекает не в формальных источниках права. Право живет в практике, социальных взаимодействиях, актах судов и других органов

власти (социологическая школа). Однако всё многообразие права не может быть выражено в виде правовых текстов и внешних взаимодействий субъектов права. А. С. Яценко прибегает к психологическому истолкованию права. Для него внешние взаимодействия субъектов права и правовые тексты есть отражение коллективно переживаемых представлений и эмоций относительно своих прав и обязанностей. В психике индивидов ученый усматривал творческое, преобразующее начало общественной жизни и права.

Наконец, для А. С. Яценко как представителя русской идеалистической философии права наиболее важной выступает не проблема внешних, формальных и материальных признаков права, а природа и предназначение права. В этом отношении А. С. Яценко — явный апологет философии права В. С. Соловьева.

С точки зрения аксиологии право, по А. С. Яценко, выступает вторичной, служебной ценностью по отношению к духовно-этическим началам. Задача права состоит в обеспечении минимального добра, такого порядка, когда будут ограничены проявления зла. Здесь А. С. Яценко смыкает в единую триаду право, нравственность и православие. Он призывает к единству, согласию человека и общества, права, этики и религии. Никаким самодовлеющим характером право не обладает и не может быть отделено, разъято с религиозно-этическими доминантами. Православие взывает к построению общежития, соборной жизни людей, и это является общей задачей не только для веры и нравственности, но и для формального права как крайнего средства (удерживающего, катехона) в борьбе со злом через принудительные механизмы. По сути роль права заключается в сдерживании анархии, установлении гармоничного состояния общественных и индивидуальных интересов.

А. С. Яценко выступает против размежевания нравственности и права, обоснования некоей автономной этики и самостоятельной ценности права. Высшую цель нравственного развития правовед видит не в ликвидации форм социального устройства, а в их приведении в соответствие с высшими духовно-нравственными принципами. Праву уготована своя роль в осуществлении этой этической миссии: «Добро основывается на анализе человеческой

природы и на мистическом акте религиозной веры. Право же оправдывается оправданием добра, так как оно есть лишь осуществление добра, одна из ступеней его реализации, как нравственность есть живое воплощение религии» [21, с. 81].

В духе синтетической философии права А. С. Яценко предлагает свое определение права: «Право есть совокупность действующих в обществе, вследствие коллективно-психического переживания членами общества и принудительного осуществления органами власти, норм поведения, устанавливающих равновесие между интересами личной свободы и общественного блага» [21, с. 183].

Но на этом А. С. Яценко не завершает прояснение сущности права, выводя его на философию всеединства и синтетическое соединение с нравственностью и православием: «Право основу свою имеет как в природе человека и общества, неразрывно соединенных в одну общую жизнь, так и в высшем нравственном принципе, по которому высшая нравственная задача, создание совершенного общежития, Царства Божия, должна достигаться через последовательную историческую работу. Право и сливается с религией и нравственностью, на них обосновываясь, и отличается от них, реализуя лишь этический минимум и тем обеспечивая условия для дальнейшего существования и развития религиозно-нравственных целей. Отличие права от смежных ему областей разного вида норм состоит в том, что в нем необходимым элементом выступает политическая власть, принудительно охраняющая нормы права» [21, с. 184].

Синтетическая концепция права в различных вариациях нашла своих приверженцев в юридической мысли России и зарубежных стран. Так, идейным последователем А. С. Яценко можно назвать В. В. Сорокина.

В. В. Сорокин следующим образом представляет единый, синтетический образ права в русской духовной культуре: «Первоисточником Права является Бог. Но люди, наделенные Богом творческой разумной волей и даром совести, также допускаются в процесс правотворчества. Церковь Христова (Православное священство) прославляет Право или осуществляет Православие путем поддержания в членах Церкви православной веры. Народ адапти-

рует Божественные заповеди к потребностям своего быта, тем самым принимая участие в созидании и развитии нравственности. А государство творит юридические законы. При условии соблюдения иерархии этих уровней правотворчества в обществе устанавливается прочный правопорядок, отвечающий Божьему промыслу. На вершине данной иерархии находится Божий Закон, данный непосредственно Господом Богом. Ниже его – религиозные каноны православной веры, полученные от святых подвижников благочестия. Затем по правовой силе следуют нормы традиционной нравственности русского народа, в которых нет ничего произвольного и незаконного. А на последнем месте – законы государства, не противоречащие всем вышеперечисленным уровням Единого Права» [19, с. 284].

Закону в русской правовой культуре должно быть отдано традиционное место – ограждения общества от зла и порока, но на более высокие задачи закон претендовать не способен. Закон страхом и принуждением может гарантировать лишь внешнюю лояльность, подчиненность телом государству. В. В. Сорокин говорит по этому поводу: «Аналогом римского “lex” в русском языке является слово “закон”, происходящее от корня “конъ”, т.е. начало и конец, кол, столб, веха участка или коновязи. Словом “закон” русские люди не охватывали всей полноты и многообразия Права. Закон воспринимался русскими как внешнее предписание – такое понимание сформировалось после того, как Русь приняла христианство и научилась различать Ветхий Завет (Закон) и Новый Завет (Благую Весть). Закон сводился к юридической, формальной норме, над которой превалируют нравственные принципы... Закон рассматривался как преходящая и переменная величина, а Право – вечная константа для всех и во все времена. Закон внушал страх, а Право – почитание, но Право проецировалось в любовь и благоговение перед Господом. Закон соблюдался из страха перед наказанием, а Право – из любви к Богу, своему Творцу и Спасителю» [19, с. 204].

Синтетическая концепция близка к интегральной теории права, которую в постсоветской России активно разрабатывают В. Г. Графский, А. В. Поляков, В. В. Лазарев, Р. А. Ромашов [4; 9, с. 198–215]. В зарубежной юриспруденции

интегративная юриспруденция представлена трудами Г. Дж. Бермана и Дж. Холла [1, с. 16]. А. В. Поляков различает интегративную и интегральные теории правопонимания. По словам ученого, «взгляд на право как целостность, как представляется, отличает интегральное правопонимание от интегративного. Интегральный подход позволяет в целостности права выделять те аспекты, которые фрагментарно, в оторванности от других сторон правовой реальности, представлены в классических теориях права. Интегративный подход, не видя изначальной целостности права, стремится ее найти через объединение различных подходов, разработанных в классическом правоведении» [15, с. 118]. Таким образом, А. В. Поляков предлагает в понимании права отразить право как целостность. Иными словами, объектом отражения для правопонимания выступает правовая система как система взаимосвязанных правовых явлений и процессов. В таком виде коммуникативная теория как интегральная концепция права отличается от интегративной концепции права. А. В. Поляков предлагает следующее определение права в контексте коммуникативного подхода: «Право есть вытекающий из легитимированных текстов и основанный на общезначимых (социально признанных) и общеобязательных нормах коммуникативный порядок отношений, участники которого взаимодействуют путем реализации своих прав и обязанностей» [11, с. 22].

Коммуникативная концепция права А. В. Полякова во многом сходна с синтетической теорией права. Во-первых, А. В. Поляков корни коммуникативной теории права находит в русских политико-правовых идеях и прослеживает их эволюцию в трудах представителей российского традиционализма (В. С. Соловьев, славянофилы, Б. А. Кистяковский, Л. И. Петражицкий, П. А. Сорокин, П. И. Новгородцев, Н. Н. Алексеев, Е. Н. Трубецкой и др.). Во-вторых, автор коммуникативной концепции критически относится к использованию западной традиции правопонимания и считает необходимым обоснование правопонимания на основе собственной российской традиции и отечественных духовных ценностей. В-третьих, коммуникативная концепция права развивается А. В. Поляковым в русле отечественной консервативной мысли. Ученый отмечает: «Научный анализ

либерализма и консерватизма должен заключаться не в агитации за ту или иную идеологию, а в выявлении того, какая идеология присутствует в конкретной культуре и каковы перспективы ее социальной “жизни”. С этих позиций очевиден приоритет в русской культуре консерватизма, исторически основанного на православном мировоззрении и соответствующей сакральной культуре. В то же время русская история свидетельствует и о серьезных либеральных “инъекциях”, которые не могли не оставить свой след в культуре России» [10].

Таким образом, интегральную концепцию права А. В. Полякова можно признать разновидностью синтетической теории права, которая на основе феноменологической методологии описывает и интерпретирует российскую традицию правопонимания. В то время как интегративные подходы к понятию права основаны на соединении европейских теорий права без учета отечественной правовой традиции.

Между синтетической и интегративной концепциями есть существенные различия. Интегральный тип правопонимания претендует на соединение достоинств трех концепций права в различных вариантах: позитивизма, естественно-правовой школы и социологической юриспруденции (исторической концепции права), т. е. закона, нравственных начал права и сложившейся юридической практики и усмотрения правоприменителя (исторических традиций права). При этом, как нам представляется, между этими концепциями существуют неустрашимые противоречия, которые не позволяют их интегрировать. Во-первых, центральным звеном в интегральной теории остается нормативизм, разбавляемый естественно-правовой и социологической теориями. Во-вторых, данные типы правопонимания совершенно по-разному методологически решают как общие, так и частные вопросы правоведения. Так, для юридического позитивизма как такового право не может иметь пробелы и все их попытки восполнения путем апелляции к справедливости (духу права) или усмотрению суда абсолютно неуместны. Фактически интегральная теория порождает проблему своего рода «правового кентавра», когда сочетаются несовместимые трактовки права, которые сущностно непригодны к синтезу. Верно И. Ю. Козлихин отмечает, что «под вывеской» интегральной тео-

рии скрываются либо эклектичные подходы к праву, либо всё-таки одна версия в понимании права оказывается доминирующей [6, с. 243].

В синтетической концепции права в контексте российского консерватизма соединяются в один регулятор нравственность (традиции, обычаи народа), религия (высшие духовные абсолюты) и закон как формально-принудительный механизм. По существу, интегральная юриспруденция остается в рамках собственно юриспруденции, создавая прикладную и прагматичную теории права, учитывающие этические и социальные условия действия норм права [3, с. 49–64]. При этом интегративная концепция права стремится соединить европейские трактовки права и исходит из европейской правовой ментальности, для которой была изначально характерна идея разделения права и закона, коренящаяся в рационалистических установках позитивизма и эпохи Просвещения. Синтетическая теория базируется на отечественной традиции правопонимания и восходит к идее целостности сознания и бытия (философия всеединства В. С. Соловьева) и отражает единую, синтетическую природу социального регулирования в условиях российской цивилизации.

Господствующие в правовой науке интерпретации синтетической (интегральной) теории права основаны на строгой дифференциации социальных регуляторов – норм права, норм морали и религиозных норм, и вполне адекватны для обществ, прошедших путь секуляризации. В таких обществах право отделено от нравственности и религии и занимает автономное и даже превалирующее место в социальном регулировании, поскольку оказывается способно разрешить социальные конфликты и обеспечить порядок. Интегральная теория права стремится нейтрализовать недостатки нормативизма, дополняя формальную характеристику права идеей справедливости и включением в определение права элемента эмпирического правового опыта.

Российское правосознание до сих пор оценивается как слабо дифференцирующее нравственность, религию и право и отличающееся сильными религиозно-нравственными ориентациями и установками [16, с. 109]. Поэтому синтетическая концепция права в постановке отечественного консерватизма пытается учесть слитность всех социальных норм в российском

правовом менталитете и предлагает использовать потенциал такого «мононормативного» регулирования в российских условиях.

Литература

1. Берман, Г. Дж. Западная традиция права. Эпоха формирования [Текст] / Г. Дж. Берман. – Москва : Издательство МГУ: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998. – 624 с.
2. Варламова, Н. В. Российская теория права в поисках парадигмы [Текст] / Н. В. Варламова // Журнал российского права. – 2009. – № 12. – С. 68–84.
3. Графский, В. Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: Актуальный и все еще незавершенный проект [Текст] / В. Г. Графский // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 29–64.
4. Графский, В. Г. История политических и правовых учений [Текст] / В. Г. Графский. – Москва : Проспект, 2005. – 596 с.
5. Карцов, А. С. Правовая идеология русского консерватизма (II половина XIX – начало XX веков) [Текст] : дис. ... докт. юрид. наук / А. С. Карцов. – Москва, 2008. – 587 с.
6. Козлихин, И. Ю. Интегральная юриспруденция: дискуссионные вопросы [Текст] / И. Ю. Козлихин // Философия права в России: история и современность : материалы Третьих философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца. – Москва : Норма, 2009. – С. 242–253.
7. Козлихин, И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву [Текст] / И. Ю. Козлихин // Правоведение. – 2006. – № 1. – С. 31–40.
8. Кравченко, А. Е. Синтетическая теория права и государства А. С. Яценко [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Е. Кравченко. – Белгород, 2015. – 178 с.
9. Лазарев, В. В. Избранные труды: в 3 т. Т. III: Из истории политической мысли [Текст] / В. В. Лазарев. – Москва : Новая юстиция, 2010. – 415 с.
10. Поляков, А. В. Либерализм и консерватизм в контексте русского постмодерна // Консерватизм и либерализм: история и современные концепции: материалы Международной научной конференции 15 февраля 2002 г. / ред. А. С. Карцов. – Санкт-Петербург : Издательство С.-Петербургского университета, 2002. – С. 22–29.
11. Поляков, А. В. Коммуникативная теория права как вариант интегрального правопонимания [Текст] / А. В. Поляков // Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе. – Москва : Издательство ИГП РАН, 2008. – С. 8–25.
12. Поляков, А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода [Текст] / А. В. Поляков. – Москва : Проспект, 2016. – 832 с.
13. Поляков, А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. Курс лекций [Текст] / А. В. Поляков. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 843 с.
14. Поляков, А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации [Текст] / А. В. Поляков // Правоведение. – 2006. – № 2. – С. 26–43.

15. Поляков, А. В. Российская теоретико-правовая мысль: опыт прошлого и перспективы на будущее [Текст] / А. В. Поляков // Наш трудный путь к праву: материалы философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца. – Москва : Норма, 2006. – С. 86–121.

16. Семитко, А. П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки [Текст] / А. П. Семитко // Государство и право. – 1992. – № 10. – С. 108–113.

17. Соловьев, В. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2 [Текст] / В. С. Соловьев ; под ред. и с примеч. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Просвещение, 1911–1914. – 433 с.

18. Соловьев, В. С. Сочинения в 2 т. Т. 1 [Текст] / В. С. Соловьев. – Москва : Мысль, 1990. – 892 с.

19. Сорокин, В. В. Понятие и сущность права в духовной культуре России [Текст] / В. В. Сорокин. – Москва : Проспект, 2007. – 479 с.

20. Честнов, И. Л. Диалогическая онтология права в ситуации постмодерна [Текст] / И. Л. Честнов // Правоведение. – 2001. – № 3. – С. 45–52.

21. Яценко, А. С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства [Текст] / А. С. Яценко. – Юрьев, 1912. – 852 с.

22. Яценко, А. С. Философия права Соловьева [Текст] / А. С. Яценко. – Санкт-Петербург, 1912. – 43 с.

References

1. Berman, H. J. The Formation of the Western Legal Tradition [Text] / H. J. Berman. – Moscow : Publishing house of MSU: Publishing group INFRA-M – NORMA, 1998. – 624 p. [in Russian].

2. Varlamova, N. V. Russian Legal Theory in Search for a Paradigm [Text] / N. V. Varlamova // Journal of Russian Law. – 2009. – No 12. – P. 68–84 [in Russian].

3. Graftsky, V. G. Integral (synthesized) jurisprudence: Actual and unfinished project [Text] / V. G. Graftsky // Jurisprudence. – 2000. – No 3. – P. 29–64 [in Russian].

4. Graftsky, V. G. History of Political and Legal Doctrines [Text] / V. G. Graftsky. – Moscow : Prospekt Publ., 2005. – 596 p. [in Russian].

5. Kartsov, A. S. Legal Ideology of the Russian Conservatism (Second Half of the 19th century – Beginning of the 20th Century). The Thesis of Dr. of Laws [Text] / A. S. Kartsov. – Moscow, 2008. – 587 p. [in Russian].

6. Kozlihin, I. Y. Integral Jurisprudence: Discussed Questions [Text] / I. Y. Kozlihin // Philosophy of Law in Russia: History and Contemporaneity: Materials of the 3rd Philosophical Legal Readings in Memoriam acad. V. S. Nersesyants. – Moscow : Norma Publ., 2009. – P. 242–253 [in Russian].

7. Kozlihin, I. Y. About Non-Traditional Approaches to Law [Text] / I. Y. Kozlihin // Jurisprudence. – 2006. – No 1. – P. 31–40 [in Russian].

8. Kravchenko, A. E. Synthetic Theory of Law and State by A. S. Yashchenko. Author's abstract of the thesis for the

degree of Candidate of Laws [Text] / A. E. Kravchenko. – Belgorod, 2015. – 178 p. [in Russian].

9. Lazarev, V. V. Selected works: in 3 vols. Vol. III: From the History of Political Thought [Text] / V. V. Lazarev. – Moscow : Novaya Yusticiya Publ., 2010. – 415 p. [in Russian].

10. Polyakov, A. V. Liberalism and Conservatism in the Context of Russian Postmodernism [Text] / A. V. Polyakov // Conservatism and Liberalism: History and Modern Concepts: Materials of the International Scientific Conference on February 15, 2002. – St. Petersburg: Publishing house of S.-Petersburg University, 2002. – P. 22–29 [in Russian].

11. Polyakov, A. V. Communicative Theory of Law as a Variant of an Integral Understanding of Law [Text] / A. V. Polyakov // The Legal Ideas and Institutions in Historical and Theoretical Discourse. – Moscow : Publishing house of ISL RAS, 2008. – P. 8–25 [in Russian].

12. Polyakov, A. V. General Theory of Law: the Problem of Interpretation in the Context of the Communicative Approach [Text] / A. V. Polyakov. – Moscow : Prospekt Publ., 2016. – 832 p. [in Russian].

13. Polyakov, A. V. General Theory of Law: Phenomenological-communicative Approach. Lecture Course [Text] / A. V. Polyakov. – St. Petersburg : Yuridicheskyy center Press Publ., 2003. – 843 p. [in Russian].

14. Polyakov, A. V. Post-classical Jurisprudence and the Idea of Communication [Text] / A. V. Polyakov // Jurisprudence. – 2006. – No 2. – P. 26–43 [in Russian].

15. Polyakov, A. V. Russian Theoretical Legal Thought: Experience of the Past and Prospects for the Future [Text] / A. V. Polyakov // Our difficult path to the Law. Materials of Philosophical Legal Readings in Memoriam acad. V. S. Nersesyants. – Moscow : Norma Publ., 2006. – P. 86–121 [in Russian].

16. Semitko, A. P. Russian Legal Culture: Mythological and Socio-economic Origins and Background [Text] / A. P. Semitko // State and law. – 1992. – No 10. – P. 108–113 [in Russian].

17. Soloviev, V. S. Collected Works: in 10 vols. T. 2 [Text] / V. S. Soloviev. Ed. and footnotes by S. M. Soloviev and E. L. Radlov. 2nd ed. – St. Petersburg : Prosveshcheniye Publ., 1911–1914. – 433 p. [in Russian].

18. Soloviev, V. S. Works in 2 vols. Vol. 1 [Text] / V. S. Soloviev. – Moscow : Mysl' Publ., 1990. 892 p. [in Russian].

19. Sorokin, V. V. The Concept and Essence of Law in the Spiritual Culture of Russia [Text] / V. V. Sorokin. – Moscow : Prospekt Publ., 2007. – 479 p. [in Russian].

20. Chestnov, I. L. Dialogical ontology of law in the postmodern situation [Text] / I. L. Chestnov // Jurisprudence. – 2001. – No 3. – P. 45–52 [in Russian].

21. Yashchenko, A. S. Theory of Federalism. Experience of the Synthetic Theory of Law and State [Text] / A. S. Yashchenko. – Yuriev, 1912. – 852 p. [in Russian].

22. Yashchenko, A. S. Legal Philosophy of Soloviev [Text] / A. S. Yashchenko. – St. Petersburg, 1912. – 43 p. [in Russian].

Поступила в редакцию 06.02.2022

Received February 06, 2022

УДК 340

DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-2

Величко Алексей Михайлович,
доктор юридических наук,
профессор кафедры международного права,
Юридический институт Кемеровского
государственного университета,
650070, г. Кемерово, ул. Тухачевского, д. 33,
email: chessalexei@mail.ru

Velichko, Aleksey M.,
Doctor of Law, Professor,
Department of International Law,
Institute of Law at Kemerovo State University,
33 Tukhachevsky Str., Kemerovo,
650070, Russian Federation,
email: chessalexei@mail.ru

ЦЕРКОВНЫЙ КАНОН И «БОЖЕСТВЕННОЕ ПРАВО» (*JUS DIVINUM*)

CHURCH CANON AND DIVINE LAW (*JUS DIVINUM*)

АННОТАЦИЯ. В статье представлен анализ философско-правовой природы христианского правопонимания в контексте соотношения божественного права (*jus divinum*) и церковного канона. Автор проводит научное исследование источников канонического права православной и католической церкви, выделяя критерии отнесения нормы к божественному праву, а также изучая институт канонического законодательства. Выводы, сделанные на основании результатов труда, позволяют ответить на самый главный вопрос: какие именно правила, содержащиеся в Священном Писании, относятся к *jus divinum*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: христианское правопонимание; правовые ценности; божественное право; церковный канон; *jus divinum*; каноническое нормообразование; кодекс канонов; непогрешимый закон; церковное право.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Величко, А. М. Церковный канон и «божественное право» (*jus divinum*) [Текст] / А. М. Величко // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 1. – С. 17–28. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-2.

ABSTRACT. The work analyses a philosophic-legal nature of Christian understanding of law in the context of relations between divine law (*jus divinum*) and the church canon. The author studies sources of canon law in the Orthodox and Catholic churches. He highlights the criteria for attributing a norm to divine law, and examines the institute of canonical lawmaking. The conclusions drawn from the results provide the answer to the most important question: which rules from the Holy Scripture are related to *jus divinum*.

KEYWORDS: Christian understanding of law; legal values; divine law; church canon; *jus divinum*; canonical formation of rules; code of canons; infallible law; ecclesiastical law.

FOR CITATION:

Velichko, A. M. Church Canon and Divine Law (*Jus Divinum*) [Text] / A. M. Velichko. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 1. – P. 17–28 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-2.

*Нахожу удовольствие в Законе Божиим.
Рим. 7:22*

Божественный закон, всеобъемлющий в богословском учении, как скоро переносится в область права, объявляется положительным его источником, необходимо должен получить точное юридическое определение в своем содержании, иначе он будет правом только по имени, а не по свойствам. Такого законодательного определения юридической стороны в содержании божественного права мы не находим в существующем учении о нем.

Н. К. Соколов [23]

I.

Ясное осознание того, что Церковь не может основывать свою жизнедеятельность на переменчивых понятиях нашего разума, заставляло еще первых христиан искать Божественные указания для благочестивой и правильной организации собственного бытия. Это было тем более естественно, что общины христиан создавались Апостолами, сохранившими в непогрешимости учение, данное им непосредственно Христом, и которые сами в значительнейшей степени демонстрировали братьям и сестрам по вере образец того, как нужно жить, строить отношения и в общине, и с властями, совершать богослужение, причащаться Святых Даров и многому другому.

Церковь не только потому Апостольская, что в дальнейшем ее епископат был признан преемником первых учеников Христа, а еще и по той причине, что сами Апостолы стали примером для подражания. И Апостольские правила, тщательно собранные в течение нескольких веков всей Кафолической Церковью в единый сборник, окончательно рецепированные лишь в 691 г. на Трулльском соборе, легли в основу жизни первых христиан. Разумеется, с еще большим вниманием и почтением христианские общины относились к текстам четырех Евангелий и словам Спасителя, содержащимся в них.

Обращаться к Писанию для разрешения тех или иных текущих проблем для многих из них более чем привычно, т.к. первые христианские общины в Иерусалиме состояли в массе своей из иудеев, чье тысячелетнее сознание покоилось на Законе Моисея, провозглашенном их

народу Богом на Синайской горе. То есть – *на божественных правилах.*

Не все, однако, христиане считали их неизблемыми. Многим казалось, что в отличие от Нового Завета, данного человеку как путь к спасению и освобождению от греха, правила Ветхого Завета – это иго, наложенное на иудеев в наказание за поклонение золотому тельцу. Однако даже противники иудейского благочестия полагали, что и в Законе Моисея, поскольку он имеет своим источником Божественное Откровение, сокрыта тайная истина, которая недоступна иудеям, но каковую им самим следует познать [12, с. 503]. Ведь, положенная на Заповеди Христа, она тоже спасает человека: «Испытайте Писания, в которых вы думаете иметь вечную жизнь: они свидетельствуют о Мне» (Ин. 5:39, 40) [9, с. 344, 345].

Впрочем, и римляне-язычники, чьей Империи христиане являлись гражданами, исповедали *jus naturale*, «естественный закон», «закон природы», данный человеку для разумного основания государства как некая высшая и внешняя, «объективная реальность», *независимая* от него сила [26].

Как иудеи ссылались на десять «Заповедей», «Числа», «Левит» и «Второзаконие», так и христиане повторяли заповеди Спасителя, Его наставления и слова Апостолов. Не случайно в канонах Вселенских Соборов и определениях Святых Отцов и Учителей Церкви зачастую присутствуют ссылки на Священное Писание. «Во вдовстве имеющая власть в самой себе, – говорится в 41 правиле св. Василия Великого, – может сочетаться неповинно, аще нет никого, разлучающего сие сожитие. Ибо Апостол рек: аще умрет муж, свободна есть, за него же хочет, посягнути, точию о Господе (Рим. 7:2; 1 Кор. 7:39)». Тем более это характерно для толкований древних правил, подготовленных древними канонистами. Например, при разъяснении 1 Апостольского правила о рукоположении епископа они любили приводить ссылки на 4 Книгу Царств: «И поставил священник надзирателей (“епископов”) в доме Господнем» (4 Цар. 11:18) [17, с. 181].

В течение лет эта традиция все более укреплялась. Однако в 1140 г. «Декрет Грациана» совершил настоящую революцию в каноническом праве, признав *всю* совокупность правил и заповедей Священного Писания правом

особого рода (*sui generis*), т.е. действующим помимо воли и желания человека, заповеданным ему Самим Христом *jus divinum positivum* – «божественным позитивным правом». Именно из него, заявил первый кодификатор канонического права, а не из какого-либо иного источника, непосредственно рождаются канонические правила. Оно же подлежит непосредственному, прямому применению [7].

Если не касаться методологических проблем, а сконцентрировать внимание главным образом на социально-политических причинах этой реформы, то нельзя не признать, что этот шаг был *единственно возможным* для Римо-католической церкви, обусловленный внутренней логикой ее исторического развития. Таким способом, в первую очередь, она дистанцировалась от Византии, императоры которой систематически вмешивались в ее внутренние дела и компетенцию – папы не забыли, что *множественно* василевсы отбирали некогда принадлежавшие Западной церкви провинции и передавали их в духовное управление Константинопольским патриархам, иерархическое возвышение которого также было следствием политики Восточных царей.

Помимо этого, Римские епископы, не менее тяготившиеся зависимостью от государей Западной империи, могли в ходе принципиальных споров с королевской властью отвечать, что есть «право человеческое» (*jus humanum*), «право князей», «обычное право», «естественное право», а есть еще и «*право божественное*» (*jus divinum*) как свод конкретных норм *позитивного*, т.е. действующего помимо воли и желания людей *права*, данного Самим Богом [24].

С учетом того, что уже с древних лет Римские епископы полагали себя *единственным* источником канонического законодательства (хотя в действительности папы нередко разделяли эту власть с остальным епископатом и Соборами), и толкование Священного Писания, по их мнению, явно не входило в прерогативы германских императоров и королей – вчерашних язычников и сегодняшних неопитов, вход светских правителей в эту сферы деятельности Церкви был надежно заказан. По крайней мере, с «научной» точки зрения. И потому папы могли с чистым сердцем диктовать клирикам Западной церкви: «Императорские постановления не должны использоваться в каком-либо

церковном споре, поскольку они в ряде случаев противоречат Евангельским или каноническим санкциям. Императорские постановления не выше постановлений Бога, но ниже их. Церковные законы не могут отменяться каким-либо императорским суждением» [4, с. 120].

Правда, Грациан (?–1159) помимо «божественного права» доказывал существование еще и «естественного закона», полагая что тот также имеет своим источником Бога, хотя одновременно запечатлен в совести и разуме людей. Поэтому каноническое право хотя и является производным от *jus divinum*, не должно противоречить «естественному закону» [3, с. 147]. Однако впоследствии Гуго Гроций (1583–1645), один из основоположников «естественного права» Нового времени, тем не менее подчинил и его *jus divinum* [6, с. 75].

Авторитет «божественного права» в этой доктрине стал столь высок, что, как начали полагать, *jus divinum* не может быть отвергнуто даже Церковью в лице своего священноначалия: «Божественное право Нового Завета есть право безусловно-обязывающее и отдельных христиан, и церковное правительство, право, существующее и действующее с божественной необходимостью, не допускающее ни отмены, ни изменения, ни диспенсации» [24].

Это убеждение католиков вылилось в официальное признание *всех* правил, содержащихся в Новом Завете, нормативными актами прямого действия. Остальные же каноны, содержащиеся в своде, считались производными от них: «Каноническое право всегда имело своим источником божественное право» [7]. Более того, по учению Римо-католической церкви, даже государственное законодательство может применяться лишь в тех случаях, когда оно соответствует *jus divinum*, равно как не может получить силу закона ни один правовой обычай, противоречащий ему (каноны 22 и 24 Кодекса канонического права).

Относительно ветхозаветных правил мнения на Западе не раз менялись. Римский папа св. Климент (88–97), ученик Апостола Петра, без особых сомнений перенес еврейский институт священства в организацию Церкви как ветхозаветное «божественное право». Другие считали обязательной к применению из всех ветхозаветных правил лишь десятину с дохода в пользу священства. В конце концов католики

отнесли к «божественному праву» десять заповедей Закона Моисея, правило о десятине, а также отдельные нормы о родстве при заключении брака, полагая, что все остальные, перенесенные в Кодекс канонического права пусть и в интерпретированном виде, реципированы Римско-католической церковью.

Однако на Востоке эта теория не могла быть принята официальным образом – хотя бы потому, что в Византии обходились *номоканами* и не спешили систематизировать правила в виде отдельного и универсального Церковного кодекса. Кроме того, каноническое нормотворчество Византийских императоров было столь широким и постоянным, что попытка его ограничения со стороны патриарха не могла бы никоим образом увенчаться успехом. Впрочем, это была не единственная форма их участия в жизни Церкви. В отличие от большинства западных государей, василевсы славной Византии считали для себя *обязательным* участие в догматических спорах с первого до последнего дня существования их Империи. Живые примеры тех веков – Исихастские споры XIV столетия и Ферраро-Флорентийский собор 1438–1439 гг. На Востоке священноначалие благосклонно относилось к этой постоянной практике, ничуть не сомневаясь в компетенции своего императора и его праве (или обязанности?) формировать истинное Вероучение.

По этим причинам в течение очень длительного времени в Восточно-православной церкви предикат «божественный» прилагался только к самим канонам. И гораздо позднее виднейшие православные канонисты при всех расхождениях между собой не спешили употреблять выражение *jus divinum* в положительном смысле. Однако с течением лет названная доктрина получила развитие и на Востоке, в том числе в Русской церкви, чьи исследователи теперь также охотно ссылаются на «божественное право», как и их коллеги на Западе. Правда, у нас «божественное право» все же не получило никакого документального утверждения, и ссылки на него в официальных документах не присутствуют.

II.

С учетом «открытия» *jus divinum* дальнейший алгоритм канонического правообразования с точки зрения теории очевиден: нормы Священного Писания либо непосредственно

применяются в Церкви, либо служат источником для формирования новых канонов. На первый взгляд, никаких методологических проблем в такой конструкции не предвидится. Но, как давно замечено, в науке церковного права существует не много вопросов, которые не только имеют такую первостепенную важность, но и столь же спорные, как *jus divinum* [22]. В правоте этого тезиса несложно убедиться, глядя на замысловатость обоснований и противоречивость доводов в защиту теории «божественного права».

Если бы каноны *jus divinum* имели вечный, неизменный характер, никаких проблем не могло бы предвидеться ни при каких обстоятельствах. Но в том-то и дело, что это условие – *невыполнимо*, и сегодня множество правил, непосредственно взятых из Священного Писания, более не применяется. Вследствие этого возникает неустрашимое внутреннее противоречие: с одной стороны, утверждается, что правила *jus divinum* неизменны, с другой, – признается, что в прежние времена «состояние Церкви отличалось значительными особенностями в сравнении с последующим временем, потому *некоторые* (? – А. В.) нормы церковной жизни времен Апостолов вышли из церковной практики или заменены другими, более сообразными с обстоятельствами позднейшего времени» [2]. В этой фразе небесспорным представляется только одно утверждение – что будто лишь «*некоторые*» нормы Апостолов не подлежат более применению, все остальное – истинная правда.

Чтобы устранить эту проблему, пошли на некоторые уступки, невольно изменив главному свойству *jus divinum* – что все правила, содержащиеся в Священном Писании, относятся к нему. Стали доказывать, что сам по себе факт нахождения в книгах Священного Писания тех или других правил, имеющих отношение к внешнему порядку церковно-общественной жизни, «еще не решает вопрос о присущем им характере норм божественного, неизменного права» [13].

Да, каноны могут устаревать и даже не применяться в действительности, объясняют нам, но неизменность нормы вообще нельзя считать «непременным критерием ее принадлежности к божественному праву» [26]. Словно отвечая на немой вопрос, убеждают, что

«характер неизменности принадлежит только таким заповедям Христа, которые касаются *существенной* стороны устройства Церкви» [2]. И в тех случаях, когда ранее соблюдаемые нормы *jus divinum* с течением времени перестали применяться, следует считать, что эти правила – отнюдь не акты прямого действия, а «высшие начала и критерии положительного церковного права, которое ни в коем случае не может стоять в противоречии с божественным правом» [13].

Иными словами, если ранее действовавшее правило, непосредственно присутствующее в заповедях Христа или учении Святых Апостолов, перестало применяться, то ситуацию следует понимать так, что отныне оно представляет собой некую первооснову для будущих канонов, идеал, который должен быть раскрытым в последующем нормотворчестве Церкви. Новый канон как бы развивает старую норму, восполняет ее своим свежим содержанием. Так, норма «мертвого права» оказывается источником для нового правила.

В этой связи даже приводится один пример, который должен стать хрестоматийным. Как известно, в Первом Послании к Тимофею Апостол Павел требовал, что кандидат в епископы должен быть «одной жены муж» (1 Тим. 3:2). Иными словами, в то время Священное Писание вполне допускало существование женатого епископа, но только *одним* браком. Однако уже Карфагенский собор 390 г. своим вторым каноном предписал, чтобы епископ вообще не имел супруги. Император св. Юстиниан Великий (527–565) законом от 528 г. не только подтвердил это правило, но даже повелел не допускать к епископской хиротонии кандидатов, имевших от брака детей и внуков. В 531 г. он же установил запрет для ранее женатых епископов проживать вместе с бывшими женами. Спустя короткое время специальной новеллой на имя Константинопольского патриарха Епифания (520–535) царь еще более ужесточил требование к безбрачию епископов [16, с. 464–466]. Наконец, 12-й канон Трулльского собора категорически запретил архиереям пребывать в браке после хиротонии. И в скором времени открылась новая практика хиротонисать в архиереи главным образом кандидатов из монашествующих лиц.

Весь этот многовековой процесс канонического нормообразования в глазах сторон-

ников *jus divinum* выглядит, как «восполнение Апостольской заповеди», которое, вводя новое, более жесткое условие, которому должен отвечать кандидат в епископы, «оставляет неприкосновенным идущий от Апостольского Писания запрет второбрачия епископов» [26].

Однако исходя из предлагаемой логики следует, что *упразднение* Трулльским собором (16-й канон) предельного семеричного числа диаконов в городах, установленного ранее 15-м правилом Неокесарийского собора, тоже является естественным и логичным *завершением* раскрытия нормы «божественного права». Что выглядит довольно нелепо. Особую интригу придает еще и то обстоятельство, что именно Трулльский собор рецепировал в составе 625 ранее действовавших в форме местных обычаев канонов все без исключения (!) акты Неокесарийского собора. Как видим, процесс правообразования в Церкви не так линейен, как нам его пытаются представить.

III.

Это далеко не единичная причина для сомнений относительно доктрины «божественного права». Казалось бы, какие более ясные и категоричные указания относительно организации христианской общинной жизни могут быть помимо тех, которые содержатся в «Деяниях Святых Апостолов»? Есть ли большее «божественное право», чем указания и примеры, содержащиеся в них?! Например, относительно регулирования имущественных отношений в Церкви между ее членами: «И все верующие были вместе и имели все общее. И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого» (Деян. 2:44, 45). Или относительно «графика» посещения храмов, совершения богослужения и причастия: «И каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа. Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви» (Деян. 2:46, 47). Но не только в наши дни эти правила более не применяются, они сошли на «нет» сразу же по окончании Апостольской эпохи. Где здесь «развитие» канона?!

Насколько может считаться соответствующим доктрине «божественного права» тот факт, что церковные Соборы, источником которых

стал знаменитый Апостольский собор в Иерусалиме в 49 г., – безусловно, норма *jus divinum*, повторенная 37-м Апостольским правилом, 5-м канонем I Вселенского Собора, 19-м канонем Халкидонского собора, 8-м канонем Трулльского собора, 51(62)-м канонем Карфагенского собора о ежегодных Соборах епископов, – не исполняется в нашей Церкви? Или эту практику также следует отнести к одному из видов естественного «развития» древнего правила?

Не в лучшем положении оказываются и заповеди о категорическом запрете развода (Матф. 5:32). Если это предписание имеет характер *jus divinum* (а формально подходя, иной вывод просто невозможен), то едва ли найдется оправдание Восточно-православной церкви, с древних лет допускающей не только один развод, но даже и *три* (!), поскольку христианину не возбраняется трижды вступить в брак. В отличие, кстати, от католиков, для которых слова Христа являются *непреложным законом*, подлежащим обязательному исполнению. Поэтому, в соответствии с канонами 1134 и 1141, «одобренный и заверченный брак не может быть расторгнут никакой человеческой властью и ни по какой причине, кроме смерти».

Обосновывая существование *jus divinum* по тому критерию, что к нему относятся лишь правила, касающиеся существенной стороны жизни Церкви, нередко с легкостью готовы сослаться на *отдельные слова и упоминания* из Нового Завета, чтобы обосновать «божественное» происхождение целых канонических институтов. Но при этом демонстративно не замечают важнейших правовых прецедентов и многочисленных Апостольских указаний, содержащихся в Священном Писании.

Начнем с того, что *мужское священство*, один из принципов построения церковной иерархии, нигде *специально* не оговорено в Евангельских текстах и Посланиях Апостолов. Да, о нем говорится в книгах *Ветхого Завета*, но не в том контексте, что женщинам прямо запрещается претендовать на священническую хиротонию. В подобных ситуациях так часто руководствовались принципом: «Что не запрещено, то разрешено», что интерпретировать эти тексты как прямой запрет едва ли допустимо. Ссылка канонистов на отдельные строки посланий Апостола Павла, которые обычно приводят в защиту действующего принципа хиротонисать

только мужчин, также едва ли может считаться абсолютно применимой. Ведь в них речь идет не о священстве, а *об учительстве*: «Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью; а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии» (1Тим. 2:11, 12) и «жены ваши в церквах да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит. Если же они хотят чему-то научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих; ибо неприлично жене говорить в церкви» (1 Кор. 14:34) [23].

Однако, как известно, в ту пору учительство еще не относилось к неперемнным атрибутам священства, и им занимались *дидакалы*, странствующие учителя веры [11]. По-видимому, совсем не случайно именно в первые века существования Христовой Церкви появляется должность *диакониссы*, которая хотя и не считалась священнической, но была связана с совершением некоего рукоположения, именуемого точно так же, как и над кандидатами в пресвитеры, *хиротонией*. «В древних книгах, – утверждал Матфей Властарь (1290–1360), – в которых подробно описан чин *всяких хиротоний*, говорится и о возрасте, какой должна иметь диаконисса...» [1, с. 119].

По всей видимости, в данном конкретном случае важна не столько правовая составляющая этого правила, сколько *догматическая*, вероучительная, поскольку жена – *товарищ* мужа (Быт. 3:16), а он – ее господин; и семя Жены, Спаситель, обещанный человеку Богом, Христос, грядущий Царь, Священник и Пророк, поразит древнего змия в голову (Быт. 3:15) [20, с. 103–107].

Отсюда, а также из древнего обетования, что левиты-священники, помогавшие в отправлении обрядов потомкам первосвященника Аарона, символизировали первенцев Израиля, посвященных Богу (Исх. 13:2, 12), со всей закономерностью вытекает и принцип мужского священства для ветхозаветных евреев [25, с. 119, 120]. Апостолы, даже не думая подвергать эту очевидную традицию ревизии и сомнению, лишь продолжили ее. Попутно отметим, что в то время во многих языческих культах женское священство вполне допускалось. Например, девственные весталки Древнего Рима являлись жрицами и совершали священнические функции по торжественной формуле «за римский

народ квиритов» (*pro populo Romano Quiritibus*) [22, с. 202, 203].

История со всей очевидностью раскрывает тот факт, что и другие виды церковного служения прошли длинный и замысловатый путь своего становления и развития, пока не приняли знакомые нам очертания. Не основываясь, однако, на конкретных текстах Нового Завета.

Всем известно, сколь важен институт епископата: «Епископ столь же необходим для Церкви, сколько дыхание для человека и солнце для мира» [15, с. 159]. Однако в эпоху Древней Церкви диаконство и епископат нередко воспринимались как *сродные* должности. В частности, в Послании Апостола Павла к филиппийцам (1 Фил. 1:1) и в Первом Послании к Тимофею (1 Тим. 3) предписания относительно епископов и диаконов *объединяются*. А в Первом Послании Апостола Петра епископство вообще именуется «*диаконией*» (1 Петр. 4:10). При этом требования, предъявляемые к кандидату в епископы со стороны Апостола Павла в том же послании: «Епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, чистен, страннолюбив, учителен, не пьяница, не бийца, не сварлив, не корыстолюбив» (1 Тим. 3:2–4), практически *аналогичны* тем, которые касаются диаконов: «Диаконы также должны быть честны, не двоязычны, не пристрастны к вину, не корыстолюбивы, хранящие таинство веры в чистой совести», «муж одной жены» (1 Тим. 3:8–12). Помимо прочего, как диаконы, так и епископы должны были заботиться о материальном состоянии христианской общины [10, с. 34–39].

Более того, в первые годы существования христианских общин епископ являл собой лицо, в чьем ведении находились только финансово-хозяйственные вопросы. А настоящими руководителями общин считались *пресвитеры* на пример иудейских обществ, как наиболее уважаемые и старые ее члены [24]. Хотя о них Новый Завет упоминает всего трижды и совершенно безотносительно каких-либо полномочий. Заметим, что сакральный статус иереев в глазах современников тех событий был не очень высоким: диаконов сравнивали с Христом, а пресвитеров – «только» с Ангелами. Однако, как свидетельствует история, сразу по окончании Апостольского века именно пресвитеры стали главными руководителями Иерусалимской общины [11].

Впрочем, класть в основу современной церковной иерархии прямые нормы Священного Писания едва ли возможно. Как справедливо замечают исследователи, в своих Посланиях Апостолы вообще больше уделяют внимание не наименованию конкретных должностей, а *видам служений*. Так, Апостол Павел в Послании к Ефессянам перечисляет служения Апостолов, пророков, Евангелистов, пастырей и учителей, не упоминая ни епископов, ни пресвитеров, ни диаконов (Еф. 4:11). Однако это вовсе не означало, что общины управлялись демократическими способами – уже и тогда существовала своя система управления местными христианами в городах [8, с. 58]. Другое дело, что она едва ли может быть признана аналогом современной.

Кроме того, очень скоро в древних христианских общинах появились должности, Писанием вообще не предусмотренные, в частности: *иподиаконы, аколумы, чтецы и привратники* [18, с. 146]. Но если «божественное право» непреложно, то, очевидно, нам следовало бы сегодня лицезреть *иную*, более разветвленную систему церковной иерархии, включая пророков и учителей и т.д. – словом, все те (и только те) должности и виды церковного служения, которые упоминаются в Новом Завете.

Множество других канонов, которые насчитывают уже почти двухтысячелетнюю историю, также образовались вовсе не из *jus divinum*, а из римского гражданского и публичного права. Например, нормы, регулирующие имущественные отношения приходов, сама иерархия и система церковной власти, церковное судопроизводство и даже церковные наказания. Как известно, *св. Константин Великий* (306–330) воспринимал епископов Церкви как *духовную магистратуру* Римской империи, а в церковных делах приравнивал архиереев даже к императору. Поэтому порядок созыва Вселенских Соборов напрямую копировал аналогичную процедуру, установленную для Сената. А церковные наказания – низвержение епископа из сана и запрет на осуществление священнической деятельности – были просто *списаны* с аналогичных прещений, которые римское право устанавливало для провинившихся сенаторов (*degradacio* и *suspension*) [24]. Согласимся, было бы довольно искусственно прилагать «божественное право» Священного Писания к государственным институтам *языческого* Рима.

Еще более резко и отчетливо «римский» след имело правовое положение епископов на Западе. Там архиереи довольно рано получили исключительное право совершать миропомазание, освящать алтари храмов, торжественно облачать в священные одежды дающих обет целомудрия девиц и вдов. Характерно, что обычно помещением для епископа являлся *praetorium* – резиденция римского магистрата [24].

Едва ли можно признать «божественное право» источником и того вполне разумного и действующего до сих пор канона, согласно которому лицо, случайно и нехотя проглотившее воду перед принятием Святых Даров, все равно допускаемое к причастию (16-е правило Тимофея Александрийского)?

Напротив, какой аналог в Священном Писании имеет древний и уже, конечно же, не применяющийся 41(50)-й канон Карфагенского собора о допустимости совершения священником Евхаристии после приема пищи в Святой Четверг? Из какого *jus divinum* он образовался?

Многочисленные правила и целые правовые институты (например, покаяние, тайная исповедь) в первые века христианства были Церкви совершенно неизвестны. Зато сейчас составляют одну из сакральных основ церковной жизни каждого христианина.

Важнейший институт канонического законодательства – Соборы – также имеет своим источником вовсе не нормы Священного Писания, а вполне конкретный аналог *старейшин*, имевших обыкновение обсуждать важнейшие вопросы веры. В этом отношении Апостолы воспользовались древнейшей практикой Израиля, а ничем иным. Как известно, старейшины не были выборными людьми в буквальном смысле слова. Все они – главы родов, племен, представлявшие народ по праву первородства, наиболее уважаемые старцы [11]. Это был вид почетного *народного представительства*. Из старейшин, между прочим, рекрутировались кандидаты на высшие государственные должности – в первую очередь, судьи и военачальника. В последующем на институт старейшин серьезное влияние оказали греческие гарусии и римский Сенат. В конце концов он принял вид *синедриона*, каковым его и застали Христос и Апостолы [14, с. 64–68].

Как следствие, многие видные канонисты давно уже согласились между собой с тем,

что Священное Писание не представляет собой законченный *кодекс* церковного законодательства в буквальном смысле слова. Было бы непростительным упрощением описывать земной путь нашего Господа Иисуса Христа как «путешествие» Законодателя. В этом случае мы вынуждены были бы признать Спасителя земным владыкой с соответствующими атрибутами земного властного лица. Подтверждением этого вывода является тот факт, что, как указывалось выше, далеко не все заповеди «божественного права», даже те, которые сформулированы по принципу правовой нормы (гипотеза – диспозиция – санкция), в последующем вошли в свод канонических правил. Но даже правила, формально могущие быть отнесенными к «божественному праву», имеют исключительно *нравственный* характер и *внутренне-принудительную* силу [23]. Истинное вероучение потому и ценно, что ему следуют не по принуждению.

Кроме того, нельзя не заметить, что в Священном Писании присутствуют не столько *правовые* указания, сколько *нравственные*, которые никак к *jus divinum* не могут быть отнесены [5, с. 28, 29]. Но для теории «божественного права» подобные рассуждения смерти подобны: разве допустимо отменять и вообще отвергать волю Божественного Законодателя, которая прямо выражена в Евангелии?! Однако нет никакой возможности оформить правовым образом, например, слова Христа о том, что следует подставить щеку, когда бьют по другой, отдавать спорную одежду без суда требующему ее лицу (Матф. 5:39, 40). Или заповедь о необходимости возлюбите ближнего своего, как самого себя (Матф. 22:39) [24].

В результате даже Римо-католическая церковь при всем безмерном доверии и уважении к «божественному праву» вынуждена была признать этические правила Нового Завета *источниками* положительного канонического права, но не правилами *jus divinum* [24].

IV.

В результате мы получаем не самый выгодный для разбираемой доктрины итог: **далеко не все каноны родились из «божественного права» или представляют собой правила, непосредственно взятые из Священного Писания, а если и связаны с ним, то очень часто со**

временем изменялись до неузнаваемости или вообще более не действуют на практике; зато другие важнейшие канонические правила не имеют к *jus divinum* никакого отношения.

Кроме того, очень часто заповеди и определения Священного Писания имеют характер нравственного указания, которому нет возможности придать правовую форму.

В этой связи попытка сохранить жизнеспособность доктрины «божественного права» стала сопрягаться с той аксиомой, что неизменность канона не является обязательным атрибутом *jus divinum*, главное – *непогрешимость* правила. «Не включать в божественное право те заповеди, которые, хотя и имеют свой источник в Божественной воле, но не носят абсолютно неизменного характера, а вызваны преходящими обстоятельствами времени, было бы насилием над логикой. Вопрос об изменности правовых норм следует отделить от вопроса об их источнике. Неизменность нормы нельзя считать неперемным критерием ее принадлежности к божественному праву». И вывод: не неизменность, а *непогрешимость* правовых норм является критерием *jus divinum* [26].

Но сразу же следует сказать, что едва ли вообще возможно придавать предикат «непогрешимый» и «истинный» *позитивной правовой норме*. Это – богословская или нравственная категория, которой можно охарактеризовать лежащую в основании правила *идею*, но не само содержание закона. Кто-нибудь и когда-нибудь встречал выражения типа «непогрешимый закон», «истинный кодекс» и т.п.?! Очевидно, это вопрос – риторический.

Тем не менее нам говорят: содержание конкретного канона может меняться, даже если в его основе лежит прямое правило из Священного Писания. При этом «*единственным* критерием, позволяющим безошибочно определять, какие правила церковно-общественной жизни относятся к *jus divinum*, а какие – нет, является ясно выраженное сознание самой Вселенской Церкви. И в этом отношении роль Священного Предания нельзя преувеличить, поскольку именно те нормы, которые Церковь *непрерывно* соблюдала в течение веков, и могут быть бесспорны отнесены к *jus divinum*» [13]. Иными словами, применение того или иного правила Церковью в течение длительного времени и

является признаком его непогрешимости, поскольку сама Церковь непогрешима.

Но как раз этот довод и выглядит насилием над логикой: получается, что непрерывность действия канона (*сугубо временной фактор*, никак не касающийся содержания правила) хотя и не является признаком *jus divinum*, но по непонятному капризу судьбы становится критерием признания его непогрешимым. В этом случае следует признать логичным и обратный вывод: если тот или иной канон более не применяется на практике, то, следовательно, он *погрешим* по своему содержанию. Едва ли, однако, все канонисты разделят такой вывод безоговорочно, и их озабоченность можно понять и разделить.

Куда, например, в этом случае отнести 85-й канон Трулльского собора, определивший порядок отпуска раба на свободу – к числу «погрешимых» или «непогрешимых» актов? В силу объективных обстоятельств он давно уже не применяется, но в свое время его реципировали Вселенский Собор и вся Кафолическая Церковь. Следовательно, никаких нравственных изъянов она в нем не усматривала. 13-й канон Неокесарийского собора, определивший полномочия сельских пресвитеров и хорепископов (14-й канон VII Вселенского Собора, 8-й и 10-й каноны Антиохийского собора, 13-й канон Анкирского собора, 13-й и 14-й каноны Неокесарийского собора), также внутренними пороками не страдают. Одна беда: эти церковные должности уже более тысячи лет не существуют в Церкви.

Однако нас продолжают убеждать: «Нормы божественного права, являясь основой церковного права, не составляют в своей совокупности законодательного кодекса, который бы определял весь строй и порядок церковной жизни. Они служат первооснованием, высшим началом и критерием законодательства самой Церкви» [26].

Но, во-первых, ни в одной из Поместных церквей православного вероисповедания нет и никогда не было никакого *кодекса канонов*, хотя актуальность в его разработке и регулярном обновлении для всех очевидна. А во-вторых, куда в этом случае деть те нормы и правила Священного Писания, которые имеют прямое действие и *сегодня*? Получается, что они, являясь действующим каноническим правом, одно-

временно представляют собой нравственное основание для развития канонов?

Правоведы так не говорят: они сказали бы, что в конкретном правиле содержится некая нравственная идея, принявшая данную правовую форму с определенным содержанием. Идея не может быть тождественна форме, в которую она облекается, это нонсенс. В конце концов, о чем мы говорим: о нравственной идее или о конкретной правовой норме, которая, несмотря на свою непогрешимость, может утрачивать практическое значение, оставаясь тем не менее критерием для действующего свода канонических правил? Было бы довольно наивным пытаться получить ответ на эти вопросы, чтобы они не противоречили один другому.

V.

Подытожив, следует сделать иной вывод, согласно которому правильно говорить не о непогрешимости *канона*, а о непогрешимости *Кафолической Церкви*, которая посредством ординарной деятельности своих органов осуществляет каноническое правотворчество. «Ответ на вопрос, что относится к божественному праву и неизменно для Церкви, а что – нет, может быть дан лишь *общецерковным признанием* Кафолической Церкви, а не чьим-то личным разумом» [23].

«Не во внешних исторических формах заключается существо канона, не от них зависит целостность Церкви, верность ее самой себе и тем высшим целям, для которых она основана и существует. За внешними формами и учреждениями сокрыт дух древнего церковного законодательства, основные принципы которого, меняя формы, не должны умирать и могут облекаться и воплощаться в новых, даже более широких и совершенных учреждениях» [23].

Остается только понять главное: кому Христос предоставил право облекать *jus divinum* в правовую норму и определять, какие заповеди должны считаться неизменными, а какие допускают на практике разные формы применения, что «погрешимо», а что – нет? Казалось бы, ответ очевиден: поскольку каноны должны иметь твердое основание в Священном Писании, сохраняться Священным Преданием и непрерывно действовать, а сознание Церкви должно воспринимать их как Божественное Откровение, то, следовательно, «посредством Соборов

из представителей различных Церквей могли приходиться в известность, исправляться, очищаться и распространяться обычаи Церквей, основанные на Предании. Общее верование и убеждение Церквей, общий обычай находили здесь самое верное и самое свободное признание» [23].

Однако, нисколько не стесняясь того, что противоположный вывод выглядит копией католических принципов, которые едва ли могут быть признаны *универсальными*, заявляют, что общецерковное признание Кафолической Церкви вполне может быть заменено *решением епископата*, причем даже в избирательном числе [2]. Поскольку-де именно ему Господь наш Иисус Христос вручил прерогативы толкования и развития норм «божественного права»: «Кафолический епископат с согласия церковного народа может выражать свою законодательную власть и *помимо* Вселенских Соборов через признание общецерковной обязательности правовых актов, изданных первоначально для одной Поместной церкви или даже одной епархии» [26].

В приведенном отрывке нельзя сразу же не отметить весьма вольное содержание последнего тезиса: *в чем* должно выражаться «согласие церковного народа»? *как* признается им церковная обязательность изданных епископатом правовых актов? проявлялось ли это *ранее* в каких-то практических формах или все сказанное – лишь красивая декларативная гипотеза? По здравому размышлению, волей-неволей приходится склоняться ко второму выводу.

Но главное даже не в этом. Исходя из предлагаемой конструкции, получается, что *не Господь* дал нам «божественное право», его *творит священноначалие*. Несложно, однако, заметить, что, наделив восточный епископат тем же свойством «*безошибочности*» или «*непогрешимости*», какое усвоил себе Римский понтифик, авторы этой доктрины перенаправили все те упреки, которые Восточно-православная церковь высказывает в адрес Римо-католической церкви, ей же самой. И далеко не случайно Ю. Ф. Самарин (1819–1876) некогда прямо утверждал, что и наши богословы, и латиняне в действительности исповедуют *одно и то же* учение о некоем видимом символе как сущности Церкви. Только у католиков этот символ – Римский папа, а у нас – совокупность

епископов [19]. Но ведь ранее мы сами неизменно утверждали, что «высшей церковной власти ни Спаситель, ни Апостолы не установили в каком-либо одном лице» [21, с. 13].

Если в римо-католической доктрине канонического права это положение вещей имеет по крайней мере то богословское обоснование (пусть даже и не признаваемое Православной церковью), что в качестве викария Христа Римский понтифик, «в коем пребывает служение, особым образом порученное Господом Петру, первому из Апостолов, и подлежащее передаче его преемникам», что он «Наместник Христа и Пастырь всей Церкви на сей земле» (канон 331 Кодекса канонического права), вправе изменять и само «божественное право» и воздавать должное за преступления против Церкви в смысле возмездия в том смысле, в каком Господь говорит о Себе: «Мне отмщение и Аз воздам» (Рим. 12:19), то Восточно-православная церковь не имеет и его. Напротив, она учит и всегда учила, что спасает грешника не Церковь, а Христос, а потому она не вправе передавать воздаяние, преследующее своей целью удовлетворения божественной справедливости, в руки видимой, земной власти, пусть даже священноначалию [24].

...Уже много раз и в течение многих десятилетий вставал вопрос о разработке *научного* церковного права и подготовке Кодекса канонов, действующих во *всех* православных Поместных церквях, однако «воз и ныне там». Причин этого много, включая все более и более развивающийся «церковный национализм», утрату католического сознания современных православных христиан и просто галопирующую тенденцию «*напизма*», от которой не свободна и Русская церковь.

Очевидно, это печальное положение дел приводит не только к многочисленным правовым лакунам, но и, как неизбежное следствие этого разрушающего здоровое правосознание процесса, обесценивает само каноническое право Церкви, которое либо возносится на недосягаемую для обычного христианина высоту, скрываясь в сакральной дали, куда вход есть лишь «*посвященным*», либо утрачивает свою божественную основу, принимая знакомые черты права «для сильного».

Разумеется, говорить о равенстве всех христиан перед Христом, о братской любви уже не приходится, поскольку вся Церковь немедленно разделяется на «*пастырей*», «*власть и право имеющих*», и «*пасомых овец*», к праву *не допущенных*...

Литература

1. Алфавитная синтагма иеромонаха Матфея Властаря. Буква «у». Глава 11 [Текст]. – Москва, 2006.
2. Бердников, И. С. Краткий курс церковного права Православной Церкви. В 2 т. Т. 1 [Текст] / И. С. Бердников. – Казань, 1913.
3. Берман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования [Текст] / Г. Дж. Берман. – Москва, 1998.
4. Вишневский, А. А. Каноническое право. Древняя Церковь и Западная традиция [Текст] / А. А. Вишневский. – Москва, 2006.
5. Горчаков Михаил, протоиерей. Церковное право. Краткий курс лекций [Текст] / Михаил Горчаков, протоиерей. – Санкт-Петербург, 1909.
6. Гроций, Гуго. О праве войны и мира. Книга I, глава XV [Текст] / Гуго Гроций. – Москва, 1994. – С. 75.
7. Джероза, Либерио. Каноническое право в Католической церкви [Текст] / Либерио Джероза. – Москва, 1996.
8. Дюшен, Л. История Древней Церкви. В 2 т. Т. 1 [Текст] / Л. Дюшен. – Москва, 1912.
9. Ириней Лионский. Против ересей. Книга IV, глава X [Текст] / Ириней Лионский. – Санкт-Петербург, 2008.
10. Лебедев, А. П. Духовенство Древней Вселенской Церкви от времен Апостольских до X века [Текст] / А. П. Лебедев. – Санкт-Петербург, 2003.
11. Мышцын, В. Н. Устройство христианской Церкви в первые два века [Текст] / В. Н. Мышцын. – Москва, 2020.
12. Ориген. Против Цельса. Книга 2, глава IV [Текст] / Ориген // Ориген. О началах. Против Цельса. – Санкт-Петербург, 2008.
13. Павлов, А. С. Курс церковного права [Текст] / А. С. Павлов. – Санкт-Петербург, 2002.
14. Покровский, А. И. Соборы Древней Церкви эпохи первых трех веков [Текст] / А. И. Покровский. – Сергиев Посад, 1914.
15. Послание патриархов Восточно-кафолической церкви о православной вере (1723 г.) [Текст] // Догматические послания православных иерархов XVII–XIX веков о православной вере. – Москва, 1900.
16. Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Долматинско-Истрийского [Текст]. В 2 т. Т. 1. – Москва, 2001.
17. Преподобный Никодим Святогорец. Пидалион. Правила Православной Церкви с толкованиями [Текст]. В 4 т. – Екатеринбург, 2019.
18. Робертсон, Дж. С. История христианской Церкви от Апостольского века до наших дней [Текст] / Дж. С. Робертсон. – Петроград, 1916.

19. Самарин, Ю. Ф. Письмо баронессе Э. Ф. Раден от 21 января 1870 г. [Текст] / Ю. Ф. Самарин // Самарин Ю. Ф. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 3. – Санкт-Петербург, 2016.

20. *Святитель Филарет (Дроздов)*. Толкование на Книгу Бытия [Текст] / Святитель Филарет (Дроздов). – Москва, 2003.

21. *Скворцов, И. М.* Записки по церковному законоведению [Текст] / И. М. Скворцов. – Киев, 1861.

22. *Сморчков, А. М.* Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы [Текст] / А. М. Сморчков. – Москва, 2012.

23. *Соколов, Н. К.* Из лекций по церковному праву. В 2 вып. [Текст] / Н. К. Соколов. – Москва, 1874.

24. *Суворов, Н. С.* Курс церковного права. В 2 т. [Текст] / Н. С. Суворов. – Ярославль, 1889.

25. *Тантлевский, И. Р.* История Израиля и Иудеи до 70 г. н.э. [Текст] / И. Р. Тантлевский. – Санкт-Петербург, 2013.

26. *Цыпин Владислав, протоиерей.* Курс церковного права [Текст] / Прогиоерей Владислав Цыпин. – Клин, 2000.

References

1. Alphabetic syntagma of Hieromonk Matthew Vlastar. The letter “y”. Chapter 11 [Text]. – Moscow, 2006 [in Russian].

2. *Berdnikov, I. S.* A short course in the Church law of the Orthodox Church. In 2 vols. Vol. 1 [Text] / I. S. Berdnikov. – Kazan, 1913 [in Russian].

3. *Berman, G. J.* The Western tradition of law: the epoch of formation [Text] / G. J. Berman. – Moscow, 1998 [in Russian].

4. *Vishnevsky, A. A.* Canon Law. The Ancient Church and the Western Tradition [Text] / A. A. Vishnevsky. – Moscow, 2006 [in Russian].

5. *Mikhail Gorchakov, Archpriest.* Church law. A short course of lectures [Text] / Mikhail Gorchakov, Archpriest. – St. Petersburg, 1909 [in Russian].

6. *Grotius, Hugo.* On the right of war and peace. Book I, chapter XV [Text] / Hugo Grotius. – Moscow, 1994 [in Russian].

7. *Jerosa, Libero.* Canon Law in the Catholic Church [Text] / Libero Jerosa. – Moscow, 1996 [in Russian].

8. *Duchene, L.* History of the Ancient Church. In 2 vols. Vol. 1 [Text] / L. Duchene. – Moscow, 1912 [in Russian].

9. *Irenaeus of Lyon.* Against heresies. Book IV, chapter X [Text] / Irenaeus of Lyon. – St. Petersburg, 2008 [in Russian].

10. *Lebedev, A. P.* The clergy of the Ancient Universal Church from the Apostolic times to the X century [Text] / A. P. Lebedev. – St. Petersburg, 2003 [in Russian].

11. *Myshtsyn, V. N.* The structure of the Christian Church in the first two centuries [Text] / V. N. Myshshyn. – Moscow, 2020 [in Russian].

12. *Origen.* Against Celsus. Book 2, chapter IV [Text] / Origen // Origen. About the beginnings. Against Celsus. – St. Petersburg, 2008 [in Russian].

13. *Pavlov, A. S.* Course of Church law [Text] / A. S. Pavlov. – St. Petersburg, 2002 [in Russian].

14. *Pokrovsky, A. I.* Cathedrals of the Ancient Church of the epoch of the first three centuries [Text] / A. I. Pokrovsky. – Sergiev Posad, 1914 [in Russian].

15. The Message of the Patriarchs of the Eastern Catholic Church on the Orthodox faith (1723) [Text] // Dogmatic epistles of the Orthodox hierarchs of the XVII–XIX centuries about the Orthodox faith. – Moscow, 1900 [in Russian].

16. The Rules of the Orthodox Church with the interpretations of Nicodemus, Bishop of the Dolmatian-Istrian [Text]. In 2 vols. Vol. 1. – Moscow, 2001 [in Russian].

17. St. Nicodemus the Holy Mountaineer. Pidalion. The rules of the Orthodox Church with interpretations [Text]. In 4 volumes. – Yekaterinburg, 2019 [in Russian].

18. *Robertson, J. S.* The History of the Christian Church from the Apostolic Age to the present day [Text] / J. S. Robertson. – Petrograd, 1916 [in Russian].

19. *Samarin, Yu. F.* Letter to Baroness E. F. Raden dated January 21, 1870 [Text] / Yu. F. Samarina // Samarina Yu. F. Collected works. In 5 vols. Vol. 3. – St. Petersburg, 2016 [in Russian].

20. *St. Filaret (Drozдов).* Interpretation on the Book of Genesis [Text] / St. Filaret (Drozдов). – Moscow, 2003 [in Russian].

21. *Skvortsov, I. M.* Notes on Church law studies [Text] / I. M. Skvortsov. – Kiev, 1861 [in Russian].

22. *Smorchkov, A. M.* Religion and power in the Roman Republic: magistrates, priests, temples [Text] / A. M. Smorchkov. – Moscow, 2012 [in Russian].

23. *Sokolov, N. K.* From lectures on church law. In 2 vols. [Text] / N. K. Sokolov. – Moscow, 1874 [in Russian].

24. *Suvorov, N. S.* Course of Church law. In 2 vols. [Text] / N. S. Suvorov. – Yaroslavl, 1889 [in Russian].

25. *Tantlevsky, I. R.* The History of Israel and Judea before 70 A.D. [Text] / I. R. Tantlevsky. – St. Petersburg, 2013 [in Russian].

26. *Vladislav Tsypin, Archpriest.* The course of Church law [Text] / Archpriest Vladislav Tsypin. – Klin, 2000 [in Russian].

Поступила в редакцию 07.02.2022

Received February 07, 2022

УДК 340.5

DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-3

Ларионов Алексей Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
теории и истории государства и права,
юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: anlarionov@sfedu.ru

Larionov, Aleksey N.,
PhD in Law, Associate Professor,
Chair of Theory and History
of State and Law, Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: anlarionov@sfedu.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИКО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

METHODOLOGY OF HISTORICAL-LEGAL RESEARCH

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена роли фундаментальных юридических дисциплин в юридической науке и юридическом образовании на современном этапе их развития. Существующий методологический кризис, вызванный утратой марксистско-ленинской философией руководящих позиций, предполагается попытаться преодолеть путем строгой классификации методов научного исследования и применения в рамках данных наук такого частно-научного метода, как метод юридической квалификации, являющегося дальнейшим развитием историко-правового сравнительного метода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фундаментальные юридические дисциплины; теория государства и права; история государства и права; методология; историко-правовой сравнительный метод; юридическая квалификация; экспериментальное изучение; исторический источник.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Ларионов, А. Н. Методологические особенности историко-правового исследования [Текст] / А. Н. Ларионов // Вестник Юридического факультета Южно-го федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 1. – С. 29–34. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-3.

ABSTRACT. The paper focuses on the role of fundamental legal disciplines in legal science and legal education at the present stage of their development. The existing methodology crisis – resulting from the loss of leadership positions by Marxist-Leninist philosophy – is supposed to be overcome through two processes. One is a strict classification of scientific research methods. The other is the application of legal qualification within the framework of these sciences, which continues the development of the historical-legal comparative method.

KEYWORDS: fundamental legal disciplines; theory of state and law; history of state and law; methodology; historical-legal comparative method; legal qualification; experimental study; historical source.

FOR CITATION:

*Larionov, A. N. Methodology of Historical-Legal Research [Text] / A. N. Larionov. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 1. – P. 29–34 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-3.*

В наше время в самых разных, в том числе и в высших юридических кругах широко обсуждается вопрос целесообразности преподавания в юридических вузах фундаментальных юридических дисциплин. Основным аргументом противников таких дисциплин является их отрыв от юридической практики [5, с. 128]. В данном случае во многом это обусловлено попытками перевести отечественное юридическое образование на рельсы англо-саксонской правовой системы, где именно изучение практики только и может породить какие-либо закономерности в развитии права. И даже выдвигая аргументы о традиционной преемственности отечественной юридической науки от континентально-европейской правовой системы, а той, в свою очередь, от римского права [5, с. 129], мы не можем не отметить действительные противоречия, все чаще возникающие между выводами теоретиков права и реалиями юридической практики.

И здесь, на наш взгляд, прежде всего следует обратить внимание на тот процесс, с помощью которого теоретики государства и права формулируют закономерности, которые затем следует распространять на отраслевые юридические науки и, как следствие, которые должны безусловно соответствовать юридической практике.

Нельзя отрицать факт безусловной преемственности отечественной юридической науки от достижений ученых предыдущих периодов. Даже несмотря на жесткий идеологический детерминизм советского периода отечественные ученые не отказывались полностью от тех достижений, которые были достигнуты наукой в предыдущие периоды. Что же касается постсоветского периода, то здесь отказ от марксистско-ленинской идеологии в качестве руководящих начал юридического исследования породил стремление привлечь в качестве таковых достижения дореволюционных ученых. Однако это свидетельствует только о том, что отечественной юридической науке безусловно свойственен умозрительно-апологетический подход к формулировке закономерностей в сфере государства и права, но не господство эмпирического подхода к изучению данных явлений.

Фундаментальными правовыми дисциплинами традиционно считают теорию государства и права, историю государства и права России, историю государства и права зарубежных

стран и историю политических и правовых учений. При этом особую связку составляют первые три из них:

«Наибольшие трудности встречаются при рассмотрении вопроса о соотношении теории и истории государства и права. Они обусловлены главным образом тождественностью большей части предмета этих наук» [6, с. 9]. «Если принять во внимание тот факт, что основными задачами теории государства и права являются выявление и обоснование наиболее общих закономерностей возникновения и развития государства и права, характерных для данных явлений на всем протяжении их существования, нельзя не отметить, что практически единственным источником информации для соответствующих выводов этой науки являются данные о явлениях и процессах государственного и правового характера, имевших место в далеком и не очень далеком прошлом, то есть данные, включаемые в прямую сферу интересов истории государства и права. Таким образом, в связи с существенным ограничением возможности экспериментального изучения интересующего теорию государства и права предмета, основную фактическую базу для своих исследований она черпает именно из истории государства и права. И в этой связи предмет изучения данных двух наук действительно кажется практически идентичным. Однако здесь следует сделать следующую оговорку. История государства и права, в отличие от общей истории, не ставит своей основной задачей наработку фактического материала для изучения. Здесь можно было бы сказать, что теория государства и права черпает необходимый ей для исследования фактический материал из общей истории, однако это не совсем так.

Прежде всего, следует указать на то, что теория государства и права напрямую не занимается изучением и юридической квалификацией чистых фактических данных, обработанных соответствующим образом с целью повышения вероятности объективности исторической информации, то есть материалами, наработкой которых и занимается общая история. Названная информация подлежит первоначальной систематизации и истолкованию в связи с конкретным историческим процессом у конкретного исторически сложившегося человеческого общества, а это, на наш взгляд, и

является основной задачей историка государства и права. И только после подобной первоначальной обработки историками государства и права интересующая теорию государства и права информация будет пригодна для выведения общих закономерностей. Таким образом, первоначальная умозрительная обработка наработанного общегражданской историей эмпирического материала производится в рамках истории государства и права» [3, с. 24–25].

Вот так должна выглядеть жесткая связка этих трех фундаментальных правовых наук, которая способна придать им практически ориентированный характер.

Любое научное исследование, преследующее цель выработки объективных и обоснованных знаний о природе, обществе и мышлении, в качестве своего непосредственного объекта изучения должно иметь именно природу, общество и мышление. Поэтому основой получения информации о предмете исследования должен служить именно непосредственный объект, из которого и будут браться эмпирические данные для их последующей умозрительной обработки, проводимой по определенной технологии, которую обычно называют методологией научного исследования.

Касаемо методологии юридического исследования, под ней обычно понимают «совокупность приемов (мыслительных операций), посредством которых человек (исследователь) изучает мир» [1, с. 12] или, более расширенно, «способ построения и обоснования системы философского и научного знания, совокупность приемов и операций практического и теоретического освоения действительности» [4, с. 17]. Также, в основном, классификация методов, применяемых в юридических исследованиях, приводится примерно следующая:

1. Всеобщие методы.
2. Общенаучные методы.
3. Частнонаучные методы.
4. Специальные методы» [4, с. 18].

Первая категория методов относится к тем основополагающим убеждениям и представлениям об окружающем мире, которые свойственны исследователю и, как следствие, предопределяют его интересы исследования, а во многом и формируют результаты.

Вторая категория методов относится, на наш взгляд, к тем закономерностям, с помо-

щью которых происходит мозговая деятельность человека. Эти методы используются любым исследователем в процессе мышления вне зависимости от того, сознательно или бессознательно он их применяет.

Что же касается частнонаучных и специальных методов, разница между которыми выглядит довольно зыбко, то именно они и представляют собой ту технологию, с помощью которой каждая конкретная наука вырабатывает собственные закономерности. При этом в настоящее время в условиях всеобщей цифровизации жизни общества, в основе которой лежат формально-логические или дискретно-математические законы, математические методы обработки информации повсеместно пытаются распространить и на общественные науки. Однако, как уже было упомянуто ранее, речь здесь не должна идти о замене отраслевых частнонаучных методов математическими, так как именно эти методы и лежат в основе общенаучных и осознанно или неосознанно применяются любым исследователем. Двоичная же кодировка не всегда применима в общественных науках в силу сложности объекта описания и не может заменить вербальный способ кодировки при всех его недостатках.

При этом сравнительно-правовой метод исследования в настоящее время выдвигается для юридических исследований на первый план [1, с. 12; 4, с. 19]. И именно специальное прочтение указанного метода и предлагается положить в основу частнонаучных приемов и способов историко-правового исследования.

Для первичного обоснования указанной позиции предлагаем обратить внимание на творчество одного из основоположников сравнительно-правового метода – М. М. Ковалевского. Сразу следует сказать, что данный автор, отдавая дань веяниям своего времени, пропитанного интеллектуальной борьбой метафизики и позитивизма, писал, что «историк-юрист открывает действительный источник происхождения для большинства явлений изучаемого им права не в метафизическом представлении о каком-то особом “народном духе”, а в вполне реальном факте постепенного осложнения исконной борьбы за существование прогрессивным дифференцированием общественных групп, выделением из родовых и общинных союзов особаго религиознаго, военно-служилого

и ремесленно-торгового классов, постепенным разветвлением правительственных функций и созданием особых органов для каждой из них в лице народных старейшин, советов и собраний с подчиненными им инстанциями» [2, с. 25–26].

По мнению Ковалевского, предлагаемый им историко-правовой сравнительный метод был «призван не к обогащению истории права новым материалом, а к объяснению факта происхождения тех или других явлений юридического быта» [2, с. 70].

Именно эта задача и стоит перед юристами при изучении государственно-правовых явлений прошлого. Факты государственного и правового быта того или иного народа, реконструированные с помощью применения специальных исторических приемов (критики исторических источников), не привязанные к юридической системе координат, не представляют ценности для формулирования объективных закономерностей возникновения и развития государства и права, так как могут и становятся материалом для совершенно произвольной, зависящей лишь от мировоззренческой позиции исследователя их интерпретации и построения оторванных от реальной действительности теорий, которые, будучи применимы на практике, зачастую приводят к катастрофическим результатам. Именно этот подход делает подобные интерпретации если не опасными, то, по крайней мере, бесполезными в практической деятельности юристов, что в основном и ставит вопрос о целесообразности изучения фундаментальных правовых дисциплин.

Историко-правовой сравнительный метод, введенный в научный оборот М. М. Ковалевским, делает первый шаг к выработке юридической системы координат, в рамках которой можно разместить реконструированные события и факты прошлого с целью выработки объективных, обоснованных и систематизированных закономерностей развития государства и права, то есть способствует достижению той цели, к которой стремится любая наука.

Итак, М. М. Ковалевский рассматривал введенный им метод с двух точек зрения: «Во-первых как средство к построению совершенно новой еще ветви описательной социологии – я (М. М. Ковалевский) разумею естественную историю человеческих обществ, – во-вторых, как один из приемов изучения истории того или

другого права в частности» [2, с. 69], а именно как способ к восполнению пробелов в информации о юридическом явлении одного народа, который образовался при реконструкции за счет всех иных исторических источников (следует учитывать, что автор приводит практически полный их перечень, известный современному источниковедению, и настаивает на их одновременном и равноправном применении в познавательной деятельности), за счет распространения на этот пробел достоверной информации об аналогичном явлении, имевшем место у другого народа. Однако это второе назначение метода автор считает неосновным.

Кроме того, автор справедливо отличает сравнительный метод от сопоставительного, выдвигая в качестве необходимого условия применения метода критерий сопоставимости сравниваемых явлений. «При сравнительном методе просто, который для меня то же, что метод сопоставительный, сравнение делается между двумя и более произвольно взятыми законодательствами» [2, с. 9]. Образцы для сравнения, по мнению автора, должны находиться на сходной ступени общественного развития.

Далее некоторые авторы выделяют два вида сравнительного построения: сравнительно-параллельное и сравнительно-аналитическое.

«При сравнительно-параллельном построении, истории стран, отраслей права, институтов излагаются рядом, параллельно и относительно мало связаны. При таком построении читатель имеет материал для сравнения и выводов. Сравнительно-аналитическое построение предполагает специальное изучение сходств и различий, анализ, обобщенное изложение, с выводами и установлением закономерностей» [7, с. 118].

Безусловно оба эти построения являются полезными для выработки объективных и обоснованных закономерностей. Первое – тем, что представляет собой более или менее системное расположение эмпирического, предварительно отсортированного и обработанного материала. Второе – тем, что делает попытки его дальнейшей умозрительной обработки. Однако простое сравнение двух явлений юридического быта у двух отдельных, пусть и произвольно взятых народов само по себе неспособно натолкнуть исследователя на закономерность. Необходимо сравнение с наибольшим количеством подобных реконструированных явлений. Но

в подобном случае параллельное построение окажется непригодным для изучения без дальнейшего упрощения в силу неоправданного обилия изучаемого материала.

Таким упрощением и является метод юридической квалификации. В отличие от классического сравнительного построения предлагается заменить сравниваемое явление общетеоретической категорией, которая должна представлять собой преобразованный в систему необходимых и достаточных признаков положительный результат всех предыдущих сравнений изучаемого явления. Разумеется, на первичной стадии формулирования признаков общетеоретической категории нельзя избежать применения умозрительных гипотез, которые по мере дальнейшей юридической квалификации должны либо подтвердиться эмпирически, либо быть скорректированными. Юридическая квалификация максимально возможного количества реконструкций подведет объективную основу под теоретические юридические категории, придав им признак обоснованности, и, применимое в достаточном количественном выражении, способно создать систему таких категорий, в совокупности способных сформировать энциклопедию права.

Исходя из изложенного, применение метода юридической квалификации можно разбить на три основных этапа.

На первом этапе исследования проводится детальное изучение фактического материала, наработанного исторической наукой в отношении того юридического явления, юридическая квалификация которого проводится. На этом этапе следует прежде всего определиться с имеющимся в распоряжении автора набором исторических источников, определить степень их достоверности, полноты и ценности для проводимого исследования. При этом критика изучаемых исторических источников не является основной задачей исследователя и должна осуществляться лишь в том случае, если она ранее не была проведена либо автор не согласен с теми или иными аргументами, выдвинутыми при ранее сделанном источниковедческом анализе данных источников. Основной задачей данного этапа исследования является детальная историческая реконструкция изучаемого юридического явления, проведение которой не выходит за рамки общеправовой науки.

Второй этап исследования состоит в отборе сравнимых с изучаемым юридическим явлением общетеоретических категорий. На этом этапе следует детально определить все существенные признаки отобранных для сравнения общетеоретических категорий по принципу необходимости и достаточности.

Третий этап является основным. Именно на этом этапе происходит сравнительный анализ реконструированных на первом этапе исследования характерных черт изучаемого юридического явления на их соответствие признакам общетеоретических категорий, отобранных для сравнения на втором этапе.

В результате последовательного проведения всех трех этапов делаются общие выводы о соответствии изучаемого юридического явления основным признакам той или иной общетеоретической категории, то есть о его юридической квалификации.

Литература

1. *Исаев, М. А.* История российского государства и права [Текст] : учебник / М. А. Исаев. – Москва : Статут, 2012. – 838 с.
2. *Ковалевский, М.* Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права [Текст] / М. Ковалевский. – Москва, 1880.
3. *Ларионов, А. Н.* Эмпирическая и умозрительная составляющие в современных юридических исследованиях [Текст] / А. Н. Ларионов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – № 3. – С. 23–29.
4. *Любашиц, В. Я.* Теория государства и права [Текст] : учебник / В. Я. Любашиц, А. Ю. Мордовцев, А. Ю. Мамычев. – Москва : Норма, 2014. – 704 с.
5. *Момотов, В. В.* Фундаментальные правовые дисциплины и их роль в профессиональной подготовке судей: историческая ретроспектива [Текст] / В. В. Момотов // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 8(48). – С. 127–133.
6. Теория государства и права [Текст]. – Москва, 1967.
7. *Тилле, А. А.* Сравнительный метод в юридических дисциплинах [Текст] / А. А. Тилле, Г. В. Швеков. – Москва : Высшая школа, 1978. – 199 с.

Referenses

1. *Isaev, M. A.* History of the Russian state and law [Text] : textbook / M. A. Isaev. – Moscow : Statut Publ., 2012. – 838 p. [in Russian].
2. *Kovalevsky, M.* Historical and comparative method in jurisprudence and methods of studying the history of law [Text] / M. Kovalevsky. – Moscow, 1880 [in Russian].

3. *Larionov, A. N.* Empirical and speculative components in modern legal research [Text] / A. N. Larionov // North Caucasian Legal Bulletin. – 2019. – No. 3. – P. 23–29 [in Russian].

4. *Lyubashits, V. Ya.* Theory of State and Law [Text] : textbook / V. Ya. Lyubashits, A. Yu. Mordovtsev, A. Yu. Mamychhev. – Moscow : Norma Publ., 2014. – 704 p. [in Russian].

5. *Momotov, V. V.* Fundamental legal disciplines and their role in the professional training of judges: a historical retro-

spective [Text] / V. V. Momotov // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA). – 2018. – № 8(48). – P. 127–133 [in Russian].

6. Theory of state and law [Text]. – Moscow, 1967 [in Russian].

7. *Tillet, A. A.* Comparative method in legal disciplines [Text] / A. A. Tillet, G. V. Shvekov. – Moscow : Vysshaya Shkola Publ., 1978. – 199 p. [in Russian].

Поступила в редакцию 01.02.2022

Received February 01, 2022

Овчинников Алексей Игоревич,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права, юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88; профессор кафедры
теории и истории права и государства ЮРИУ
РАНХиГС при Президенте РФ, 344002,
г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 70/54,
email: k_fp3@mail.ru

Ovchinnikov, Alexey I.,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Chair of Theory and History
of State and Law, Law Faculty, Southern Federal
University, 88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation;
South-Russian Institute of Management
(SRIM, a branch of RANEPА),
70/54 Pushkinskaya Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: k_fp3@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ: ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ*

NATIONAL SECURITY AND TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES: ISSUES OF LEGISLATIVE SUPPORT

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена вопросам законодательного закрепления и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, в том числе и получивших отражение в проекте Указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Рассматриваются теоретико-правовые и технико-юридические аргументы в пользу принятия подобного доктринального документа, позволяющего конкретизировать понятие «общественная нравственность» и обеспечить важнейшую для национальной безопасности сферу духовно-нравственной идентичности российского общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аксиология права; традиционные ценности; нравственные традиции; право и мораль; национальная безопасность; общественная нравственность; духовно-нравственная безопасность.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Овчинников, А. И. Национальная безопасность и традиционные духовно-нравственные ценности: вопросы законодательного обеспечения [Текст] / А. И. Овчинников // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 1. – С. 35–42. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-4.

* *Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44228 «Право и правосознание в теологическом измерении: история и современность».*

ABSTRACT. The paper is devoted to issues of legislative consolidation and protection of traditional spiritual and moral values. The values include those reflected in the Russia President's draft Decree "On Approval of the Fundamentals of State Policy to Preserve and Strengthen Traditional Russian Spiritual and Moral Values". The author considers legal arguments, theoretical and technical, in favour of adopting such a doctrinal document. The latter would allow to specify the concept of public morality and to ensure a sphere of spiritual and moral identity of Russian society, which is crucial for national security.

KEYWORDS: axiology of law; traditional values; moral traditions; law and morality; national security; public morality; spiritual and moral security.

FOR CITATION:

Ovchinnikov, A. I. National Security and Traditional Spiritual and Moral Values: Issues of Legislative Support [Text] / A. I. Ovchinnikov. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 1. – P. 35–42 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-4.

* *The study was funded by the RFBR as part of scientific project 21-011-44228 "Law and Legal Awareness in the Theological Dimension: History and Today".*

Время славянофильствует.

В. Ф. Эрн

Проект Указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» был размещен Минкультуры для публичного обсуждения в конце декабря 2021 г. на портале regulation.gov.ru. Основы сразу вызвали активное обсуждение традиционных ценностей среди деятелей культуры и искусства, посчитавших данный документ угрозой творческому разнообразию. Рассмотрим данный документ с позиции правового обеспечения национальной безопасности, причем не с точки зрения всем очевидной угрозы нравственной деградации социума и последующей за этой деградацией демографической катастрофы, а с позиции эффективности технико-юридического характера подобных нормативных и доктринальных актов, направленных на восполнение пробела в сфере государственной идеологии, запрещенной Конституцией РФ в ст. 13.

Духовно-нравственные традиции (ценности) в правовой политике

Прежде всего отметим, что данный документ подготовлен в целях реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 в части нормативно-правового регулирования и государственного управления в данной области. В числе национальных интересов в тексте Стратегии в п. 25 разработчики называют следующий национальный интерес Российской Федерации: «Укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России» [7]. Кстати, данный документ принят на основе действующих двух нормативно-правовых актов: Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» и Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Дело в том, что в настоящее время на законодательном уровне отсутствует комплексное регулирование вопросов обеспечения духовно-нравственной безопасности в Российской Федерации как системы взаимосвязанных мер,

функционирующей на основе взаимодействия заинтересованных общественных организаций и органов государственной власти на федеральном и региональном уровнях в целях противодействия возникновению угроз духовно-нравственным традициям, организации защиты несовершеннолетних от воздействия опасных для детей и молодежи информационных материалов.

Вместе с тем наблюдается нарастание духовно-нравственных угроз различного рода, что требует формирования единых мер правового воздействия в этой сфере и их законодательного закрепления для создания и функционирования эффективной системы обеспечения духовно-нравственной безопасности в Российской Федерации [5].

В некоторой степени Проект Указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» восполняет существующий правовой пробел и определяет содержание деятельности по обеспечению духовно-нравственной безопасности, в том числе путем введения понятийного аппарата, в настоящее время отсутствующего в законодательстве, для однозначного толкования и формирования единой правоприменительной практики с учетом специфичности области регулирования.

В последние годы все острее стоит проблема юридического закрепления нравственных категорий, так как использование понятия «нравственность» в современном отечественном законодательстве требует толкования и общественного обсуждения с последующим закреплением в нормативном или доктринальном акте. Согласно п. 3. ст. 55 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены Федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Если вопрос с ограничением прав и свобод в той мере, в какой это необходимо для обеспечения обороны и безопасности, здоровья и конституционного строя, не возникает в силу консенсуса общества относительно данных категорий, их смыслового

наполнения, то понятие «нравственность», используемое для ограничения прав и свобод, вызывает массу споров и дискуссий, так как либеральные, консервативные и коммунистические идеологии, партии, общественные деятели, общественные организации имеют различное представление о ней. Между тем, все очевиднее становится то обстоятельство, что ключевые проблемы современного общества возникают в связи с девальвацией духовно-нравственных ценностей, а также искаженно понимаемом соотношении личных интересов и общественного блага: последние тридцать лет настойчиво внедряется миф о прогрессивности и неизбежности верховенства частных интересов по отношению к общему благу, публичному интересу в условиях рыночной модели экономического развития. Индивидуализм и социальный атомизм стали основным духовно-нравственным вызовом российской государственности.

Вплоть до сегодняшнего дня соборно-коллективистские нравственные традиции русского народа подверглись настоящим гонениям: такие ценности, как «отечество», «родина», «семья», «народ», «общее дело» и многие другие не вписались в логику «общества потребления». Кстати, на церковнославянском языке слово «потребляти» имеет четкое негативное значение – «истреблять, уничтожать». Нравственно-нигилистическую природу «общества потребления» четко передает знаменитая монография Дэвида Ванна, Томаса Х. Нэйлора и Джона Де Граафа «Потреблятьство. Болезнь, угрожающая миру». Рост психиатрических заболеваний, алкоголизма, наркомании и суицида находится в прямой зависимости от «потреблятьства»: «Чем больше американцы наполняют свою жизнь вещами, тем чаще они говорят психиатрам, священникам, друзьям и членам своих семей, что они чувствуют “пустоту” внутри» [2, с. 35].

Если в Советском Союзе травле подвергались «буржуазно-мещанские» идеалы «этики лавочника и ростовщика» (Герцен), то в постсоветской России им стали поклоняться как идолам: мерой всего и вся стали «прибыль и калькуляция пользы». Между тем, благодаря советской литературе, внимательно освещающей социальные заболевания капитализма, было всем известно, что духовно-нравственная деградация порождает не только корысть,

которая лежит в основе коррупции, что она же создает предпосылки для алкоголизма и наркомании, кризиса и девальвации семейных ценностей, молодежной агрессии и криминала. Поэтому неслучайно многие граждане России с ностальгией вспоминают времена Советского Союза с его ясной и четкой программой морально-нравственного совершенствования человека. В результате либерализации общественной морали и автономизации духовно-нравственной свободы Россия стала лидером по количеству разводов, аборт, криминалу, насилию, алкоголизму среди промышленно развитых стран. Вполне ясно, что ни одну проблему решить невозможно без духовно-нравственного возрождения страны. С помощью методов социальной инженерии и социального программирования можно как разрушать, так и созидать: социальный конструктивизм может быть благом для общества (пример – «социальная реклама»), а может быть и злом (пример – «грязные политтехнологии»).

Предлагаемый Президентом проект Указа позволит сохранить и защитить традиционные ценности народов России, обеспечить единство нации на их основе. Защита духовно-нравственных ценностей никак не противоречит запрету на наличие обязательной или государственной идеологии, закреплённой Конституцией РФ в ст. 13.

Россия своей внутренней политикой показала миру готовность защищать духовно-нравственные ценности, став особняком в процессе морального разложения – самобытным островком традиционных нравственных понятий и ценностей. Практически большинство так называемых развитых стран мира легализовало однополые браки, эвтаназию, легкие наркотики, ювенальную юстицию и многое другое.

Духовно-нравственные ценности и понятия в законодательстве

Процесс признания духовно-нравственных ценностей в качестве базовых в современном российском обществе протекает не благодаря государству, а органически, спонтанно. Лишь в последние годы государство все активнее принимает участие в защите традиционных ценностей, запрещая пропаганду идей сексуальных меньшинств, не поддерживая предло-

жения новелл либеральных правозащитников в сфере семейных правоотношений, сексуального просвещения и т. д. На уровне важнейших для общества законов процесс духовно-нравственного возрождения игнорируется. Примером может служить ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», который в ст. 87 оговаривает возможность включения в основные образовательные программы учебных дисциплин, направленных на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации. Но в качестве главной и важнейшей, основной задачи духовно-нравственное воспитание и образование не рассматривается в данном Федеральном законе.

Для правоприменительных задач конкретизация традиционных духовно-нравственных ценностей также важна. Ведь до сих пор большое количество нравственных оценочных понятий и принципов права, используемых в Конституции РФ, Гражданском кодексе, Административном кодексе, Уголовном кодексе и других нормативных актах, нигде не конкретизированы, а это такие важные понятия, как «добросовестность», «злоупотребление», «общественная нравственность» и мн. др.

В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях содержится отдельная глава, посвященная правонарушениям, посягающим на общественную нравственность. Запрещены в Российской Федерации проституция, нецензурная брань, вовлечение в курение несовершеннолетних и т. д. Аналогичная глава имеется и в Уголовном кодексе РФ: «Глава 25. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». Однако оскорбление общественной нравственности можно нанести не только весьма ограниченным кругом средств, указанных в этих нормативных актах, но и многими другими. Например, культурными провокациями, которые направлены на размывание «порога чувствительности» общества к разного рода нарушениям нравственных норм (в качестве примера можно привести фотовыставку с обнаженными несовершеннолетними девочками или пародии на иконы). Возмутительными являются и высказывания некоторых деятелей культуры о ментальности русского народа, православной культуре и т. д.

Права человека в области культурной деятельности не могут быть приоритетными по отношению к правам в этой области государства и любых его структур, общественных и национальных движений, политических партий, этнических общностей, этноконфессиональных групп и религиозных организаций, профессиональных и иных объединений, как это закреплено в «Основах законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 30.04.2021), где в статье 9 закреплён приоритет права человека в области культурной деятельности по отношению к иным правам и интересам общества и государства. Но свобода самовыражения и творчества не должна нарушать права на духовно-нравственную безопасность человека и гражданина. Ведь ни у кого не вызывает сомнения справедливость статьи 297 УК РФ «Неуважение к суду», предусматривающей уголовную ответственность за проявление неуважения к суду. Но почему оскорблять традиции и культуру народа можно, но нельзя оскорблять судебные органы, созданные народом?

Нравственность как юридическая категория присутствует и в гражданском праве. Статья 169 ГК РФ устанавливает ничтожность сделки, заведомо противоречащей основам нравственности. Между тем юридического определения не существует: в национальной культуре и языке русского народа нравственность определяется как внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек. В юридической науке под нравственностью понимаются идеи и представления о справедливости, добре и зле, плохом и хорошем, сложившиеся на основе оценки поведения людей в данных условиях жизни общества. В контексте ст. 169 ГК РФ нравственность – это общепринятые представления в обществе о моральных устоях, то есть очевидных принципах и нормах надлежащего поведения. Однако критерий очевидности в условиях идеологической и идейной свободы весьма расплывчат. Понятно, что эти правила должны иметь историческую судьбу и быть устойчивыми в общественном мнении вследствие длительного исполнения. Но в условиях многонационального государства весьма проблематично рассчитывать на то, что нравственные устои являются общепризнанными на всей территории государства и

не представляют собой этические правила поведения отдельных национальностей или профессиональных и социальных групп. Ведь для признания сделки недействительной, согласно ст. 169 ГК РФ, деяние должно противоречить именно общепринятым представлениям общества о нравственности, а не морали отдельных социальных групп, этнических или религиозных объединений (студентов, служащих, осужденных и так далее).

Российское законодательство уже сделало шаг в сторону защиты общественной нравственности, приняв Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Во-первых, в данном законе впервые за долгие годы игнорирования стали использовать для правового регулирования понятия «добро» и «зло». Так, в ст. 7 разрешенной для детей, не достигших возраста шести лет, может быть информационная продукция, содержащая сведения, не причиняющие вреда здоровью и (или) развитию детей (в том числе информационная продукция, содержащая оправданные ее жанром и (или) сюжетом эпизодические ненатуралистические изображение или описание физического и (или) психического насилия (за исключением сексуального насилия) при условии торжества добра над злом и выражения сострадания к жертве насилия и (или) осуждения насилия). Во-вторых, данный закон отнес к информации, причиняющей вред здоровью детей, информацию, отрицающую семейные ценности, пропагандирующую нетрадиционные сексуальные отношения и формирующую неуважение к родителям и (или) другим членам семьи.

Для законодательства важно определить обеспечение духовно-нравственной безопасности и защиту духовно-нравственных прав человека, которые не отъемлемы от прав коллективных (общества и государства) в качестве приоритетной задачи государства. Тогда будут правовые основания не допускать таких акций культурного самовыражения, которые идут вразрез с общественной нравственностью: в театральной жизни России за последние годы набирается более сотни таких культурных провокаций. Право культурного самовыражения не должно быть превыше общественной морали и нравственности, религиозных чувств,

традиционных ценностей, патриотизма, интересов национальной безопасности [1]. Об этом очень много писал американский социолог русского происхождения Питирим Сорокин, обративший внимание на разрушительные последствия «сексуальной революции» для цивилизации Запада и мира в целом [6].

Защита традиционных духовно-нравственных ценностей является одной из мер защиты ценностей традиционных конфессий [8]. Значение и роль ценностей традиционных конфессий для национальной безопасности России подчеркивается во многих доктринальных документах государства, например в «Концепции внешней политики Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 12.02.2013): «Подлинное объединение усилий международного сообщества требует формирования ценностной основы совместных действий, опоры на общий духовно-нравственный знаменатель, который всегда существовал у основных мировых религий, включая такие принципы и понятия, как стремление к миру и справедливости, достоинство, свобода и ответственность, честность, милосердие и трудолюбие».

Конечно, никто не призывает к введению цензуры и принуждению к нравственности. Этот аргумент защитники либеральных ценностей используют в силу умышленного или неосознанного признания права исключительно в качестве принудительной системы норм. Но для права и правовой системы принуждение представляет собой болезненное, не нормальное, исключительное состояние. В современном обществе право представляет собой формальное выражение общественного консенсуса по важнейшим для социума вопросам, а не систему норм, обеспеченных государственным принуждением, как это буквально «вдалбливают» в головы современных студентов школьные учителя.

Основные понятия, используемые для правовой защиты традиционных ценностей

Важно закрепить в законодательстве ряд категорий, необходимых для правовой защиты нравственных традиций. Во-первых, важно было бы определить понятие «духовно-нравственной безопасности» общества – состояние защищенности общества от воздействия опасных для духовно-нравственных традиций

народов России факторов, при котором обеспечивается необходимый уровень общественной гармонии. Во-вторых, перечислить духовно-нравственные традиции (ценности) народов России. Этот перечень разработан еще в 2012 году Всемирным русским народным собором посредством учета представителей разных этносов и религий России. Среди этих ценностей: вера, справедливость, мир (гражданский, межнациональный, межрелигиозный), взаимное уважение культурных, национальных, религиозных особенностей, личная свобода, ограниченная личной нравственной ответственностью, служение ближним и Отечеству, гармоничное сочетание духовных устремлений и материальных интересов личности и общества, нравственность – личная и общественная, достоинство, признание уникальной ценности каждого человека, честность, солидарность, милосердие, семья как союз мужчины и женщины, в которой воспитываются дети, любовь и верность, культура и национальные традиции, благо человека, духовное и материальное благополучие человека как основной приоритет социального развития, соблюдение прав и свобод человека, трудолюбие – деятельное стремление к благу общества и ближнего, неприятие коррупции, коммерциализации человеческих отношений, паразитического и эгоистического образа жизни, самоограничение и жертвенность – отказ от потребительского отношения к ближним и к окружающему миру.

С технико-юридической точки зрения важно закрепить и понятие «общественная нравственность» – совокупность духовно-нравственных традиций (ценностей), духовных и моральных представлений народов России о благе общества, семьи и человека, милосердии, сострадании, уважении к ближним, терпимости, правде и справедливости. Отдельного внимания и детальной проработки требует общественный контроль в сфере культуры, под которым предлагается понимать деятельность общественных организаций, состоящих из представителей Общественной палаты РФ, традиционных религиозных конфессий, творческих союзов, направленную на выявление угроз духовно-нравственной безопасности, пресечение тиражирования и распространения информации и произведений культуры и

искусства, приносящих вред духовно-нравственной безопасности народов России.

Основные принципы обеспечения духовно-нравственной безопасности

Обеспечение духовно-нравственной безопасности предлагается осуществлять на основе следующих принципов:

1) принцип приоритета мер общественного порицания над государственным принуждением в случае возникновения угроз духовно-нравственной безопасности;

2) принцип сочетания интересов и ответственности личности, общества и государства в области обеспечения духовно-нравственной безопасности;

3) принцип недопустимости нарушения общественной нравственности со стороны отдельных граждан, государственных органов, должностных лиц и общественных объединений, в том числе деятелей культуры;

4) принцип государственной поддержки деятелей культуры и искусства, создающих произведения, направленные на сохранение духовно-нравственного наследия;

5) обеспечение доступности информации и повышение осведомленности населения в вопросах обеспечения духовно-нравственной безопасности;

6) презумпция невиновности авторов произведений культуры, вызывающих возражения со стороны организаций общественного контроля в сфере духовно-нравственной безопасности;

7) своевременное реагирование на возникающие угрозы (опасности) духовно-нравственной безопасности с учетом интересов национальной безопасности, общепринятых норм международного права, международных договоров Российской Федерации в целях решения глобальных, национальных и региональных проблем, связанных с угрозами духовно-нравственной безопасности.

В области обеспечения духовно-нравственной безопасности граждане РФ должны иметь четкие гарантии защиты со стороны государства и гражданского общества следующих прав:

1) на охрану детей и молодежи от разрушающих психику и нравственное здоровье культурных провокаций;

2) на получение в соответствии с законодательством Российской Федерации от федераль-

ных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а также от соответствующих организаций информации о принимаемых мерах, направленных на защиту населения и охрану общественной нравственности от воздействия опасных факторов, на предотвращение угроз (опасностей) нравственности детей и несовершеннолетних;

3) на внесение в Общественные палаты субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления предложений о мерах по обеспечению духовно-нравственной безопасности.

По всей видимости, требуется отдельно закрепить права и обязанности представителей гражданского общества в сфере обеспечения духовно-нравственной безопасности [3]. Эти представители, например, Общественной палаты субъекта РФ, должны иметь право на получение в соответствии с законодательством Российской Федерации от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а также от соответствующих организаций информации о состоянии защищенности общественной нравственности от воздействия опасных для психики несовершеннолетних произведений культуры, о принимаемых мерах, направленных на защиту духовно-нравственной безопасности, на участие в разработке и реализации мероприятий, направленных на обеспечение духовно-нравственной безопасности, в том числе осуществление общественного контроля в сфере культуры.

Возможно прописать и отдельные вызовы и угрозы (опасности) духовно-нравственной безопасности. Очевидно, что к основным духовно-нравственным угрозам (опасностям) относятся:

1) пропаганда насилия и жестокости, алкоголя и наркотиков, психотропных и иных препаратов, азартных игр;

2) распространение порнографической информации, пропаганда сексуальных извращений, смены пола;

3) критика семейных ценностей, разрушительных для отношений в семье идеалов (например, «чайлдфри»);

4) романтизация преступного поведения, пропаганда обогащения любой ценой, потребительства, тунеядства и иждивенчества;

5) пропаганда и агитация идей, которые способствуют разжиганию социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражды.

Вывод. Все вышеизложенное предполагает не доктринальный подход к обеспечению и защите традиционных духовно-нравственных ценностей, а нормативный. Есть большая разница в юридической силе правовых документов доктринального характера (Стратегий, Концепций, Доктрин) и нормативного характера (например, Федеральных законов). Лучше и безопаснее для конституционных прав и свобод было бы принятие Федерального закона «Об общественной нравственности», в котором можно было бы определить, что следует понимать под «общественной нравственностью», а также основные юридические механизмы защиты традиционных духовно-нравственных ценностей. Однако и принятие указанных выше «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» стало бы значительным шагом вперед в сохранении российской государственно-правовой идентичности и цивилизационного единства России.

Столь чувствительное к тоталитарным режимам российское общество, после известных экспериментов XX века, до 2022 года было еще не готово к государственному регулированию и обеспечению традиционных духовно-нравственных ценностей. Однако испытания последних дней требуют общественной мобилизации перед угрозой смертельного характера – истребления русского народа так называемым «прогрессивным человечеством». Фраза «Время славянофильствует», которую сказал когда-то в начале XX столетия русский философ Владимир Францевич Эрн, как нельзя точно отражает требования сегодняшнего дня. Ментальная война против России не предполагает либеральной расслабленности и заигрывания с трансгуманистическим экспериментом над человечеством, лишая будущего ненавистную коллективному Западу русскую цивилизацию.

Литература

1. Бойко, А. И. Нравственно-религиозные основы уголовного права [Текст] / А. И. Бойко. – Москва : Юрлитинформ, 2010. – 248 с.
2. Ванн, Д. Потреблятьство. Болезнь, угрожающая миру [Текст] / Д. Ванн, Т. Х. Нэйлор, Дж. Де Грааф ; пер. с англ. Н. Макаровой. – Екатеринбург : Ультра.Культура, 2005. – 375 с.
3. Миллеров, Е. В. Уголовно-правовая охрана нравственности [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Миллеров, Евгений Владимирович. – Ростов-на-Дону, 2006. – 26 с.
4. Никитина, Е. Е. Свобода совести: теория и практика ограничений прав в Российской Федерации [Текст] / Е. Е. Никитина // Журнал российского права. – 2013. – № 12. – С. 65–74.
5. Пожигайло, П. Культура как цель существования государства [Текст] / П. Пожигайло // Культура: управление, экономика, право. – 2012. – № 2. – С. 2–3.
6. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П. А. Сорокин. – Москва : Политиздат, 1992. – 543 с.
7. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент России : сайт. – URL: <http://prezident.org/articles/ukaz-prezidenta-rf-400-ot-2-iyulja-2021-goda-03-07-2021.html>
8. Цыбулевская, О. И. Нравственный аспект ограничения прав человека [Текст] / О. И. Цыбулевская // Юридическая техника. – 2018. – № 12. – С. 351–355.

Referenses

1. Boyko, A. I. Moral and religious foundations of criminal law [Text] / A. I. Boyko. – Moscow : Yurlitinform Publ., 2010. – 248 p. [in Russian].
2. Vannes, D. Consumerism. A disease threatening the world [Text] / D. Vann, T. H. Naylor, J. De Graaf ; translated from the English by N. Makarova. – Yekaterinburg : Ultra. Cultura Publ., 2005. – 375 p. [in Russian].
3. Millerov, E. V. Criminal law protection of morality [Text] : abstract of the dissertation ... cand. jurid. sciences : 12.00.08 / Millerov, Evgeny Vladimirovich. – Rostov-on-Don, 2006. – 26 p. [in Russian].
4. Nikitina, E. E. Freedom of conscience: theory and practice of restrictions of rights in the Russian Federation [Text] / E. E. Nikitina // Journal of Russian Law. – 2013. – № 12. – P. 65–74 [in Russian].
5. Pozhigailo, P. Culture as the purpose of the existence of the state [Text] / P. Pozhigailo // Culture: management, economics, law. – 2012. – No. 2. – P. 2–3 [in Russian].
6. Sorokin, P. A. Man. Civilization. Society [Text] / P. A. Sorokin. – Moscow : Politizdat, 1992. – 543 p. [in Russian].
7. National Security Strategy of the Russian Federation [Electronic resource] // President of Russia : website. – URL: <http://prezident.org/articles/ukaz-prezidenta-rf-400-ot-2-iyulja-2021-goda-03-07-2021.html> [in Russian].
8. Tsybulevskaya, O. I. The moral aspect of the restriction of human rights [Text] / O. I. Tsybulevskaya // Legal technique. – 2018. – No. 12. – P. 351–355 [in Russian].

Поступила в редакцию 11.03.2022

Received March 11, 2022

Попов Виталий Игоревич,
преподаватель кафедры теории
государства и права, Московский
университет МВД России
имени В. Я. Кикотя,
117437, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12,
email: popov.vitaliy.law@gmail.com

Popov, Vitaliy I.,
Professor at the Department of Theory
of State and Law, Vladimir Kikot
Moscow University of the Russian
Ministry of Internal Affairs,
12 Akademika Volgina Str., 117437,
Moscow, Russian Federation,
email: popov.vitaliy.law@gmail.com

РОЛЬ ПРАВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ СОЦИОАКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПРАВОПОНИМАНИЮ

LAW AS A MEANS TO ENSURE COMMUNICATIVE PRACTICES OF THE STATE AND CIVIL SOCIETY IN THE CONTEXT OF A SOCIO-AXIOLOGICAL APPROACH TO LEGAL UNDERSTANDING

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются особенности взаимодействия государства и гражданского общества в условиях современной действительности. Устанавливаются предпосылки правовой коммуникации государства и гражданского общества, вытекающие в первую очередь из особенностей субъектов взаимодействия.

Обращение к социоаксиологическому подходу в понимании права позволило автору обосновать тезис о том, в современном информационном политически организованном обществе и применительно к отношениям государства и гражданского общества право начинает играть коммуникативно-обеспечительную роль.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право; правовое государство; гражданское общество; социоаксиологический подход к праву; коммуникативно-обеспечительная роль права; правовая коммуникация; правовой дискурс; правовые ценности.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Попов, В. И. Роль права в обеспечении коммуникативных практик государства и гражданского общества в контексте социоаксиологического подхода к правопониманию [Текст] / В. И. Попов // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 1. – С. 43–50. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-5.

ABSTRACT. The paper studies peculiarities of interaction between the state and civil society in today's reality. The author identifies prerequisites for legal communication between the state and civil society, and they result primarily from the peculiarities characterising the subjects of the interaction.

The use of a socio-axiological approach to the understanding of law allowed the author to substantiate the following thesis: in a modern informational politically-organised society, law begins to play a communicative and supportive role in relations between the state and civil society.

KEYWORDS: law; legal state; civil society; socio-axiological approach to law; communicative and supporting role of law; legal communication; legal discourse; legal values.

FOR CITATION:

Popov, V. I. Law as a Means to Ensure Communicative Practices of the State and Civil Society in the Context of a Socio-Axiological Approach to Legal Understanding [Text] / V. I. Popov. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 1. – P. 43–50 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-5.

1. ВВЕДЕНИЕ. Социоаксиологический подход к пониманию при определении коммуникативно-обеспечительной роли права в отношениях государства и гражданского общества

Современное капиталистическое общество можно охарактеризовать как общество информационное, в рамках которого, что в данном случае является вполне очевидным, важную роль играет такой социальный ресурс, как информация. Это является логичным следствием таких процессов, как технологизация, цифровизация, информатизация и т. п. Так, совсем неслучайно американский ученый Э. Тоффлер в одной из своих ключевых работ «Метаморфозы власти», исследуя различные стороны общественной жизни, обращает внимание на информацию как на важный ресурс, который способен обеспечивать эффективность организации власти [18]. В этой связи представляется вполне закономерной и логичной все возрастающая роль информационно-идеологической сферы.

Сказанное позволяет нам высказать мысль о том, что в современном информационном политически организованном обществе разрешение различного рода социальных противоречий и конфликтов, детерминируемых (в большей степени) разрозненностью материальных интересов и потребностей социальных субъектов, начинает «смещаться» именно в пространство информационно-идеологической сферы. По этой причине актуализируется значимость информационно-обменных процессов, представляющих собой в контексте того, о чем у нас идет речь, дискурсивную форму «борьбы интересов». В рамках данной сферы «борьба интересов» получает свое реальное выражение в борьбе идей, мнений, точек зрения и т.п. На наш взгляд, особое внимание в этом вопросе следует уделять институциональным формам взаимодействия, складывающимся в первую очередь между государством (как государством правовым) и гражданским обществом.

Исторический путь развития общественных отношений, особенно это касается ситуаций, сопряженных с возникновением различного рода социальных конфликтов, наглядно продемонстрировал эффективность права как одного из ключевых средств их регулирования. В этом отношении был прав О. Э. Лейст, ко-

торый в своих работах весьма верно подмечал ведущую роль права в вопросе создания «замкнутой среды» (среды человеческого общения). Причем, как отмечает правовед, следствием такого воздействия должно быть не кратковременное перемирие, а долговременный мир (хотя ученый и обращает свое внимание на тот факт, что истории известны случаи нестабильного права и, соответственно, неустойчивого правопорядка в период социальных потрясений) [11, с. 40]. В этой связи становится вполне очевидно, что в современных условиях именно право способно справиться с задачей по обеспечению целостности всего политически организованного общества, где последнее в свою очередь, в самом общем виде, может быть представлено как единство правового государства и гражданского общества (как общества правового) [13]. При этом считаем, что наиболее целесообразно в данном случае будет исходить из понимания права как системы конвенциональных правовых ценностей, сформированных в процессе дискурсивного взаимодействия, обусловленного, как уже было отмечено ранее, преимущественно материальными интересами и потребностями социальных субъектов, и в последствии находящих свое отражение в нормативной системе (в этом, собственно, и заключается социоаксиологический подход к пониманию права). Перенесение противостояния интересов государства и гражданского общества в процессе их непосредственного взаимодействия в пространство публичного правового дискурса (публичный правовой дискурс как особый тип правовой коммуникации) позволяет им достигать определенных компромиссов, соглашений [5, с. 65, 69].

Таким образом, обращение к социоаксиологическому подходу в понимании права в сочетании с дискурсивно-конвенциональной правовой теорией (разработчиком указанных направлений является А. И. Клименко [7; 8]) позволяет увидеть качественную, ранее не очевидную в вопросе направленности своего воздействия, для права сторону. Так, в современном информационном капиталистическом обществе право уже не просто выступает в качестве одного из социальных регуляторов общественных отношений, но также оно начинает играть роль средства, способного обеспечивать эффективную коммуникацию между

различными социальными субъектами, а применительно к нашему случаю между правовым государством и гражданским обществом. Ведь как совершенно верно подмечал М. ван Хук, право, будучи изначально сущностно основанным на коммуникации, в последующем предлагает не только рамки для определенных социальных действий вообще, но и рамки для коммуникационных процессов в частности [19, с. 20]. В этой связи вполне уместно вести речь о коммуникативно-обеспечительной роли права в отношениях государства и гражданского общества. В свою очередь это заставляет нас обратить внимание на процесс правовой коммуникации, который складывается между ними.

2. Понятие правовой коммуникации

Итак, теперь обратимся к проблеме определения понятия «правовая коммуникация». При этом отметим, что до настоящего времени в теоретико-правовых исследованиях так и не сформировалось единое, общее видение относительно того, что следует понимать под правовой коммуникацией.

Например, ряд отечественных правоведов понимают под правовой коммуникацией следующее:

– правовое взаимодействие субъектов, возникающее в результате социальной интерпретации правовых текстов, содержащих в себе сведения об их юридических правах и обязанностях, которые реализуются в процессе этого самого взаимодействия [16, с. 9–10];

– особая форма социального взаимодействия, которая качественно отличается от других его форм. Объясняется это тем, что указанное взаимодействие охватывает всех без исключения индивидов, в том числе производных от них социально-правовых субъектов (при этом отмечается, что именно субъект определяет весь процесс правовой коммуникации) [1, с. 7];

– «основанный на юридических нормах порядок взаимодействия субъектов, связанный с обменом правовой и иной информацией, направленный на удовлетворение их законных интересов и потребностей» [17, с. 9].

Как мы видим, ученые-правоведы раскрывают смысловое содержание понятия «правовая коммуникация» преимущественно через категорию «взаимодействие», что является вполне

обоснованным, т.к. последнее, как отмечают английские ученые Э. Гидденс и Ф. Саттон, предполагает «любой вид социального контакта между двумя и более индивидами как в формальных, так и неформальных ситуациях» [2, с. 214], что, несомненно, отсылает нас к коммуникации, и правовая коммуникация здесь не является исключением.

В самом общем виде правовая коммуникация представляет собой такую форму дискурсивного взаимодействия, которая «разворачивается» в рамках сферы действия права. При этом акцент следует делать на информационно-обменных процессах, предполагающих транслирование и ретранслирование ценностно значимой, преимущественно правовой, информации между взаимодействующими субъектами. С учетом того, что уже было сказано ранее, становится вполне очевидным, что правовая информация, будучи предметом правовой коммуникации, непосредственно связана с материальными интересами и потребностями социальных субъектов. В свою очередь указанная выше «борьба интересов» выступает в качестве предпосылки, ведущей к информационно-правовому взаимодействию, нацеленному на достижение рационального компромисса или консенсуса (что становится возможно вследствие согласования противоречивых интересов).

3. Особенности государства и гражданского общества как субъектов правовой коммуникации

Государство и гражданское общество как субъекты правовой коммуникации характеризуются определенным «набором» отличительных черт.

Изначально следует сказать о том, что в силу своей природы государство тяготеет к «политическому», а гражданское общество, будучи, как уже было определено нами ранее, правовым феноменом – к «правовому». Государство как носитель власти стремится к суверенитету. Отличительной же чертой гражданского общества является его автономность, воспринимаемая в данном случае как «самозаконность» [4, с. 2]. Именно по этой причине, рассматривая государство и гражданское общество в качестве субъектов информационно-правового взаимодействия, предполагается абстрагиро-

вание от всего того, что имеет связь с политическими вопросами, и акцентирование внимания лишь на правовой составляющей рассматриваемого нами вопроса. Таким образом, правовая форма дискурсивного взаимодействия государства и гражданского общества предполагает связь права государства (т.е. права, юридически оформленного государством) и права гражданского общества. Характер этой связи во многом предопределяет особенности правовой коммуникации государства и гражданского общества.

Апеллируя к уже сказанному, отметим, что право государства, и это является вполне логичным, учитывая само название рассматриваемой формы права, «порождается государством, поддерживается им, служит ему в полной мере, защищает его» [12, с. 54]. В свою очередь право гражданского общества, в отличие от права государства, является стихийным, самоорганизующимся правом. В отдельных случаях его рассматривают как право, призванное препятствовать произволу со стороны государства [12, с. 54].

Взаимосвязь обозначенных форм права (права государства и права гражданского общества) проявляется также еще в одном моменте. Для того чтобы право, как единство двух этих форм, в своем практическом воплощении могло действительно выступать в качестве эффективного регулятора общественных отношений, а также в качестве средства, обеспечивающего коммуникацию, государству следует осуществлять закрепление правовых ценностей гражданского общества (права гражданского общества) в своем праве – юридически оформленном праве государства. Другими словами, государство должно осуществлять юридикацию правовых ценностей гражданского общества. Достижение последнего возможно только лишь в рамках перманентного публичного правового дискурса государства и гражданского общества, результатом которого является формирование конвенциональных правовых ценностей [6, с. 220]. Последние затем оказывают влияние и на сами правила публичного правового дискурса – правовой коммуникации.

Субъектами информационно-правового взаимодействия в данном случае выступают, с одной стороны (со стороны государства), государственные органы и должностные лица, а с другой (со стороны гражданского общества) –

институты гражданского общества. Для первых характерно преобладание у них государственного типа правосознания, в то время как для вторых – гражданского правосознания [14, с. 269–294]. При этом, как уже упоминалось ранее, в процессе правовой коммуникации государство нацелено на формулирование, предъявление и отстаивание общественно значимых (публичных) интересов, а гражданское общество стремится к реализации частных интересов (причем довольно часто в форме защиты).

Так, в отношениях государства и гражданского общества право обеспечивает воспроизводство дискурсивных (коммуникативных) форм взаимодействия, в рамках которых становится реально возможным согласование публичных и частных интересов.

4. Правовые принципы информационно-правового взаимодействия государства и гражданского общества

Обязательным элементом процесса информационно-правового взаимодействия государства и гражданского общества, его отправной точкой, фундаментальной основой являются правовые принципы. Неслучайно традиционно под ними понимают основные, исходные, руководящие начала какого-либо процесса или явления. В свою очередь сложность и многогранность отношений государства и гражданского общества обуславливают наличие определенной совокупности правовых принципов, лежащих в основе дискурсивных форм взаимодействия между ними.

Правовые принципы не могут быть произвольными. При их определении и формулировании следует учитывать, что, во-первых, они должны представлять ценность и практическую значимость для данной формы дискурсивного взаимодействия (тогда правовой принцип может рассматриваться как абстрактная ориентация на правовую ценность [6, с. 246]), а во-вторых, они должны быть реально «включены» в процесс коммуникации, т.к. от этого во многом зависит его эффективность и результативность. В этой связи мы предлагаем исходить из понимания правовых принципов (и принципов вообще) как неких стандартов, которые «предъявляют» определенные требования [3, с. 45] к поведению субъектов правовой коммуникации. Если же вести речь

о принципах правовой коммуникации, то они будут представлять собой требования, предъявляемые непосредственно к коммуникативному процессу взаимодействия государства и гражданского общества.

Так, один из основоположников коммуникативной теории права А. В. Поляков выделяет следующие, по его мнению, основные правовые принципы, без которых процесс дискурсивного взаимодействия не представляется возможным: взаимная свобода, исходное формальное равенство, справедливость и ответственность [15, с. 8]. С этим сложно не согласиться, т.к. указанные правовые принципы представляют собой основополагающие, системообразующие идеи права, которые как раз и задают смысловые координаты правовой коммуникации.

Принцип взаимной свободы выступает в качестве предпосылочного для любого вида социального взаимодействия, в том числе и для правовой коммуникации государства и гражданского общества. Вне принципа взаимной свободы правовая коммуникация была бы просто невысказима. Американские ученые Дж. Л. Коэн и Э. Арато также отмечали практическую значимость указанного принципа в рамках дискурсивных форм взаимодействия, связывая это с возможностью субъекта высказывать независимые суждения. Так, «если все заинтересованные имеют возможность выступить в диалоге, если дискуссия ведется без оказания давления, если каждый участник может сменить уровень обсуждения и выразить свои представления о лежащих в основе противоречий потребностях, тогда практическое обсуждение подразумевает существование независимых индивидов» [10, с. 468], что несомненно отсылает нас к принципу взаимной свободы.

В процессе информационно-правового взаимодействия равенство субъектов должно рассматриваться как условное равенство, т.е. формальное. Формальность в данном случае предполагает отвлечение от всех фактических (физических, нравственных, социальных и т.д.) несходств, существующих между субъектами взаимодействия; как субъекты правовой коммуникации они равны по отношению друг к другу. Принцип формального равенства предполагает признание значимости любого другого контрагента, включая признание наличия его свободы.

Говорить о реализации указанных правовых принципов в их отрыве от принципа ответственности было бы не совсем верным. Ведь правовая связь государства и гражданского общества предполагает обязательное наличие взаимных субъективных прав и юридических обязанностей между субъектами взаимодействия. Поэтому принцип ответственности предполагает ориентированность субъекта правовой коммуникации на добровольное и сознательное исполнение имеющихся у него перед другим субъектом юридических обязанностей.

Принцип справедливости также находится в тесной и неразрывной связи с принципами, рассмотренными нами выше. В сочетании с другими правовыми принципами в процессе правовой коммуникации он позволяет подойти к осмыслению основных правовых проблем, существующих в социальной действительности. Только в процессе конструктивного диалога имеется реальная возможность определиться с тем, что справедливо, а что не справедливо.

К числу правовых принципов коммуникации государства и гражданского общества можно также отнести принцип законности, который предполагает, что информационно-правовое взаимодействие соответствует существующим правовым и организационным формам, исключая возможность преимущества одного участника взаимодействия перед другим, и принцип соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина, а также ряд других принципов.

При этом нельзя обойти стороной, на наш взгляд, такие важные принципы информационно-правового взаимодействия государства и гражданского общества, как принцип оптимальности, предполагающий использование оптимальных организационных форм и процедур, обеспечивающих эффективность механизма правовой коммуникации, и принцип открытости и публичности, предполагающий создание благоприятных условий для конструктивного диалога.

Таким образом, правовые принципы выступают в качестве идейно-ценностной основы, определяющей механизм развития правовой коммуникации государства и гражданского общества.

5. Формы правовой коммуникации государства и гражданского общества

При рассмотрении особенностей дискурсивного взаимодействия государства и гражданского общества важное место в этом вопросе отводится определению основных форм их взаимодействия.

В самом общем виде под формами информационно-правового взаимодействия государства и гражданского общества можно понимать систему правовых (юридических) инструментов, предназначенных для выражения, регулирования и опосредования отношений и процессов правового взаимодействия между ними [9, с. 121].

Предлагаем выделить такие формы правовой коммуникации государства и гражданского общества, которые будут соответствовать тем сферам, в рамках которых между ними складывается дискурсивное взаимодействие. Так, можно условно выделить следующие общие формы правовой коммуникации: правотворческая, правоприменительная и правоохранительная.

Каждая из указанных общих форм дискурсивного взаимодействия характеризуется наличием определенной совокупности юридических процедур (каналов связи), в пространстве которых как раз и «разворачивается» правовая коммуникация между государственными органами и должностными лицами, с одной стороны, и институтами гражданского общества – с другой. В свою очередь юридические процедуры обладают своей спецификой и содержательными особенностями, предопределяющими соответствующие особенности информационно-правового взаимодействия. В этой связи юридические процедуры можно условно разделить на универсальные – как те, что находят свое отражение в различных формах дискурсивного взаимодействия – и на специальные, которые выступают в качестве вспомогательных, дополняющих процедур, обеспечивающих правильность и эффективность правовой коммуникации.

В качестве примера процедур, посредством которых осуществляется правовая коммуникация между государством и гражданским обществом, можно назвать: участие в референдумах, публичных слушаниях и обсуждениях и т.п. Две последние процедуры также представляют

собой формы общественного контроля (участие в делах, связанных с управлением государством). Также речь следует вести об участии институтов гражданского общества в процедурах, связанных с обсуждением законопроектов (и последующим проведением общественных экспертиз нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов). Далее отметим обращение граждан в органы государственной власти и участие в обеспечении защиты и охраны прав и свобод человека и гражданина (в лице адвокатуры и иных правозащитных организаций и должностных лиц). Применительно к последнему в крайних случаях можно вести речь о правосудной процедуре, посредством которой происходит разрешение наиболее острых конфликтов, обусловленных противоречивостью интересов (публичных и частных), а также целый ряд других процедур.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Выводы

Исходя из сказанного выше, сформулируем ряд выводов и обобщений.

В современном информационном политически организованном обществе важное место отводится информационно-идеологической сфере, в пространство которой «смещаются» различного рода социальные противоречия и конфликты, детерминируемые преимущественно разрозненностью материальных интересов и потребностей социальных субъектов, где, собственно, и происходит их разрешение. Все это предполагает актуализацию институциональных, дискурсивных (коммуникативных) форм взаимодействия между правовым государством и гражданским обществом. Обеспечить же эффективную коммуникацию в рамках указанных форм взаимодействия призвано право, которое, проецируясь на отношения последних, по сути осуществляет «воспроизводство» таких каналов связи, посредством которых происходит трансляция и ретрансляция значимой, преимущественно правовой, информации, которая в добавок ко всему содержит в себе сведения об интересах и потребностях взаимодействующих субъектов. В рамках этих коммуникативных практик, представляющих собой открытую (публичную) форму обсуждения назревших вопросов, происходит согласование публичных и частных интересов (посредством достижения

рационального компромисса или консенсуса) и, как следствие, выработка общих конвенциональных правовых ценностей. Другими словами, в условиях современной действительности и применительно к отношениям государства и гражданского общества, право начинает играть новую, ранее ему не совсем свойственную роль, а именно – коммуникативно-обеспечительную роль.

Литература

1. Архипов, С. И. Понятие правовой коммуникации [Текст] / С. И. Архипов // Российский юридический журнал. – 2008. – № 6. – С. 7–17.
2. Гидденс, Э. Основные понятия в социологии [Текст] / Э. Гидденс, Ф. Саттон ; пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко ; под науч. ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 2-е изд. – Москва : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2019. – 336 с.
3. Дворкин, Р. О правах всерьез [Текст] / Р. Дворкин ; пер. с англ.; ред. Л. Б. Макеева. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 392 с.
4. Калининченко, И. А. Гражданское общество в условиях информатизации: к проблеме ценностной правовой коммуникации [Текст] / И. А. Калининченко, О. В. Зиборов, А. И. Клименко // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2021. – № 3. – С. 2–6.
5. Клименко, А. И. Марксистские основания современной философии права [Текст] / А. И. Клименко // Труды Института государства и права РАН. – 2020. – Т. 15. – № 6. – С. 58–76.
6. Клименко, А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества : монография [Текст] / А. И. Клименко. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2019. – 384 с.
7. Клименко, А. И. Социоаксиологический подход и его значение для современной юридической науки [Текст] / А. И. Клименко // Юристы-Правоведь. – 2018. – № 4(87). – С. 102–107.
8. Клименко, А. И. Социоаксиологический подход к постижению природы и сущности права и его значение для философии права и общеправовой теории [Текст] / А. И. Клименко // История государства и права. – 2022. – № 1. – С. 7–16.
9. Ковач, Ю. О. Юридическая конструкция взаимодействия гражданского общества и государства [Текст] / Ю. О. Ковач // Вестник Поволжского института управления. – 2015. – № 6(51). – С. 118–122.
10. Коэн, Дж. Л. Гражданское общество и политическая теория [Текст] / Дж. Л. Коэн, Э. Арато ; пер. с англ. ; общ. ред. И. И. Мюрберг. – Москва : Весь Мир, 2003. – 784 с.
11. Лейст, О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права [Текст] / О. Э. Лейст. – Москва : ИКД «Зерцало-М», 2002. – 288 с.
12. Малахов, В. П. Общая теория права и государства. Курс лекций [Текст] / В. П. Малахов. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. – 271 с.

13. Малахов, В. П. Правовые свойства гражданского общества [Текст] / В. П. Малахов // История государства и права. – 2010. – № 4. – С. 2–13.

14. Малахов, В. П. Теория правосознания. Опыт формирования [Текст] / В. П. Малахов : монография. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020. – 335 с.

15. Мелкевик, Б. Юрген Хабермас и коммуникативная теория права [Текст] / Б. Мелкевик ; пер. с франц. Е. Г. Самохиной ; науч. ред. А. В. Поляков. – Санкт-Петербург : ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2018. – 95 с.

16. Поляков, А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование) [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук. в виде научного доклада / Поляков, Андрей Васильевич. – Санкт-Петербург, 2002. – 94 с.

17. Романова, Е. А. Правовая коммуникация: общетеоретический анализ [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Романова, Екатерина Александровна. – Саратов, 2011. – 22 с.

18. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти [Текст] / Э. Тоффлер ; пер. с англ. – Москва : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 669 с.

19. Хук, М. ван. Право как коммуникация [Текст] / М. ван Хук ; пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. – Санкт-Петербург : ИД С.-Петербур. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. – 288 с.

References

1. Arkhipov, S. I. The concept of legal communication [Text] / S. I. Arkhipov // Russian Law Journal. – 2008. – No. 6. – P. 7–17 [in Russian].
2. Giddens, E. Basic concepts in sociology [Text] / E. Giddens, F. Sutton ; translated from English by E. Rozhdestvenskaya, S. Gavrilenko ; under the scientific editorship of S. Gavrilenko; National research university “Higher School of Economics”. – 2nd ed. – Moscow : Publ. House of the Higher School of Economics, 2019. – 336 p. [in Russian].
3. Dvorkin, R. About rights seriously [Text] / R. Dvorkin; translated from English; edited by L. B. Makeev. – Moscow : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2004. – 392 p. [in Russian].
4. Kalinichenko, I. A. Civil society in the conditions of informatization: to the problem of value-based legal communication [Text] / I. A. Kalinichenko, O. V. Ziborov, A. I. Klimentko // Civil Society in Russia and Abroad. – 2021. – No. 3. – P. 2–6 [in Russian].
5. Klimentko, A. I. Marxist foundations of modern philosophy of law [Text] / A. I. Klimentko // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2020. – Vol. 15. – No. 6. – P. 58–76 [in Russian].
6. Klimentko, A. I. Legal ideology of modern politically organized society : monograph [Text] / A. I. Klimentko. – Moscow : Norma: INFRA-M Publ., 2019. – 384 p. [in Russian].
7. Klimentko, A. I. Socio-axiological approach and its significance for modern legal science [Text] / A. I. Klimentko // Jurist-Pravoved. – 2018. – No. 4(87). – P. 102–107 [in Russian].
8. Klimentko, A. I. Socio-axiological approach to understanding the nature and essence of law and its significance for the philosophy of law and general legal theory [Text] /

A. I. Klimenko // History of the state and law. – 2022. – No. 1. – P. 7–16 [in Russian].

9. Kovach, Yu. O. Legal construction of interaction between civil society and the state [Text] / Yu. O. Kovach // Bulletin of the Volga Institute of Management. – 2015. – No. 6(51). – P. 118–122 [in Russian].

10. Cohen, J. L. Civil Society and Political Theory [Text] / J. L. Cohen, E. Arato ; translated from English ; general ed. by I. I. Murberg. – Moscow : Ves' Mir Publ., 2003. – 784 p. [in Russian].

11. Leist, O. E. The essence of law. Problems of theory and philosophy of law [Text] / O. E. Leist. – Moscow : Zertsalo-M Publ., 2002. – 288 p. [in Russian].

12. Malakhov, V. P. General theory of law and the state. Course of lectures [Text] / V. P. Malakhov. – Moscow : UNITY-DANA: Legislation and Law Publ., 2018. – 271 p. [in Russian].

13. Malakhov, V. P. Legal properties of civil society [Text] / V. P. Malakhov // History of State and Law. – 2010. – No. 4. – P. 2–13 [in Russian].

14. Malakhov, V. P. Theory of legal consciousness. Formation experience [Text] / V. P. Malakhov : monograph. – Moscow : UNITY-DANA: Legislation and Law Publ., 2020. – 335 p. [in Russian].

15. Melkevik, B. Jurgen Habermas and the communicative theory of law [Text] / B. Melkevik ; translated from French by E. G. Samokhina ; scientific ed. A. V. Polyakov. – St. Petersburg : Alef-Press Publishing House, LLC, 2018. – 95 p. [in Russian].

16. Polyakov, A. V. Communicative Concept of Law (Genesis and Legal-Theoretical Substantiation) [Text] : dis. ... Dr. of Law in the form of a scientific report / Polyakov, Andrey Vasilyevich. – St. Petersburg, 2002. – 94 p. [in Russian].

17. Romanova, E. A. Legal Communication: General Theoretical Analysis [Text] : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences' : 12.00.01 / Romanova, Ekaterina Alexandrovna. Saratov, 2011. – 22 p. [in Russian].

18. Toffler, E. Metamorphoses of power [Text] / E. Toffler ; translated from English. – Moscow : ACT Publishing House LLC, 2003. – 669 p. [in Russian].

19. Hook, M. van. Law as communication [Text] / M. van Hook ; translated from English by M. V. Antonov and A. V. Polyakov. – St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg State University, LLC "University Publishing Consortium", 2012. – 288 p. [in Russian].

Поступила в редакцию 09.03.2022

Received March 09, 2022

Правкина Ирина Николаевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых
дисциплин, Московская академия
Следственного комитета
Российской Федерации,
125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12,
email: pravkinairina@yandex.ru

Pravkina, Irina N.,
PhD in Law, Associate Professor,
Department of State-Legal Disciplines,
Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation,
12 Vrubelia Str., 125080,
Moscow, Russian Federation,
email: pravkinairina@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

LEGAL CONDITIONS FOR EFFICIENT FUNCTIONING OF A WELFARE STATE

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме определения правовых условий эффективного функционирования социального государства. Уточняются особенности социального государства как качественного специфического типа современного государства. Обосновывается, что в качестве основных условий эффективного функционирования социального государства необходимо рассматривать, во-первых, гарантированность права на достойную жизнь и свободное развитие человека, во-вторых, формирование и развитие гражданского общества, в-третьих, высокий уровень правовой защищенности отдельных категорий граждан и, в-четвертых, обеспечение функционирования механизма реализации прав и свобод человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальное государство; правовые условия; эффективность; права и свободы человека; гарантирование; механизм реализации прав и свобод человека.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Правкина, И. Н. Правовые условия эффективного функционирования социального государства [Текст] / И. Н. Правкина // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 1. – С. 51–56. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-6.

ABSTRACT. The paper is devoted to determination of legal conditions for efficient functioning of a welfare state. The author clarifies features of the welfare state as a qualitative specific type of modern state. She proves that four conditions should be regarded as key to efficient functioning of a welfare state: guaranteed right to a decent life and free personal development; formation and development of civil society; high level of legal protection for certain categories of citizens; ensured functioning of a mechanism to exercise human rights and freedoms.

KEYWORDS: welfare state; legal conditions; efficiency; human rights and freedoms; guarantees; mechanism to exercise human rights and freedoms.

FOR CITATION:

*Pravkina, I. N. Legal Conditions for Efficient Functioning of a Welfare State [Text] / I. N. Pravkina. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU.* – 2022. – Vol. 9, No. 1. – P. 51–56 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-6.*

В условиях постоянных социально-экономических и политико-правовых изменений, оказывающих существенное влияние на российское общество, повышается значимость решения задач, связанных с формированием правовой государственности, укреплением дисциплины и правопорядка, гарантированием прав и свобод человека, а также созданием условий для эффективного функционирования социального государства. Достижению указанных целей, как правило, во многом способствует адекватное использование государством правового инструментария, находящегося в его руках. В силу этого большое значение приобретает решение вопроса о том, при каких правовых условиях достижение важных для государства целей оказывается максимально эффективным.

Проблема эффективного функционирования государства является предметом исследования многих отечественных и зарубежных научных деятелей. В отечественной теории государства и права также имеется много монографических работ, посвященных эффективности правовых норм, механизма действия права, правового регулирования. Однако вопросы, связанные с эффективностью функционирования социального государства и влиянием на нее права, в трудах отечественных ученых не получили столь глубокого теоретического анализа.

В связи с этим рассмотрение проблем оптимального функционирования социального государства, а также определение условий, создающих предпосылки для эффективного осуществления таким государством своей деятельности, приобретают очевидную значимость как в теоретическом, так и в практическом плане.

В отечественной теории государства и права современное государство, как правило, рассматривается в качестве социального. При этом сама идея социального государства является, прежде всего, «наследием» западноевропейской политико-правовой мысли, в которой оно ассоциируется с принятием государством на себя обязательств по обеспечению достойной жизни, созданием условия для самореализации и гарантий суверенной личности, созданием эффективного механизма распределения социальных благ, а также социальной справедливостью и защищенностью личности. Однако

государство также не может считаться социальным, если в нем не обеспечивается эффективное действие специфического по своему содержанию права, и в этой связи закономерной оказывается постановка вопроса о правовых условиях эффективного функционирования социального государства.

Рассмотрение интересующего нас вопроса следует начать с определения понятия «эффективность». В зависимости от сферы научного знания можно выделить множество подходов к определению названного понятия, что связано, прежде всего, с многоаспектностью и сложностью того явления, которое за ним скрывается.

Так, например, в политологических исследованиях эффективность определяется как результат реализации властью своих функциональных обязанностей в различных сферах общественной жизни. Широкое использование термина в экономических науках привело к тому, что было выработано определение, в рамках которого эффективность интерпретируется как достижение поставленных целей с минимально возможными издержками и затратами, обеспечиваемое преимущественно последовательным и обоснованным распределением ресурсов, необходимых для достижения этих целей.

Необходимо отметить, что термин «эффективность» органично включен в аппарат юридической науки. Так, например, Р. А. Ромашов определяет эффективность как «результативное воздействие образующих аппарат государственной власти структурных институтов на общественные отношения, складывающиеся в рамках самой социальной системы» [7, с. 119]. О. Ю. Еремина под эффективностью государственного управления в социальной сфере понимает «степень достижения правовыми средствами зафиксированных в юридической форме целей государственной политики» [2, с. 11]. Таким образом, эффективность функционирования государства определяется характером и степенью результативности государственного воздействия на различные сферы общественной жизни. При этом основной целью такого воздействия является удовлетворение социально-значимых потребностей граждан, а значимыми инструментами – правовые средства, находящееся в распоряжении государства. Сказанное в полной мере справедливо в применении к социальному государству.

Эффективным функционирование социального государства может быть только тогда, когда созданы условия, способствующие гармоничному и сбалансированному развитию современного общества. К числу наиболее значимых правовых условий следует отнести, во-первых, гарантированность права на достойную жизнь и свободное развитие человека, во-вторых, формирование и развитие гражданского общества, в-третьих, высокий уровень правовой защищенности отдельных категорий граждан и, в-четвертых, обеспечение функционирования механизма реализации прав и свобод человека. Рассмотрим каждое из перечисленных условий.

Необходимо отметить, что как на законодательном, так и на доктринальном уровне отсутствует общепризнанное толкование сущности и содержания понятия «достойная жизнь». Однако декларирование Конституцией Российской Федерации положения о том, что политика государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, определяет стратегическое направление правовой политики России как современного социального государства. Право на достойную жизнь, как справедливо полагает М. В. Саудаханов, представляет собой сложное, полиморфное явление, которое включает в себя определенный уровень духовно-культурного развития, самореализации и защищенности [6]. Ключевым в характеристике данного права является достойное материальное обеспечение граждан, соответствующее необходимому уровню развития современного общества и государства, а также возможность обладать и пользоваться социальными благами, представляющими культурные и правовые ценности.

Стоит отметить, что реализация рассматриваемого условия определяется двумя факторами. С одной стороны, государство берет на себя обязательство не только признавать и декларировать соблюдение и защиту прав и свобод человека, но и предпринимать реальные меры, обеспечивающие осуществление прав и свобод человека на практике, гарантировать реализацию прав и свобод. С другой стороны, государство, задавая границы правового поля, определяет рамки, позволяющие человеку развить свою активность, а реализация свое-

го потенциала, в том числе экономического, осуществляется каждым самостоятельно (будет ли человек пользоваться своими правами – зависит в итоге от него самого, а не от государства).

Гарантирование права на достойную жизнь может быть осуществлено только в условиях поддержания правового равенства, а также взаимной ответственности государства и человека, государства и общества. Так, например, устанавливая законодательные ограничения властного вмешательства в различные сферы общественной жизни, государство определяет пределы своей экспансии и гарантирует отсутствие такого вмешательства в жизнь человека, которое бы препятствовало самостоятельной реализации личностного потенциала. Мера свободы личности, в свою очередь, также определена правовыми предписаниями и может быть ограничена в случае их нарушений.

Описывая второе условие, необходимо отметить, что современное гражданское общество представляет собой сложное институциональное образование, основными принципами построения и функционирования которого являются самоорганизация, самоидентификация, юридическое равенство и экономическая свобода. Как правило, важной задачей и для государства, и для гражданского общества является признание прав и свобод человека и гражданина, а также создание условий для их эффективной реализации. В связи с этим организация взаимодействия между государством и гражданским обществом, а также обеспечение возможности оптимального функционирования последнего является одним из основных критериев, определяющих эффективность осуществления государственно-правовой политики.

Одним из важных условий оптимального функционирования гражданского общества выступает признание существования наряду с правом, поддерживаемым и обеспечиваемым государством, такой негосударственной формы права, которую в специальной литературе принято называть «правом гражданского общества» [3; 4]. Признание методологического плюрализма базовой идейной парадигмой, лежащей в основе исследования государственно-правовых явлений, позволяет говорить не только о существовании права гражданского общества, но и о специфичности его предназначения, которое проявляется в реализации

функций саморегуляции, социальной интеграции и координации [5]. Следует отметить, что право гражданского общества представляет собой сложное сочетание различных форм негосударственного права, функционирование которых обеспечивается «встраиванием» в среду государственного права.

Возможность существования права гражданского общества в настоящее время обеспечивается развитием локализованных форм организации и интеграции людей, основной целью которых является удовлетворение общих потребностей и интересов. Позиционирование себя в качестве конструктивной оппозиции государственной власти обуславливает потребность гражданского общества в сдерживании расширения экспансии государственной власти и в обеспечении реализации притязаний негосударственных субъектов права посредством «превращения» их в права.

Взаимодействие государства и гражданского общества, как правило, регулируется по принципу обратной связи. Так, государство, определяя границы правового воздействия на различные сферы общественных отношений, предоставляет гражданскому обществу рычаги влияния на институты государственной власти. Гражданское общество, в свою очередь, задавая параметры функционирования государства, обеспечивает возможность своей автономизации и делает действие права гражданского общества наиболее эффективным при сохранении доминирования государственного права.

Еще одним значимым условием оптимального функционирования гражданского общества является высокий уровень правовой активности граждан. Основной идейной установкой гражданского общества является обеспечение признания притязаний индивида, а также его интеграции в правовое пространство. Это, в свою очередь, оказывается возможным только посредством выстраивания стратегических линий поведения, направленных на приобретение новых прав, и создание механизма использования существующих правовых возможностей.

Следует отметить, что основной целью правовой политики российского государства как социального является реализация комплексной политико-правовой стратегии создания благоприятных условий для самореализации и самоидентификации личности, расширения эконо-

мической свободы, обеспечения равноправия, а также социальной справедливости. Тактически реализация данной стратегии сопровождается, среди прочего, преодолением деформации правосознания современного общества. Деструктивное отношение к праву, негативное отношение к правовой действительности обуславливают неадекватное представление о правовой жизни общества и оказывают ощутимое влияние на выстраивание гражданами линий своего правового поведения. В связи с этим необходимо отметить, что обеспечение реализации рассматриваемого условия осуществляется, прежде всего, мерами идеологического характера. Использование обозначенных мер в рамках реализации названной стратегии объясняется необходимостью нивелирования традиционных для отечественного правосознания представлений о взаимоотношениях общества, личности и государства.

Следующим условием эффективного функционирования социального государства является высокий уровень правовой защищенности отдельных категорий граждан. Подразумевается, что отдельные категории граждан в силу своих индивидуальных особенностей не могут в полном объеме реализовывать предоставленные им права. Такие лица, как правило, оказываются в неодинаковом в сравнении с другими положении, и реализация их прав и свобод нуждается в дополнительных обеспечительных мерах со стороны государства.

В настоящее время проблеме правовой защищенности социально уязвимых категорий граждан со стороны органов государственной власти уделяется большое внимание. Так, например, одним из компонентов социально-экономической политики российского государства является создание благоприятных условий для гармоничного развития детей и обеспечение функционирования системы защиты прав и законных интересов несовершеннолетних. Реализация данного компонента социально-экономической политики предполагает, во-первых, совершенствование законодательства в сфере обеспечения и защиты прав детей, во-вторых, координацию деятельности органов государственной власти и общественных организаций в вопросах реализации государственной политики в интересах детей, а также социально-правовой поддержки детей-сирот и

детей, оставшихся без попечения родителей, детей-инвалидов и безнадзорных детей, в-третьих, обеспечение установленного порядка судебной защиты прав и законных интересов детей, а также дружественного к ребенку правосудия и системы исполнения наказаний, в-четвертых, принятие мер по совершенствованию системы профилактики правонарушений и установление факторов, оказывающих существенное воздействие на выстраивание несовершеннолетним линии своего правового поведения.

Необходимо отметить, что проблеме защиты социально уязвимых категорий граждан большое внимание уделяет Следственный комитет Российской Федерации. Так, в частности, Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин обозначил, что «особое значение для Следственного комитета имеет защита прав социально уязвимых групп граждан, в первую очередь детей. И с любым преступным насилием в отношении несовершеннолетних мы совместно с институтами гражданского общества ведем непримиримую борьбу» [1]. В рамках реализации Указа Президента Российской Федерации от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» особое внимание Следственным комитетом Российской Федерации уделяется проблеме социальной адаптации, интеграции, реабилитации, обеспечению права на благоустроенное жилое помещение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также своевременному применению уголовно-правовых мер при выявлении злоупотреблений должностных лиц в рамках обеспечения данной категории детей жилым помещением.

Четвертым условием функционирования социального государства следует признать обеспечение функционирования механизма реализации прав и свобод человека. На ментальном уровне в отечественном правосознании коренится идея о том, что права и свободы человека – это высшая культурная ценность, определяющая характер взаимоотношений государства с личностью как субъектом права. Права и свободы человека предстают в качестве иллюзорного фантома в том случае, если отсутствуют надлежащие средства их реализации. В связи с этим юридическое гарантирование прав и свобод человека является необходи-

мым условием практического воплощения им собственных притязаний.

Механизм реализации прав и свобод представляет собой совокупность правовых инструментов, посредством которых оказывается возможным воплощение правовых предписаний юридических норм в конкретном поведении индивида. Благодаря эффективному функционированию механизма реализации прав и свобод, основные ценности, закрепленные в действующих нормативных правовых актах, из возможностей трансформируются в конкретные блага.

Следует отметить, что основной целью реализации прав и свобод человека является объективация идеальной модели какого-либо правового явления. Достижение данной цели обеспечивается, во-первых, созданием необходимых условий, при которых человек потенциально может воспользоваться любым правом, признаваемым государством, во-вторых, гарантированием возможности каждого защищать свои права и свободы всеми способами, которые не запрещены законом, в-третьих, обеспечением каждому субъекту права на защиту его интересов от государственного произвола. Так, например, лицо, самостоятельно иницируя процедуру защиты собственных прав и интересов в рамках судопроизводства, как правило, нуждается в дополнительных обеспечительных мерах со стороны государства, и, прежде всего, речь идет об обязательствах, которые берет на себя государство для защиты прав и свобод человека от нарушений.

Значимость механизма реализации прав и свобод человека определяется степенью его эффективности, повышение которой во многом зависит от качественной характеристики структурно-содержательных элементов, входящих в названный механизм, а также создания условий для их конструктивного использования. В качестве таких условий можно выделить, во-первых, формирование у субъекта правовых установок, ценностных ориентиров, а также позитивного отношения к праву и правовой реальности, во-вторых, развитие публичных институтов, основной сферой деятельности которых является обеспечение законных прав и свобод человека, в-третьих, принятие государством на себя обязательств по совершенствованию осуществления контрольно-надзорной

функции в сфере обеспечения и юридического гарантирования реализации прав и свобод человека, в-четвертых, качественное преобразование системы правовых средств воздействия на общественные отношения.

Подводя итог, сформулируем следующие выводы:

1. Социальное государство – тип современного государства, основной целью которого является не только провозглашение в конституционных актах широкого объема социально-экономических прав, но и правовое гарантирование и обеспечение реализации таких прав.

2. Развитие социального государства определяется не только целями правовой политики и оптимизацией правового инструментария, используемого при ее осуществлении, но и наличием благоприятных обстоятельств, способствующих его эффективному функционированию.

3. В условиях именованного российского государства правовым, укрепления дисциплины и правопорядка, а также гарантирования и обеспечения прав и свобод человека чрезвычайно значимой как в теоретическом, так и практическом плане оказывается проблема правовых условий эффективного функционирования социального государства.

4. К числу таких условий следует отнести, во-первых, гарантированность права на достойную жизнь и свободное развитие человека, во-вторых, формирование и развитие гражданского общества, в-третьих, высокий уровень правовой защищенности отдельных категорий граждан и, в-четвертых, обеспечение функционирования механизма реализации прав и свобод человека.

Литература

1. Александр Баstryкин: Мы немедленно реагируем на каждый факт насилия в отношении детей [Электронный ресурс] // Российская газета. – 23.01.2014. – URL: <https://rg.ru/2014/01/23/bastrykin.html> (дата обращения: 11.02.2022).

2. Еремина, О. Ю. Теоретико-правовые основы оценки эффективности государственного управления в социальной сфере [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Еремина, Ольга Юрьевна. – Москва, 2020.

3. Лановая, Г. М. Функциональная характеристика права гражданского общества [Текст] / Г. М. Лановая // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 3. – С. 79–82.

4. Малахов, В. П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории [Текст] : монография / В. П. Малахов, Н. Д. Эриашвили. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – 431 с.

5. Палазян, А. С. Современное право: функциональный аспект [Текст] : монография / А. С. Палазян. – Москва : Московский университет МВД России, 2009. – 383 с.

6. Саудаханов, М. В. Человек и его право на достойную жизнь [Электронный ресурс] / М. В. Саудаханов // Образование. Наука. Научные кадры. – 2019. – № 3. – С. 44–46. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-i-ego-pravona-dostoyunu-zhizn> (дата обращения: 14.02.2022).

7. Ромашов, Р. А. Эффективность как критерий оценки социальной ценности системы государственной власти [Текст] / Р. А. Ромашов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Право. – 2003. – № 2. – С. 119–123.

References

1. Alexander Bastrykin: We immediately respond to every fact of violence against children [Electronic resource] // Rossiyskaya Gazeta. – 23.01.2014. – URL: <https://rg.ru/2014/01/23/bastrykin.html> (date of application: 02.11.2022) [in Russian].

2. Eremina, O. Yu. Theoretical and legal foundations for assessing the effectiveness of public administration in the social sphere [Text] : dis. ... cand. jurid. sciences : 12.00.01 / Eremina Olga Yurievna. – Moscow, 2020 [in Russian].

3. Lanovaya, G. M. Functional characteristics of civil society law [Text] / G. M. Lanovaya // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – No. 3. – P. 79–82 [in Russian].

4. Malakhov, V. P. Methodological and ideological problems of modern legal theory [Text] : monograph / V. P. Malakhov, N. D. Eriashvili. – Moscow : UNITY-DANA Publ., 2011. – 431 p. [in Russian].

5. Palazyan, A. S. Modern law: functional aspect [Text] : monograph / A. S. Palazyan. – Moscow : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. – 383 p. [in Russian].

6. Saudakhanov, M. V. Man and his right to a decent life [Electronic resource] / M. V. Saudakhanov // Education. The science. Scientific personnel. – 2019. – No. 3. – P. 44–46. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-i-ego-pravona-dostoyunu-zhizn> (date of application: 02.14.2022) [in Russian].

7. Romashov, R. A. Efficiency as a criterion for assessing the social value of the system of state power [Text] / R. A. Romashov // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Pravo. –

Поступила в редакцию 09.03.2022

Received March 09, 2022

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 342

DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-7

Баранов Павел Петрович,
Заслуженный деятель науки РФ, доктор
юридических наук, профессор, зав. кафедрой
конституционного и муниципального
права, Южно-Российский институт
управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская,
д. 70/54, email: pravosoznanie@gmail.com

Baranov, Pavel P.,
Honoured Scientific Worker of the Russian
Federation, Doctor of Law, Professor,
Head of the Department
of Constitutional and Municipal Law,
South-Russian Institute
of Management (SRIM, a branch of RANEPa),
70/54 Pushkinskaya Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: pravosoznanie@gmail.com

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНО- ПРАВСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК КОНСТИТУЦИИ РФ

IMPROVING RELIGIOUS AND MORAL CHARACTERISTICS OF THE RUSSIAN CONSTITUTION

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается религиозная составляющая конституционно-правовой политики современного российского государства. Либеральную модель взаимоотношений государства и религий, получившую закрепление в современной российской Конституции, автор рассматривает как «временную», призванную обеспечить переход от советской модели, при которой религия была насильственно вытеснена на задворки общественной, социальной и культурной жизни, к новой модели, способной обеспечить действительный учет религиозного фактора в правовой системе современной России. В этой связи в статье анализируется последняя полномасштабная конституционно-правовая реформа – с точки зрения ее влияния на сложившуюся модель взаимоотношений между религией и государством, а также предлагается авторское оригинальное видение необходимых в этой связи конституционно-правовых преобразований.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: брачно-семейные отношения; духовные ценности; конституционная реформа 2020 года; Конституция РФ; религиозные ценности; религия; социальное государство; традиционные конфессии.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Баранов П. П. Совершенствование религиозно-правовых характеристик Конституции РФ [Текст] / П. П. Баранов // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 1. – С. 57–63. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-7.

ABSTRACT. The paper examines the religious component of the constitutional and legal policy of the modern Russian state. Consolidated in the current Russian Constitution, the liberal model of relations between the state and religions is “temporary”, according to the author. He believes it was designed to ensure the transition from the Soviet model – in which religion was pushed to the margins of public, social and cultural life – to a new model, capable of truly considering the religious factor in modern Russia’s legal system. In this regard, the paper analyses the latest full-scale constitutional and legal reform, concerning its impact on the established model of relations between religion and the state. The author also offers his original vision of the required constitutional and legal transformations..

KEYWORDS: marriage and family relations; spiritual values; 2020 constitutional reform; Constitution of the Russian Federation; religious values; religion; welfare state; traditional confessions.

FOR CITATION:

*Baranov, P. P. Improving Religious and Moral Characteristics of the Russian Constitution [Text] / P. P. Baranov. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 1. – P. 57–63 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-7.*

Дискуссия о месте и роли религии в политико-правовой системе России уже давно вошла в современный научный курс в качестве относительно самостоятельной и самодостаточной проблематики. Свое активное развитие соответствующая дискуссия получила в последнее десятилетие прошлого века, по итогам кардинальной смены политико-правовых ориентиров в развитии общества и государства. На сегодняшний день сформировался достаточно устоявшийся блок вопросов – в сфере пересечения религиозных ценностей и государственного управления, намечены основные «болевы́е точки» соответствующей дискуссии, а исследователи данной проблемы условно разделились на два лагеря – сторонников либеральной модели взаимоотношений религии и государства и ученых, отстаивающих необходимость дальнейшего «консервативного» развития законодательства России в данной сфере. В этой связи считаем необходимым отметить, что максимально либерализованная модель взаимоотношений между человеком, конфессиями и государством в сфере религиозной свободы изначально была реализована на уровне Конституции РФ 1993 г. с целью возвращения религиозного сознания с периферии общественной, культурной и социальной жизни. Не секрет, что идеолого-политический аппарат советского государства испытывал стойкую неприязнь ко всему религиозному, традиционно рассматривая религию как значимую деталь в механизме классовой эксплуатации и национального принуждения, характеризующего до-советскую эпоху государственного управления.

Согласно официальной позиции, выразителем которой являлась коммунистическая идеология, у «строителя коммунизма» уже был свой «пантеон богов» и в иных он не нуждался. И пусть формально последние советские конституции в равной степени защищали возможность своих граждан как «верить», так и «не верить», а также исключали любые формы дискриминации в этой связи, на деле борьба с религией и ее производными в советском государстве никогда не прекращалась, вплоть до полного противопоставления культурно-идеологических установок, например, «религиозные обряды» должны были быть замещены «обрядами социалистическими» [3]. Избавившись в конечном итоге от ограничения поли-

тических прав для «проигравших» классов, в том числе духовенства, советский законодатель уже к 1925 году «вытравил» право на религиозную пропаганду из советских конституций. Некоторые исследователи в этой связи предлагают рассматривать конституционно оформленный запрет «вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями» (ст. 50 Конституции РСФСР 1978 года в оригинальной редакции) в качестве «компенсации» за отсутствие формального разрешения на распространение религиозных убеждений [4]. Кроме того, если религиозная свобода формально и провозглашалась для внепартийной сферы общественных отношений (при всей «спорности» и неоднозначности реализации данного положения на практике), то для «служителей коммунизму» никаких подобных «послаблений» не делалось. Известный советский ученый П. И. Стучка так характеризовал данную ситуацию – прямого оскорбления чувств верующих по возможности следует избегать, однако служение коммунизму и религиозность несовместимы [7, с. 131].

Возвращаясь к Конституции России 1993 года, отметим, что ее основные задачи в обозначенной сфере отношений были обусловлены необходимостью «сломать» устоявшийся стереотип во взаимоотношениях государства и религии. Взяв на вооружение наиболее актуальную на тот момент с политической точки зрения модель в сфере религиозной свободы и межконфессиональных отношений, Конституция РФ вывела традиционные конфессии из семидесятилетней изоляции и пресекла порочную практику преследования людей за религиозные убеждения, т.е. основную поставленную перед ней задачу она выполнила. Однако, как показало время, соответствующая модель отношений нуждалась и продолжает нуждаться в определенной коррекции и уточнении, ведь на территории современной России фактор религиозности традиционно выступает как неотъемлемая форма общественной жизни и важное свойство российской правовой культуры [9, с. 58].

Определенные ожидания в этой связи были связаны с конституционной реформой 2020 года. Сразу подчеркнем, что оправдала она их лишь частично. Отдельно отметим, что Конституционная реформа 2020 года остановилась на констатации и легитимизации факта «религиозной веры» в современной России впервые

использовав в тексте Основного Закона такую категорию как «Бог».

Одновременно укажем на тот факт, что в отличие от большинства статей первоначального варианта Конституции РФ появившаяся по итогам конституционной реформы 2020 года ст. 67.1 недостаточно четко заявляет тематику, которой она посвящена. Какой-либо ясно определенной темы у данной статьи номинально нет. В новой статье речь идет о различных обстоятельствах как политического, так и социокультурного характера, так или иначе влияющих на самоидентификацию российской гражданской нации, не только как единого геополитического или этнополитического, но и как единого социокультурного феномена, требующего специализированной защиты и охраны.

Структура обозначенной статьи включает в себя следующие положения: ч. 1 – Россия как правопреемница СССР; ч. 2 – Россия как социокультурный феномен и гражданская нация, имеющая свою историю, основанную, в том числе, на вере в Бога, переданной россиянам предками; ч. 3 – Россия, оберегающая свою воинскую доблесть и не допускающая умаления (искажения) исторической правды; ч. 4 – Россия как страна, обеспечивающая не только приоритет семейного воспитания, но и приоритет патриотического гражданского воспитания. Как мы уже отметили, статья содержит достаточно разнородные положения, однако объединенные общей целью: подчеркнуть социокультурную и политическую самодостаточность российской гражданской нации, в том числе путем выделения в качестве относительно самостоятельного феномена ее религиозной составляющей в контексте истории и исторической памяти. Одновременно отметим, что «соседство» в рамках одной статьи положений о правопреемстве и религии выглядит несколько «провокационно», учитывая отмеченную выше политику советской власти в отношении религиозного населения и религии в целом.

На наш взгляд, последовавшие вслед за конституционной реформой 2020 года дискуссии о месте религии в современной России по своей масштабности значительным образом превзошли значительность самих конституционных изменений в данной сфере, тогда как конституционный законодатель лишь кон-

статировал тот факт, что на протяжении всей истории России религия имела значительное влияние на ход развития отечественного политического, идеологического и социокультурного пространства, как в периоды государственного покровительства, так и, возможно, в периоды ее активного неприятия со стороны официальной власти.

Таким образом, условный информационный повод был спровоцирован не столько самим изменением конституционного текста, сколько поиском давно ожидаемых новых «вводных» для оживления и актуализации традиционной дискуссии о содержании понятия «светское государство» (ст. 14 Конституции РФ) как основы конституционного строя, его основных качественных характеристиках и показателях, и его реализации на уровне общественных отношений в контексте обеспечения права на свободу совести и вероисповедования (ст. 28 Конституции РФ). Однако констатация общеизвестного факта на уровне Основного Закона еще не означает какого-либо изменения конституционно-правовой политики государства в отношении религиозно-нравственных ценностей народов России, чего на самом деле желают консервативно настроенные представители общества.

Оценивая данную конституционную новеллу в целом, можно сказать, что каких-либо реальных изменений по ее итогам в части взаимоотношений между государством и конфессиями, участием их в реальных политических процессах, перехода религиозно-духовной составляющей жизни в юридико-правовую сферу, к сожалению, не предвидится. Не случайно, на вопрос о том, не нарушает ли упоминание Бога в Конституции заявленного принципа светского государства, ведущие представители политической элиты, достаточно шаблонно и категорично отвечали, что никаких реальных изменений в правовом обеспечении проблемы – человек, государство, религия – не ожидается. Однако, как нам представляется, реальный запрос общественного сознания был как раз на те конституционные изменения, которые стали бы основой для изменения системы приоритетов, как в части, касающейся государственной идеологии, так и в части, касающейся политико-правовых и социально-экономических аспектов человеческих взаимоотношений.

На сегодняшний день говорить о сверхсрочной необходимости, да и самой возможности конституционных изменений, направленных на уточнение взаимоотношений религии и государства, было бы крайне самоуверенно. Самая масштабная конституционная реформа за всю историю России (не считая принятия самой Конституции РФ 1993 г.) осталась в прошлом, ее результаты продолжают так или иначе легитимизироваться в общественном сознании и получать свое воплощение и реализацию на уровне отраслевого законодательства в части реорганизации системы взаимоотношений внутри государственной власти, реализации концепта единой публичной власти, охраны конституционной безопасности и обеспечения конституционного суверенитета. По сути, только последняя проблема, касающаяся конституционного суверенитета, реализуемая на уровне пусть и не новых, но значительным образом обновленных и конкретизированных полномочий Конституционного Суда РФ [1], в том числе актуализирует и идею религиозно-нравственных ценностей российской нации. Не случайно отсылка к религиозным ценностям уже находит свое место в правовых позициях Конституционного Суда РФ [6].

Что же касается развития идеи социального государства (как развития идеи религиозных ценностей), то оно в обновленной Конституции выразилось в конституционализации уже существующего законодательства и происходит в русле устоявшихся представлений о социальной функции государства, не связанной каким-либо образом к религиозно-нравственной сфере. Аналогичным образом можно прокомментировать и иные конституционные новеллы, так или иначе связываемые с развитием религиозной составляющей современного российского политико-правового пространства.

Нам остается лишь предполагать, какой могла бы стать уже прошедшая конституционная реформа, если бы законодатель с меньшей степенью формальности отнесся к ее религиозно-нравственным аспектам. С другой стороны, в качестве предложений в сфере конституционного реформирования религиозно-нравственного содержания Основного Закона, рассчитанных на неопределенную перспективу, можно предложить следующие.

1. На уровне преамбулы Конституции РФ следовало бы обозначить приоритет религиозных ценностей над государственными. Необходимо четко обозначить систему приоритетов – не религиозно-нравственные ценности на благо и в интересах государства (как это следует из соответствующих конституционных новелл), а государство и его институты во благо и во имя религиозно-нравственных ценностей. В этой связи логично начинать Преамбулу Основного Закона словами – «Во имя Всемогущего Бога!», «Сознавая свою ответственность перед Богом, «Во имя Господа в наших сердцах... мы, многонациональный народ России, принимаем эту Конституцию», или иными словами, отражающими реальное место религиозных ценностей в национальном социокультурном коде. В специальном комментарии ко всему блоку конституционных поправок от авторов конституционной реформы, призванном их дополнительно разъяснить и актуализировать, подчеркнуть их важность, соответствующий опыт (на примере конституций Швейцарии, Ирландии и др. рассматривается в исключительно положительном ключе) [8].

Кроме того, что такое понимание места религиозно-нравственных ценностей в жизни государства и общества помогает поставить «духовное» выше «материального», оно в определенной степени примиряет достаточно разнородные группы противников излишнего или чрезмерного проникновения государства во все сферы современного российского общества.

2. На уровне Основного Закона страны должна получить свое обоснование такая интерпретация идеи светского государства, которая допускает как «особое» отношение государства к отдельным религиям и конфессиям (как это сделано в ряде зарубежных светских государств), так и дополнительные гарантии религиозно-нравственной составляющей в деле не только патриотического воспитания подрастающего поколения, но и формирования у него базового набора морально-нравственных ценностей и приоритетов, далеко выходящих за границы исключительно гражданского сознания и служащих исключительно интересам государства. При этом, как справедливо отмечают исследователи, не следует путать «светское» государство и «атеистическое» [5].

В этой связи традиционную для российского отраслевого законодательства формулу – особая роль православия плюс традиционные религии [2] – необходимо перенести на уровень Основного Закона, в русле дальнейшего развития идей о целесообразности конституционализации отдельных положений отечественного законодательства. Отметим, что государствообразующая роль «русского народа» (в трактовке Конституционного Суда речь идет именно о «русском народе») уже закреплена на уровне конституционного текста (ч. 1 ст. 68 Конституции РФ). Кроме того, необходимо конституционно обосновать необходимость активного участия традиционных конфессий в деле воспитания не только полноценного гражданина, но и полноценной личности в самом широком смысле.

3. Институт брачно-семейных отношений в нравственно-религиозном срезе должен представать в тексте Основного Закона в совершенно ином виде. Активно представляемая как защищающая традиционные, в том числе религиозные, ценности конституционная новелла о браке как союзе мужчины и женщины (ст. 72 Конституции РФ) вызывает слишком много вопросов, как в теоретическом, так и в формально-правовом ключе.

Во-первых, это статья, обозначающая предметы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Статья в значительной степени «техническая» и не предполагающая закрепления на ее уровне основополагающих положений в сфере традиционных религиозных ценностей современного российского семейного права (именно из Семейного кодекса РФ данное положение было перенесено в текст Основного Закона). Место данного конституционного положения, конечно же, в главе первой или главе второй Конституции РФ.

Во-вторых, предметы исключительного ведения Российской Федерации сформулированы достаточно широко, что оставляет открытой возможность регулирования системообразующих основ брачно-семейной исключительно политики на федеральном уровне. В этой связи вопрос – почему базовое, основное и системообразующее понимание института брака дано на откуп «совместному ведению»?

В-третьих, сама формулировка с лексической точки зрения крайне неудачна – «защита

института брака как союза мужчины и женщины» формально допускает защиту института брака и не как «союза мужчины и женщины», а как какого-либо другого «союза», отличного от «союза мужчины и женщины».

В-четвертых, в продолжение темы, само по себе конституционное закрепление понятия «брак» (как и его закрепление на уровне отраслевого законодательства), не исключает возможность законодательной легитимации понятий «брачные союзы», «гражданские семейные союзы» и др. Другими словами, запрет на юридическое закрепление «союзов», отличающихся от традиционных, должен быть сформулирован на конституционном уровне максимально четко и не допускать никакой двоякой интерпретации.

4. На конституционном уровне должен быть легитимизирован категорический запрет на распространение информации, направленной на формирование у несовершеннолетних «искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений», как это уже достаточно давно сделано на уровне отраслевого законодательства.

5. Такие конституционные обязанности, как забота родителей о детях и забота детей о родителях (ст. 38 Конституции РФ), необходимо обосновать не только в формально-юридических координатах – «субъективные права и обязанности», но и в координатах религиозно-нравственных установок российского общества.

6. В конституционно-правовой переоценке с точки зрения религиозно-нравственных ценностей также нуждается и вся система государственно-правовых приоритетов:

– государственная идеология – ч. 2 ст. 13 Конституции РФ (ее присутствие, отсутствие, запрет и др.) в контексте ее нравственно-религиозных обоснований;

– система конституционных ценностей (на сегодняшний день вся научная дискуссия сосредоточилась в рамках проблемы частных или публичных интересов, тогда как религиозная вера и религиозно-нравственные ценности – это явление на порядок более высокого качества);

– и, наконец, экономические основы современного российского общества, которые в силу особенностей исторического момента приня-

тия Конституции 1993 года оказались слишком либерализованы, и никакими точечными изменениями данную ситуацию исправить нельзя.

Речь идет о возвращении в конституционный текст, ее экономическую часть, таких основополагающих понятий, как общественная собственность и общественное достояние, а также новой формулировки понятия свободы экономической деятельности и равной защиты всех форм собственности (как и формально неограниченной конституцией частной собственности на природные ресурсы) с использованием интерпретационной практики Конституционного Суда РФ в данной сфере.

В заключение отметим, что последние конституционные новеллы в религиозно-нравственной сфере были или недостаточным образом продуманы, или же вообще не предполагали каким-либо образом затронуть обозначенную проблематику, кроме как дополнительно обозначив одну из объединяющих характеристик российской гражданской нации, и исключительно в ретроспективном, а не конкретно-правовом ключе. Безусловно, идея апелляции к религии в процессе строительства единого, пусть и федеративного, государства и обеспечения его полноценного функционирования выглядит весьма привлекательно. Однако нельзя забывать, что ценность религиозной веры гораздо выше ценности государства, как политико-правовой организации. Ведь именно вера, а не государство – это путь к спасению души. Задачи же государства, как правило, достаточно приземлённы – не спасти душу, а обеспечить «еду и кров» здесь и сейчас. Возможность постановки проблемы таким образом современные государства, как правило, не отрицают, однако и не стараются выводить на передний план. В качестве исключений выступают государства, которые открыто объявляют о наличии государственной религии (не наиболее опекаемой, а именно государственной религии), в том числе официально заявляющие религиозные нормы в качестве основного источника права на конституционном уровне.

Ни в коем случае не ставя себе цель доказать актуальную необходимость еще одного этапа конституционно-правовой реформы, хочется отметить желательность большей обусловленности конституционного текста социально-

культурными и религиозно-нравственными факторами. Однако, как показала последняя масштабная конституционная реформа, сделать это путем использования механизма внесения поправок невозможно. Необходима не только масштабная, но и полноценная конституционная реформа, включающая новое изложение положений Преамбулы, а также глав об основах конституционного строя и правах и свободах личности.

Литература

1. О Конституционном Суде Российской Федерации [Текст] : Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 25.07.1994. – № 13. – Ст. 1447.
2. О свободе совести и о религиозных объединениях [Текст] : Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства РФ. – 29.09.1997. – № 39. – Ст. 4465.
3. Об усилении работы профсоюзов по атеистическому воспитанию трудящихся [Текст] : Постановление Секретариата ВЦСПС от 31.12.1981 № 22-66 // Сборник постановлений ВЦСПС. – Октябрь – декабрь 1981 г.
4. Овсянян, Ж. И. Конституционные статусы религий в современном мире (государства Европы, Азии, Индостана и Дальнего Востока) [Текст] / Ж. И. Овсянян // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 7. – С. 34–44.
5. Осавелюк, А. М. Размышления о светском государстве (в свете изменений 2020 г. в Конституции России) [Текст] / А. М. Осавелюк // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 8. – С. 32–42.
6. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова [Текст] : Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П // Собрание законодательства РФ. – 06.10.2014. – № 40 (Часть III). – Ст. 5489.
7. Стучка, П. Учение о советском государстве и его Конституции СССР и РСФСР [Текст] / П. Стучка. – 6-е изд., перераб. – Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1929. – 311 с.
8. Хабриева, Т. Я. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [Текст] / Т. Я. Хабриева, А. А. Клишас. – Москва : Норма, ИНФРА-М, 2020. – 240 с.
9. Чупрова, А. А. Об осмыслении религиозной обусловленности правосознания в правоприменении [Текст] / А. А. Чупрова, И. Хиль, Е. В. Епифанова // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 11(179). – С. 57–59.

References

1. On the Constitutional Court of the Russian Federation [Text] : Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of 21.07.1994 (ed. of 01.07.2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 25.07.1994. – No. 13. – Article 1447 [in Russian].
2. On freedom of conscience and religious associations [Text] : Federal Law No. 125-FZ of 26.09.1997 (ed. of 11.06.2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 29.09.1997. – No. 39. – Article 4465 [in Russian].
3. On strengthening the work of trade unions on atheistic education of workers [Text] : Resolution of the Secretariat of the ECSPC of 31.12.1981 No. 22-66 // Collection of Resolutions of the ECSPC. – October-December 1981 [in Russian].
4. *Hovsepyan, J. I.* Constitutional statuses of religions in the modern world (states of Europe, Asia, Hindustan and the Far East) [Text] / J. I. Hovsepyan // Constitutional and Municipal Law. – 2017. – No. 7. – P. 34–44 [in Russian].
5. *Osavelyuk, A. M.* Reflections on a secular state (in light of the 2020 amendments to the Constitution of Russia) [Text] / A. M. Osavelyuk // Actual problems of Russian law. – 2020. – № 8. – P. 32–42 [in Russian].
6. In the case of checking the constitutionality of Part 1 of Article 6.21 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens N. A. Alekseev, Ya. N. Yevtushenko and D. A. Isakov [Text] : Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 23.09.2014 No. 24-P // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 06.10.2014. – No. 40 (Part III). – Article 5489 [in Russian].
7. *Stuchka, P.* The Doctrine of the Soviet state and its Constitution of the USSR and the RSFSR [Text] / P. Stuchka. – 6th ed., revised. – Moscow ; Leningrad : State Publishing House, 1929. – 311 p. [in Russian].
8. *Khabrieva, T. Ya.* Thematic commentary on the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ “On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power” [Text] / T. Ya. Khabrieva, A. A. Klishas. – Moscow : Norma, INFRA-M Publ., 2020. – 240 p. [in Russian].
9. *Chuprova, A. A.* On understanding the religious conditionality of legal consciousness in law enforcement [Text] / A. A. Chuprova, I. Khil, E. V. Epifanova // Law and the State: theory and practice. – 2019. – № 11(179). – P. 57–59 [in Russian].

Поступила в редакцию 09.02.2022

Received February 09, 2022

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.98.67

DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-8

Бирюков Валерий Васильевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики, юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88;
профессор кафедры уголовного процесса и
криминалистики, Ростовский институт
(филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
344000, г. Ростов-на-Дону, ул. 9-я линия/
Советская, д. 2/32, email: bvvkrimlavd@mail.ru

Biriukov, Valery V.,
Doctor of Law, Professor, Department
of Criminal Procedure and Forensic Science,
Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation; Professor,
Department of Criminal Procedure
and Forensic Science, Rostov Institute (branch)
of All-Russian State University of Justice,
2/32 9th Line/Sovetskaya Str.,
Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation,
email: bvvkrimlavd@mail.ru

КОРРУПЦИЯ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

CRIMINALISTIC ISSUES OF CORRUPTION

АННОТАЦИЯ. Работа посвящена рассмотрению возможностей разработки, совершенствования и использования криминалистических методик в борьбе с коррупцией. Подчеркивается, что на разработку и совершенствование криминалистических методик расследования преступлений непосредственно влияет наличие и содержание уголовно-правовых норм. Коррупцию целесообразно рассматривать в отрыве от организованной преступности, ибо она является одним из проявлений таковой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: криминалистическая методика; коррупция; взятка; организованная преступность; уголовно-правовые нормы.

ABSTRACT. The paper considers possibilities of developing, improving and using criminalistic techniques in the fight against corruption. The author emphasises that the development and improvement of forensic methods of crime investigation is directly affected by the presence and contents of criminal-law rules. It is inappropriate to consider corruption apart from organised crime, as it is one of its manifestations.

KEYWORDS: criminalistic methods; corruption; bribe; organised crime; criminal-law rules.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Бирюков, В. В. Коррупция: проблемные вопросы криминалистики [Текст] / В. В. Бирюков // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 1. – С. 64–68. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-8.

FOR CITATION:

Biriukov, V. V. Criminalistic Issues of Corruption [Text] / V. V. Biriukov. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. – 2022. – Vol. 9, No. 1. – P. 64–68 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-8.

Искоренение коррупции в России можно отнести к одной из важнейших государственных задач – по степени важности и актуальности. Ее решение в значительной мере зависит от наличия совершенной законодательной базы, отвечающей требованиям времени, и системы, обеспечивающей ее применение. Даже беглого взгляда на систему правового обеспечения антикоррупционной направленности современной России достаточно для вывода о том, что нормы в подавляющем большинстве нацелены на предупреждение коррупции в различных сферах деятельности [4]. Говоря о состоянии дел по искоренению коррупции, П. У. Кузнецов и А. Н. Митин констатируют: «Очевидно, что все слова о коррупции сказаны, ее классификации опубликованы, специальное законодательство создано, научных статей написано великое множество, но механизм противодействия коррупции в России должным образом не работает, а российская коррупция не вписывается ни в какие рамки международных требований. Она у нас другая – системная, вросшая во все уровни управления» [7, с. 122]. В контексте сказанного отметим, что какими бы конструктивными ни были меры предупредительного характера, важнейшим инструментом в пресечении деятельности организованной преступной группы и установления всех составляющих такой преступной деятельности являются нормы действующего УК РФ. Эффективность же реализации уголовного закона на практике в значительной степени зависит от уровня обеспечения ее соответствующими криминалистическими методиками расследования.

Именно квалифицированное применение криминалистических методик, органично впитывающих в себя знания уголовного права, процесса, естественных, точных и других наук, создает условия установления истины по расследуемому конкретному деянию и позволяет оценить его с позиций абстрактных норм действующего УК РФ. Криминалистика неразрывно связана с уголовным правом. Еще Ганс Гросс небезосновательно отмечал, что криминалистика является учением о реальностях уголовного права [3, с. IX]. Не вдаваясь в качественную сторону методик, отметим, что они всегда нацелены на расследования определенных категорий преступлений. Разумеется, и

содержание методик, и непосредственная целенаправленность расследования в значительной степени зависят от того, насколько удачно и точно сформулированы уголовно-правовые нормы. Сведения же, составляющие сущность уголовно-правовой нормы в ходе расследования, с одной стороны, ориентируют на оценку собранной информации и решение вопросов, связанных с квалификацией события и деяний причастных к нему лиц, с другой, – нацеливают следователя на установление конкретных обстоятельств события, его участников, мотивов и характера их деяний, которые и послужат отправной точкой для такой оценки. Таким образом, обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию по конкретному виду преступлений, в значительной степени зависят от содержания конкретных уголовно-правовых норм. К сожалению, и сегодня в УК РФ понятие «коррупция» не внесено ни в одну из статей, охватываемых понятием «коррупционные преступления», так же как не появилась отдельная норма, позволяющая объединить реальную цепочку такого рода преступлений в единую систему. Еще в 2006 году О. Л. Шумаева рассматривая ситуацию, сложившуюся с расследованием коррупции, отмечала, что лучшим средством борьбы с коррупцией будут новые, «рабочие, а не декларативные законы» [11, с. 134]. И это вполне логично: к уголовной ответственности виновные могут быть привлечены только в случае совершения деяний, которым присущи признаки конкретного преступления, закрепленного в соответствующих нормах уголовного закона. Именно такие деяния и подлежат расследованию. В противном случае оно будет бессмысленным и сводиться либо к обычному исследованию, либо за его самым актуальным и громким названием будет скрыта деятельность по расследованию других преступлений. Полагаем, что такая парадоксальная ситуация сегодня характерна для борьбы с коррупцией в большинстве государств, образовавшихся на постсоветском пространстве. Комментируя содержание Федерального закона «О противодействии коррупции», И. С. Алихаджиева обоснованно говорит: «Довольно объемная и неточная с позиций уголовного закона формулировка преступных деяний о коррупции препятствует единообразному толкованию текста закона и его правоприменению» [6, с. 260].

На проблемы расследования коррупции, связанные с отсутствием ее определения в уголовном законодательстве, обращают внимание многие ученые юристы [1, с. 16; 2, с. 5; 10, с. 9]. При этом нередко в начале пути исследователи переходят в удобное русло, очерченное законодателем, и рассматривают дачу и получение взятки, коммерческий подкуп и другие преступления. И если в начале работ активно оперируют термином «коррупция», называя ее «явлением» или «феноменом», то в дальнейшем плавно переходят к использованию устоявшейся терминологии, закрепленной в нормах уголовного законодательства. Но ведь у коррупции есть то, что отличает ее от обычной взятки и злоупотребления служебным положением – «это всесильный, замкнутый круг, действующий по законам иерархии, жесткий механизм власти, стоящий над законом и волей членов общества» [9, с. 8]. Ей присущи признаки, которые не просто объединяют воедино все указанные и даже оставшиеся за порогом внимания данного Закона преступления. И взятка, и другие преступления в коррупционных схемах нередко питаются результатами других, предикатных, преступлений, которые, как правило, совершаются в сфере экономики. Все эти составляющие необходимо устанавливать в процессе расследования. Это составляющие по сути дают основания отнести коррупцию к преступлениям, совершаемым организованными преступными группами. «Коррупция многолика, ее составляющие рассеяны по всему “уголовно-правовому полю” и кажутся слабо связанными между собой. Однако на самом деле именно составляющие коррупции, пронизывая существо, создают глубинные, постоянно питающие ее истоки» [5, с. 107]. Коррупции присущи не только корыстные мотивы – это система, способ жизни, незаконный бизнес, приносящий такие же незаконные доходы его организаторам и участникам.

Коррупцию нельзя отделять от организованной преступности, ибо она является одним из проявлений таковой. Говоря о коррупции, А. Н. Халиков обоснованно утверждает, что должностные преступления, «направленные на имущественную выгоду, во многом носят организованный характер» [10, с. 67]. При этом, если обычное организованное преступное формирование создает свою иерархическую

систему, коррупция использует уже готовую, существующую в обществе, государственную или иную систему. Систему, в которой уже создана иерархия с определенными полномочиями участников, имеющая вертикальную подчиненность и связи по горизонтали. Эта подчиненность используется преступниками для направления потоков ресурсов, добытых преступным путем, как правило, финансов в различной форме. «Деятельность коррупционных сетей проявляется в формировании взаимосвязей и взаимозависимостей между чиновниками по вертикали управления, а также по горизонтали на различных уровнях управления между разными ведомствами и структурами. Коррупционные сети тесно связаны с организованной преступностью» [8, с. 8].

В отличие от обычной организованной преступной группы, при коррупции руководитель государственной или иной структуры, охваченной коррупцией, не всегда является организатором коррупционной системы, он может устраняться от управления, передавая эти функции другим, «надежным» сотрудникам, ограничиваясь получением «вознаграждений». Но на каждом уровне по вертикали, как, впрочем, и по горизонтали, в таком сообществе присутствуют свои «руководители», представленные активными организаторами и исполнителями, выполняющими свою «работу», четко знающие свои обязанности в такой системе и выполняющие ее осознанно, с прямым умыслом. Разумеется, в такой системе важное внимание уделяется «подбору кадров», при этом чаще всего учитываются их личностные, деловые и коммуникативные качества, основанные на преданности и жесткой ответственности. Родственные связи, которые во многих нормах антикоррупционного законодательства представлены как создающие условия для коррупции, при таком подборе играют одну из незначительных ролей.

Современное положение с разработкой криминалистических методик, а соответственно, и расследованием дает основания сказать, что равным счетом до появления четкого определения понятия коррупции в нормах УК РФ криминалистические методики будут создаваться и совершенствоваться в рамках конкретных преступлений, охватываемых понятием «коррупционные». В науке ее будут называть «фено-

меном» и «явлением», возможно, в ближайшее время «изобретут» новый, более современный и удобный термин. На практике же будут продолжать расследование обычного взяточничества и других преступлений, перечисленных в Федеральном законе, выбивая лишь отдельные звенья в сложной коррупционной схеме, не разрушая ее устои и систему. В отчетах разных уровней будут продолжать отмечать успехи в борьбе с коррупцией, которой пока не нашлось места в УК РФ. При этом и первые, и вторые по сути будут продолжать заниматься обычной подменой понятий. Говоря о перспективах противодействия коррупции, И. Я. Козаченко отмечает, что «с учетом сегодняшних реалий нужно, к сожалению, заметить, что пока механизм противодействия коррупции малоэффективен, и поэтому в ближайшем будущем ждать каких-либо ощутимых результатов в этой сфере вряд ли возможно» [5, с. 107].

Рассмотренное выше дает основания сказать следующее:

– коррупция является разновидностью организованной преступности, при которой для достижения результата используются существующие государственные и иные управленческие системы;

– стержневым преступлением коррупции является взятка, которая превращается в источник дохода участников преступной группировки, в своеобразную преступную систему, в которой одни и те же лица по одним эпизодам выступают взяткополучателями, по другим – взяткодателями;

– совершенствование уголовно-правового законодательства в этом направлении и, в первую очередь, четкое определение понятия коррупции с закреплением его в уголовном законе – залог успеха в борьбе с ней;

– разработка полноценной криминалистической методики расследования коррупции, как и совершенствование методик расследования преступлений, охватываемых понятием «коррупционные», находится в прямой зависимости от состояния действующего уголовного законодательства.

Литература

1. Букаев, Н. М. Особенности методики расследования должностных преступлений коррупционной

направленности [Текст] : монография / Н. М. Букаев, В. В. Крюков. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 176 с.

2. Волженкин, Б. В. Коррупция [Текст] / Б. В. Волженкин. – Санкт-Петербург : СПбЮИ, 1998. – 43 с.

3. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики [Текст] / Г. Гросс. – Новое изд. перепеч. с изд. 1908 г. – Москва : ЛексЭст, 2002. – 1088 с.

4. Иванов, А. С. Модернизация антикоррупционного законодательства России: проблемы и перспективы [Текст] / А. С. Иванов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2016. – Выпуск 3 (38). – С. 67–69.

5. Козаченко, И. Я. Неистребимость коррупции – уголовно-правовой миф [Текст] / И. Я. Козаченко // Коррупция : коллективная монография с иностранным участием ; отв. ред. профессор В. А. Бублик. – Екатеринбург : Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2017. – С. 104–112.

6. Комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» : постатейный / Алихаджиева И. С. и др. ; отв. ред. и рук. авт. коллектива С. Ю. Наумов ; науч. ред. С. Е. Чаннов ; вступ. слово Г. Н. Комковой. – Москва : Юстицинформ, 2009. – 261 с.

7. Кузнецов, П. У. Коррупция в социальной, информационной и правовой реальности [Текст] / П. У. Кузнецов, А. Н. Митин // Коррупция : коллективная монография с иностранным участием ; отв. ред. профессор В. А. Бублик. – Екатеринбург : Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2017. – С. 113–127.

8. Музалевская, Е. А. Коррупция в системе государственной службы в России: истоки и тенденции (1992–2005) [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук. : 07.00.02 / Музалевская Елена Александровна. – Москва, 2006.

9. Смольков, В. Г. Бюрократия [Текст] / В. Г. Смольков // Социологическое исследование. – 1999. – № 2. – С. 40–44.

10. Халиков, А. Н. Должностные преступления: характеристика, расследование, предупреждение (криминалистический аспект) [Текст] : монография / А. Н. Халиков ; под ред. заслуженного юриста Российской Федерации, докт. юрид. наук, проф. В. И. Комиссарова. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 312 с.

11. Шумаева, О. Л. Возможности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией в органах государственной власти (на примере Саратовской области и Республики Башкортостан) [Текст] / О. Л. Шумаева // Организованная преступность и коррупция: результаты криминологическо-социологических исследований. Выпуск 2 ; под ред. д.ю.н., проф. Н. А. Лопашенко. – Саратов : Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции : Сателлит, 2006.

References

1. Bukaev, N. M. Features of the methodology of investigation of corruption-related official crimes [Text] : monograph / N. M. Bukaev, V. V. Kryukov. – Moscow : YurLitinform Publ., 2012. – 176 p. [in Russian].

2. Volzhenkin, B. V. Corruption [Text] / B. V. Volzhenkin. – St. Petersburg : St. Petersburg Law Institute (branch) of the

University of prosecutor's office of the Russian Federation, 1998. – 43 p. [in Russian].

3. *Gross, G.* Manual for forensic investigators as a system of criminalistics [Text] / G. Gross. – New edition, reprinted from the 1908 edition. – Moscow : LexEst Publ., 2002. – 1088 p. [in Russian].

4. *Ivanov, A. S.* Modernization of the anti-corruption legislation of Russia: problems and prospects [Text] / A. S. Ivanov // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – Issue 3 (38). – P. 67–69 [in Russian].

5. *Kozachenko, I. Ya.* The indestructibility of corruption – a criminal law myth [Text] / I. Ya. Kozachenko // Corruption : a collective monograph with foreign participation; ed. by Professor V. A. Bublik. – Yekaterinburg : Publishing House of the Ural State Law University, 2017. – P. 104–112 [in Russian].

6. Commentary to the Federal Law of December 25, 2008 N 273-FZ “On combating corruption”: article by article / Alikhajeva I. S. et al. ; responsible editor and head of the author's team S. Yu. Naumov ; scientific editor S. E. Channov ; opening remarks by G. N. Komkova. – Moscow : Justicinform Publ., 2009. – 261 p. [in Russian].

7. *Kuznetsov, P. U.* Corruption in social, informational and legal reality [Text] / P. U. Kuznetsov, A. N. Mitin // Corruption :

a collective monograph with foreign participation; ed. by Professor V. A. Bublik. – Yekaterinburg : Publishing House of the Ural State Law University, 2017. – P. 113–127 [in Russian].

8. *Muzalevskaya, E. A.* Corruption in the public service system in Russia: origins and trends (1992–2005) [Text] : abstract. dis. ... Candidate of Historical Sciences: : 07.00.02 / Muzalevskaya Elena Aleksandrovna. – Moscow, 2006 [in Russian].

9. *Smolkov, V. G.* Bureaucracy [Text] / V. G. Smolkov // Sociological research. – 1999. – No. 2. – P. 40–44 [in Russian].

10. *Khalikov, A. N.* Official crimes: characteristics, investigation, prevention (criminalistic aspect) [Text] : monograph / A. N. Khalikov ; edited by Honored Lawyer of the Russian Federation, doctor of law, prof. V. I. Komissarova. – Moscow : Yurlitinform Publ., 2012. – 312 p. [in Russian].

11. *Shumaeva, O. L.* The possibilities of law enforcement agencies to combat corruption in public authorities (on the example of the Saratov Region and the Republic of Bashkortostan) [Text] / O. L. Shumaeva // Organized crime and corruption: the results of criminological and sociological research. Issue 2; edited by doctor of law, prof. N. A. Lopashenko. – Saratov : Saratov Center for the Study of Problems of Organized Crime and Corruption: Satellite Publ., 2006 [in Russian].

Поступила в редакцию 05.12.2021

Received December 05, 2021

Бойко Александр Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 70/54,
email: bai-53@mail.ru

Boyko, Alexander I.,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department
of Criminal Law,
South-Russian Institute of Management
(SRIM, a branch of RANEPa),
70/54 Pushkinskaya Str.,
Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: bai-53@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ И РЕФОРМЫ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ (ДИАЛЕКТИКА КЛАССИКИ И НОВАТОРСТВА)*

MODERN LEGAL AWARENESS AND REFORMS IN THE FIGHT AGAINST CRIME (DIALECTIC OF CLASSICS AND INNOVATION)

АННОТАЦИЯ. Преступность как разрушающий гражданское общество феномен пока не удается взять под надежный контроль и ввести в социально-терпимые рамки. Власти ищут средства врачевания социального недуга, большею частью посредством активного, но ситуативного правотворчества, заимствования чужеземного опыта и ставки на новые технологии уголовного преследования. Статья – о необходимости взвешенного подхода к новациям по борьбе с преступностью в силу высокой травмирующей силы и охранительного предназначения уголовного права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государство; закон; консерватизм; новаторство; нравственность; основания и поводы криминализации; правообразование и правотворчество; преступность; религия; уголовное право.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Бойко, А. И. Современное правосознание и реформы в сфере противодействия преступности (диалектика классики и новаторства) [Текст] / А. И. Бойко // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 1. – С. 69–79. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-9.

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44228 «Право и правосознание в теологическом измерении: история и современность».*

ABSTRACT. Crime as a phenomenon that destroys civil society is not yet brought under reliable control or placed within socially tolerable limits. Authorities are looking for ways to heal the social ailment, mostly through active but situational lawmaking. They are borrowing foreign experience and betting on new technologies in criminal prosecution. The paper is about the need to find a balanced approach to innovations in the fight against crime considering a great damaging force and a protective purpose of criminal law.

KEYWORDS: state; law; conservatism; innovation; morality; grounds and reasons for criminalization; legal education and lawmaking; crime; religion; criminal law.

FOR CITATION:

*Boyko, A. I. Modern Legal Awareness and Reforms in the Fight against Crime (Dialectic of Classics and Innovation) [Text] / A. I. Boyko. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 1. – P. 69–79 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-9.*

**The study was funded by the RFBR as part of scientific project 21-011-44228 Theology “Law and Legal Awareness in the Theological Dimension: History and Today”.*

Приветствую Вас, демократов Севера, от имени рабовладельческого Юга!» Этими словами начинались мои выступления в Москве и Санкт-Петербурге на рубеже 80–90-х годов – целенаправленно для тогдашних аудиторий, экзальтированно проклинаящих прошлое, ратующих за немедленное и кардинальное обновление страны, живущих предвкусениями скорых величественных результатов от реализации реформ. Уже тогда, в обстановке площадной наивности, рождался скепсис к новому, хотя бы гипотетически ведущему к отходу от испытанных технологий и даже к надругательству над классикой во всех сферах. И ничего гениального в этих тревожных ожиданиях не было, ибо Россия давно отметилась в мировой истории болезненной страстью к революционным качелям, готовностью испытывать свою судьбу по лекалам социальной инженерии, транспортируемым исключительно с Атлантики. Знать бы и помнить восточным славянам, что молох шоковых реформ всегда требует значительных жертв и разрушений, а период восстановления нормальных производственных и бытовых ритмов всегда более болезненный и длительный, чем их разбалансировка.

Давно сказано и доказано, что Россия и другие республики бывшего СССР отстают от европейского экспресса (экономика как локомотив в связке со стандартами жизни, управленческими технологиями, культурой поведения граждан и т.д.) почти на век. Использовать бы этот гандикап с умом, то есть не повторять ошибок зарубежных предшественников и брать их лучшие находки для приживления в собственных странах. Ан нет: 1) «русский бог не всегда бывает богом осмотрительности и благоразумия» [13, с. 419]; 2) «несчастье русских» в том, что они во всем любят «доходить до крайностей», благодаря чему в России никогда «не было счастливого настоящего, а только заменяющая его мечта о счастливом будущем» [22, с. 279]; 3) это благоволение к крайностям приводит к перманентным революциям, масштабным реформам, перестройкам и прочим неконструктивным вещам, когда образуется бездна никчемных административных учреждений и особый (хвастливый политический) язык, а в человеке просыпается бешеная жажда игры, позы, лицедейства, балагана (т.е. обезьяна)¹;

¹ Бунин И. А. Окаянные дни. – Цит. по: [14, с. 52].

4) в это время непререкаемость становится базовым фоном дискуссий, а многие из пропагандистов предыдущего строя, кто «наиболее рьяно отстаивал чистоту марксистско-ленинского видения проблем права, активно и бескомпромиссно боролся со всяким инакомыслием», начинают бросать «в предмет своего многолетнего обожания и поклонения не то что камни, а целые булыжники» [33, с. 17]; 5) да и вообще согласимся с мыслью, что мы живем по ироничным законам управления Паркинсона, когда нужно предусматривать искажение результата еще на стадии постановки задач, когда утопия легко преобразуется в реальность, когда самый банальный вопрос вместо простого разрешения превращается в гигантскую проблему, когда жизненная философия сводится к тому, что «русский на трех сваях крепок: авось, небось да как-нибудь», к принципам манны небесной, обязательной незавершенности дел, разрыва причин и следствий, рискованного оптимизма [23, с. 21, 34, 40, 44, 49, 66, 43].

Никто не будет спорить, что наша цивилизация переживает эпоху значительных трансформаций, вызванных техническим прогрессом и погоней за улучшением стандартов жизни любой ценой, повышенной миграционной активностью этносов, мощными информационными потоками, эгоистическим поведением человечества в окружающей среде, неумением властвующих элит наладить мирную производительную, безопасную и эстетичную жизнь землян. Отсюда естественные реформистские идеи и практика. И вопросы лишь в том, каковы они и как их осуществлять; нужны ли именно шоковые варианты перемен; можно ли миновать самые значительные риски; стоит ли уступать настойчивым требованиям визгливого креативного меньшинства или отдавать предпочтение молчаливому инертному большинству; насколько велик может быть отрыв от классики в пользу новшеств? Сии вопросы законны и известны, но яростный процесс обновления идет по всем направлениям и во всех сферах, почти не встречая сопротивления: реконструкция пола человека и его тысячелетнего семейного уклада; преобразование гитары из щипкового в ударный музыкальный инструмент; преобладание детективного мусора на федеральных телеканалах; перелицевание практически всех театральных постановок по

модернистским идеям современных продюсеров, сценаристов и режиссеров.

Сфера противодействия преступности и уголовно-правовых знаний не исключение: *уголовно-правовое воздействие* вместо испытанной *уголовной ответственности*, *иные меры уголовно-правового характера* взамен классического наказания; пропаганда *восстановительного правосудия* в ущерб карательному при сохранении публичности антикриминальных отраслей; перемещение *смягчающего наказания* деятельного раскаяния в число *оснований освобождения* от уголовной ответственности; множась число *переходных и исключительных* норм, состоящих в оппозиции к *общим правилам* уголовного преследования, пополняющих Общую часть УК РФ и составляющих многочисленные примечания к статьям Особенной части...

Разумеется, эволюция человечества затрагивает и преступность, и меры по противодействию ей. И то, и другое имеют социальную природу, соперничая между собой. Но если криминальное поведение эгоистично и разрушает устои общезжития, то уголовное законодательство и правоохранительная деятельность базируются преимущественно на публичных интересах и нацелены на охранение жизненного уклада. Посему модернистские идеи и решения в сфере противодействия преступности должны приниматься и осуществляться по принципу «семь раз примерь, а лишь потом отрежь», то есть в качестве самой крайней меры. Как бы не так.

Не видать в нас никакой цивилизации, кроме невежества (М. Е. Салтыков-Щедрин). Давно замечено и твердо установлено наукой, но плохо усваивается обществом, что в период любых масштабных реформ с неподдельным остервенением разрушаются стереотипы прежней жизни, пересматривается реестр вчерашних объектов поклонения и объявляется поиск исключительно новых, строго противоположных старым рецептов хозяйствования и управления. Модернизм разогревается и поддерживается специфической общественной атмосферой. Чувства большею частью праведного гнева из-за плачевных условий существования понуждают обывателей покидать свои жилища и спешить на улицу, где неистово обличается и проклиняется все прошлое. В воз-

духе сладко пахнет озоном грядущих перемен (несчастливым низам хочется и приятно думать, будто обновление обязательно организуется в их пользу) – как тут ни покликушествовать в огромной массе единомышленников, ведь временное воспаленное единство тысяч граждан вроде бы гарантирует безопасность их самых дерзких высказываний и призывов, прежде опасно молвившихся лишь на кухнях. К тому же на подмогу площадной смелости простолудинов прибывает легион представителей обществознания, объективность которых всегда находится под сомнением¹, а тут они прилюдно, т.е. на политико-цирковом манеже, совершают нравственно-профессиональный кульбит и предъявляют жесткие обвинения своему прежнему идеологическому хозяину, установки которого дотоле самозабвенно пропагандировали; нет более опасного врага, нежели вчерашний лакей!

В такой атмосфере следует слияние толпизма с невежеством и в стране на десятилетия поселяется культурный уродец. Должно пройти много времени, пока лучшие представители общественной мысли и совести следующей эпохи с горечью и опозданием констатируют: эх, наши предшественники вновь хотели «как лучше», однако в результате их революционных вожделиний и поползновений: а) в XIX веке «дворяне омещанились, но мещане-то не одворянились» [13, с. 437]; б) на рубеже XX–XXI веков – попса не обогемилась, а вот богема очень даже опопсилась (осовремененная формула автора статьи).

Итак: в обычные периоды истории при работающей, а не паразитирующей экономике, когда обновление идет эволюционным путем, а нервно-психическое здоровье народа не расшатано гражданскими столкновениями и переделом собственности, принуждение в руках государства – обычный и даже вялый его ответ на текущие и легко прогнозируемые эксцессы. Войны, революции, перестройки, реформы, модернизации, инновации, чрезвычайщина и

¹ В Англии и США термин «science» адресуется только естественным знаниям, а в специализированных трудах не без основания утверждается, будто общественные науки представляют собой наборы остроумных, но безрезультатных слов, что они пригодны только для классификаторских построений и ценностных суждений, плетутся за событиями вместо их упреждающего анализа, даже являются продажными. См.: [2, с. 529–534].

прочие неэволюционные вещи обнажают первобытные психизмы народа, срывают тонкий слой культурных наслоений с наших облагороженных нравов и страну покрывает волна насилиев, непотребств и властного разврата: все правильно – «зло растет, старые средства действуют слабо, пора искать новые, более сильно действующие» (С. В. Познышев, С. П. Мокринский, М. Ф. Владимирский-Буданов). Как это сделать здраво, уравновешенно, дабы не было стыдно перед последующими поколениями, чтобы не тиражировались упорные вельможные суждения типа «мы продолжаем делать то, что мы уже многое наделали»? Порассуждаем.

Первое. Следует согласиться с непреложностью той «смертной истины», будто законодательство по борьбе с преступностью, правоохранительная деятельность, уголовное правосудие и опыляющая их отраслевая наука должны отличаться особым (повышенным) консерватизмом. Причина не только в том, что уголовное право призвано охранять и консервировать гражданские устои, а не вздыбливать их. Оно к тому же находится на задворках юридической системы, зависит (помимо характеристик основного предмета обслуживания – преступности) не только от состояния экономики, экологии, демографии, практики распределения природных и общественных богатств, религии, нравственности, обычаев, традиций, etc., но и от предшествующих ему конституционных директив и положений созидательных отраслей права, т.е. имеет несколько поясов детерминации. Следственно, кавалерийские атаки¹ на делинквентное поведение, игнорирующие выстраданные зависимости и специфики уголовно-правового реагирования на преступность в общем массиве юридического влияния на общественную жизнь, способны принести больше вреда, нежели пользы; но последний вариант менее вероятен при ставке на классические методы антикриминальной деятельности.

Второе. Обновление средств врачевания криминального поведения населения нужно увязывать с *основаниями* – тенденциями, качественными и количественными показателями преступности, но не с *поводами* – отдельными

резонансными эксцессами. В нашей же политически набожной, склонной к авторитарным методам управления и поклонению вождям стране большинство скороспелых новаций исходит от самоуверенной власти, а наука их оправдывает. Вот небольшие, но поучительные справки на сей счет:

а) экстренное внесение в уголовный закон в 2010 году новогоотягчающего обстоятельства (п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ) и нового состава преступления (ст. 2861 УК РФ) для сотрудников МВД после стрельбы по людям в подмосковном «Универсаме» майора Евсюкова. А если на другой день в другом супермаркете откроет огонь из табельного оружия представитель другого правоохранительного ведомства – Минобороны, ФСБ, ФСО, Нацгвардии и т.д.?

б) когда-то автор, с опорой на данные В. В. Лунеева [24], которого никому не дано заподозрить в нечистоплотности при работе с цифрами, сопоставил коэффициенты преступности по тем общеуголовным деликтам, степень влияния на криминализацию и преследование которых мало зависит от политической корысти (убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование, хулиганство, кража, грабеж и разбой), со средними размерами ответственности. Причем приносивший к годам (1959 и 1995 гг.), предшествующим принятию последних двух кодексов в истории России (1960 – РСФСР и 1996 – РФ), с убедительным расчетом на то, что санкции были установлены властями со знанием данных о преступности хотя бы предшествующего года. Обнаружившийся разрыв между коэффициентами преступности и медианами санкций оказался феноменальным [10, с. 9–11]. Особо обратим внимание на то обстоятельство, что самые значимые новации у нас адресуются не стремительно прогрессирующей «научно-технической» преступности, что было бы логично, а общеуголовной и политической;

в) ныне принято попрекать государство в фальсификации уголовной статистики, в том, что преступность перестала быть основным фактором криминализации, поскольку «современная уголовная политика пока в самой малой степени обусловлена реальной криминальной обстановкой, складывающейся в стране и ее регионах» [27, с. 22]. Но дело еще и в том, что обязательная по закону борьба с пре-

¹ Великий пересмешник России (М. Е. Салтыков-Щедрин) упредительно-назидательно квалифицировал принудительный характер уголовно-правовой отрасли «гвардейской правоспособностью».

ступностью в России (как и в СССР) зачастую проводится лишь при своеобразном «допинге» – наличии дополнительных распоряжений верховной власти – который в цивилизованном государстве излишен и даже вреден, поскольку роняет престиж закона. В результате таких традиций национального управления случаются и диковинные скачкообразные изменения данных уголовной статистики, не поддающиеся логическим объяснениям в другой стране [32, с. 530];

г) столетиями «государственная» юриспруденция питалась и ориентировалась на «первичные» меры предосторожности и правила поведения в социуме, вырабатываемые этносами самостоятельно, без участия публичной администрации. Это естественное и очень медленное по темпам формирования коллективных правил сосуществования людей явление, именуемое в науке правообразованием, последнее время лихо вытесняется мобильным государственным правотворчеством; следов черепашьего правообразования уже почти невозможно обнаружить в динамичном и огромном по объемам законодательстве. Понятно, что нравственные императивы, религиозные поучения, обряды, традиции, пословицы, поговорки и прочие архаичные катехизисы не справятся с регуляцией жизни современного – многомиллиардного, суматошного по ритму, эгоистичного, высокотехнологизированного человечества. С другой стороны, неоспоримо, что многоуровневая социальная детерминированность «субъективно» создаваемого государством права не замечается и не считается современными ликургами в должном объеме.

Третье. Юриспруденция есть выстрадавшая человечеством система управления, призванная в первую голову защищать жизненные устои. Для уголовно-правовой отрасли с ее очевидной охранительной направленностью подобное предназначение тем более верно. В этом деле союзниками права служат две наиболее консервативные сферы общественного сознания – нравственность и религия, – а еще многократно проверенные юридические стереотипы (в первую очередь максимы Римской империи и вообще эпохи античности). Их «конек» – запреты, ограничения, обязанности, воздержание, коммунальные потребности. Но устанавливаемый с их помощью социальный

мир постоянно обновляется или даже разрушается благодаря проказам такого «могущественного чародея», как «человеческий интерес» (Гельвеций). Он заявляет себя преимущественно в политических доктринах и антропологии. Снятие данного диалектического противоречия (между общественным и личным интересом, нравственностью и эгоизмом, инерцией и обновлением) предполагает признание одной установки доминантой, без чего социуму грозит хаос, а второй – предоставление статуса благородного идеала, который, как известно, недостижим, но который необходим в качестве отвеса доминанте. Для сферы противодействия преступности разрешение дилеммы в пользу публичного интереса очевидно.

Четвертое. Перемены в сфере противодействия преступности давно, в большинстве своем, на всех континентах Земли и по справедливости идут по линии смягчения ответственности – для преступников, естественно. Данной тенденции отдельные ученые возражают и причисляются за это к отряду ярых консерваторов, сторонников жестокостей. Справедливо ли это, может быть здесь налицо рационализм, а не противодействие вектору гуманности? Не предстают ли Европа, а вслед за ней и Россия в костюме известного персонажа отечественных сказок, которые почти двести лет носят с заботами о судьбе преступника как с писаной торбой. А где соосное внимание к жертвам посягательств? Ведь потерпевшие – законопослушные граждане и потому социальная опора власти. Но пребывают в роли Золушки уголовного правосудия. И это – не «красные слова». Автор в течение многих лет указывает в публикациях на нелогичность той ситуации, когда доля виновника беспокоит государство больше, нежели участь жертвы преступления, приводит вопиющие примеры неравенства и призывает к исправлению ситуации.

В стан ретроградов могут попасть и те, кто предлагает стопорить необузданную прямолинейную гуманизацию ответственности взвешенным и потому вполне приемлемым способом. К примеру, автор настоящей статьи уже в течение 15 лет в целой серии статей и книг проповедует новую, пусть и не эпохальную технологию реагирования на преступность – в форме выделения пятой категории преступлений (исключительной тяжести) по признаку угрозы

национальной безопасности, без учреждения новых видов наказаний и усиления санкций за них, но с безусловным отказом от всех форм уголовно-правового поощрения, накопленных прогрессом (сроки давности, судимость, обратная сила закона, условное осуждение, условно-досрочное освобождение, амнистия, помилование, иные меры уголовно-правового характера и т.д.) [3; 4; 6–9]. Даже приманку разбрасывает в виде статей с рекламными названиями в просветительских журналах [5, с. 15–21]. И все пока безрезультатно.

Пятое. Технологическим средством сохранения баланса между классическими средствами реакции не преступность и новыми технологиями предлагается считать гармонию между основными институтами нашей отрасли – преступлением и наказанием. Очевидный вопрос – что в этой связке первично, а что вторично, разрешился в начале XX века перемещением института преступления на главенствующую позицию в структуре законодательства. Но остались вопросы, от грамотного разрешения которых зависит безболезненность введения в закон и применения на практике существенных новшеств.

Во-первых, дисбаланс между количеством преступлений (примерно 1200 составов или теоретических образцов) и наказаний (всего 13 видов по ст. 44 УК РФ, из которых 2 вида не применяются) в действующем законодательстве просто разительный, и он будет только увеличиваться, поскольку вероятность появления новых видов наказания по причине пристрастной общественной экспертизы стремится к нулю, а увеличение преступлений гарантировано наложением на научно-технический прогресс современной частно-собственнической психологии. Спасут ли нас альтернативные и относительно-определенные санкции?

Во-вторых, несопоставимо количество «живых» преступлений в практике уголовного преследования и употребленных наказаний по ним за тот же срок – на сегодняшний день специализированные органы России фиксируют около 2 млн преступлений в год, но на все это «богатство» суды отвечают преимущественно лишением свободы, штрафом и условным осуждением.

В-третьих, используя выражение известного эстета российской словесности князя

П. А. Вяземского, буквально «воет от совокупления» ожидаемая, но не случившаяся совместимость классификации преступлений (на 4 категории **по степени общественной опасности**) и наказаний (на 3 разряда **по порядку назначения судами**).

В-четвертых, законодательная инициатива Верховного Суда России по поводу введения в оборот целой группы деликтов под названием «уголовные проступки» почему-то не увязывается с вполне логичным средством их врачевания в виде новодела – «иных мер уголовно-правового характера».

Шестое. Отход от классических рецептов по противодействию преступности следует осуществлять по принципу, заявленному в ч. 1 ст. 60 УК РФ. В приложении к нашей теме данный рецепт должен звучать так: переход к новой технологии уголовного преследования возможен лишь в том случае, если классические меры не обеспечивают разрешение задач отрасли, обозначенных в ст. 2 Уголовного кодекса РФ. И все, никаких оговорок. Торопитесь медленно и осторожно; классика надежнее новаций до тех пор, пока она не становится тормозом развития.

Седьмое. Нами, криминалистами, как-то не замечаются и не пропагандируются отраслевые (выстраданные и очевидные) ценности: мы все западаем на внешние или привозные установки; мы с готовностью дублируем в статьях о принципах уголовного права (витрина Кодекса) конституционные директивы, хотя они и без того для нас обязательны, но не находим места для объявления таких универсалий, как неотвратимость ответственности, принцип личной ответственности, быстрота уголовно-правового реагирования... А ведь о них вещал в своем пионерском трактате великий Ч. Беккариа [1, с. 105–106, 132–133, 137–140, 246–247].

Ждут мудрого аналитика в рамках обсуждаемой темы и более трудоемкие проблемы. Одна из них – как снимать диалектическое по сути противостояние **идеи** стабильности закона и жизненной **необходимости** его постоянного обновления. Кажется, первыми полвека назад предложили свой рецепт Г. А. Злобин и Н. Ф. Кузнецова [21, с. 76–83].

Допустимые выводы. Представленные в настоящей статье размышления, доводы и оценки позволяют, на наш взгляд, выдвинуть несколько обобщений:

1) соседство и оппозиция старого и нового, испытанных и новаторских приемов борьбы с преступностью естественны и не порицаемы;

2) для Отечества, систематически испытывающего свою судьбу преимущественно революционным образом, с его многовековой практикой централизованного управления и политической набожности характерна расположенность к заимствованию чужеземного опыта социальной инженерии, к отказу от собственного национального прошлого и к экспериментам, что свидетельствует о предпочтении авангардизму перед классикой и грозит стране рисками;

3) для уголовного права с его охранительным предназначением, резко выделяющегося среди других отраслей юриспруденции повышенной принудительностью, бесшабашное новаторство и политическое идолопоклонничество особенно нетерпимы¹;

4) как и в других сферах государственного управления и общественной мысли в области борьбы с преступностью должен обеспечиваться разумный баланс между испытанными средствами врачевания преступности и новаторскими приемами реагирования на нее;

5) естественным противоядием против духа авангардизма и рискованных опытов в антикриминальной сфере служат известнейшие консерванты общественной жизни – религия и нравственность, а также золотой фонд мировой юриспруденции, начавшийся формированием в античную эпоху на территории Римской империи;

б) для обеспечения оптимума между старыми и новыми технологиями борьбы с преступностью специалисты должны определиться по многим узловым вопросам: а) в рамках внутригосударственного компаративизма исследовать особенности правовых отраслей, выработанные в результате многовекового взаимодействия с соседними юридическими анклавами, и соблюдать их при новациях закона и практики; б) перемены в уголовном зако-

не организовывать исключительно по криминализационным основаниям, но не поводам; в) исходить из презумпции, что неисполненный закон надежнее вновь принятого и умерять дух реформаторства проверкой резервов уже действующего закона; г) баланс классического и нового в сфере борьбы с преступностью реализуем при условии критического отношения криминалистов и власти к чрезмерной юридикации общежития, что грозит разрывом между властью и населением и огромными затратами; д) необоснованные риски и опыты в сфере борьбы с преступностью провоцируются привозной идеологией, олицетворяющей протестантский эгоизм (приоритет отдельно взятой личности над интересами выживания всего социума, пропаганда прав и свобод при забвении обязанностей);

7) грамотное и безопасное разрешение диалектического противоречия между классикой и авангардизмом в сфере борьбы с преступности зависит от состояния отраслевой доктрины. Но уголовно-правовая наука сегодня – не образец рассудительности и творческих возможностей [15, 17–19, 25, 28], пока как бы подтверждает название вольтеровской статьи «Плохая юриспруденция умножает преступление» [12]. Когда-то великий Ф. Лист сетовал: «Мы находимся лишь в самом начале нашей работы, и мы даже не нашли еще метода, обладание которым давало бы нам основание надеяться на успешное разрешение нашей задачи» [30, с. 41]. С тех пор теория не может гордиться большими успехами на данном пути, поскольку «российские криминалисты не смогли еще должным образом разработать новые методологические подходы, что является одной из актуальнейших задач современной науки» [11, с. 84]; в юридических науках криминального цикла «доминирует прикладное направление», а за фундаментальное исследование нередко «принимается механическое списывание норм с законодательства так называемых развитых стран под знаменем вестернизации, демократизации, гуманизации и других политических призывов», что «может принести только вред юридической науке и практике» [25, с. 39]; «линейное развитие традиций уголовно-правовой мысли уже недостаточно для решения обострившихся уголовно-правовых проблем» [16, с. 58].

¹ «Судебный орган, – указывал М. О. Хадсон, – должен оставаться в рамках норм и порядка, которые не изменяются вместе с каждым перемещением политиков, резко отличаясь в этом отношении от политического органа, предназначенного для того, чтобы служить выразителем преобладающих направлений общественного мнения и применяться к ситуациям, создаваемым постоянными изменениями этих направлений» [26, с. 310].

Давно сказано, что «в науке нельзя петь с чужого голоса, и притом даже не стараясь дать себе отчет, не фальшиво ли поет первый голос» [29, с. 51], что «наука начинается там, где она может сказать законодателю: “Нет!”» (М. Д. Шаргородский, 1963) [20, с. 251]. Но поют – и побеждают. Как точно подметил П. Фейерабенд, развитие гуманитарной науки иррационально: новые теории побеждают старые не обязательно потому, что они ближе них к истине, точнее и глубже отражают объективную реальность, а вследствие того, что они наиболее интенсивно (мы бы сказали, агрессивно. – А. Б.) пропагандируются их сторонниками [31, с. 203]. Позволим утверждать, что данные оценки имеют упредительную направленность преимущественно к сторонникам новшеств, а их игнорирование наиболее опасно в сфере антикриминальной деятельности государства.

Конечно, «все новое проявляет несправедливость к старому». А «реформация никогда не возникает в наилучшей юридической форме, но всегда проявляется лишь своеобразным, неожиданным, *незаконным* (курсив наш. – А. Б.) образом». Понятно также, что «каждый реформатор неизбежно является узурпатором, каждая реформация – духовное насилие» [34, с. 380]. Будем помнить эти справедливые слова, когда приходится читать или слушать истеричные обличения старых правовых несправедливостей, почему-то всегда сопряженные с призывами к срочным новым жертвам и реформациям.

Конечно, юриспруденция, призванная обеспечивать гражданский мир посредством долговременных стандартов, методом консервации жизни, в эпохи реформ невольно вовлекается в водоворот борьбы со старыми приемами руководства страной и закономерно подвергается многочисленным искушениям – поверить в иллюзии, отказаться от ставки на формализм закона в угоду индивидуальным методикам управления, примкнуть к модернистам и позабыть о большинстве инертного населения, которое и является основным объектом юридического обслуживания. Однако правовед не должен бежать впереди паровоза, выкликая политические и идеологические новшества: его девизы – *In mediam viam tutissimus ibis*¹ плюс лучше синица в руках, чем журавль в

¹ Посередине дороги ехать безопаснее (пер. с лат.).

небе; его удел – гласное обслуживание всех слоев общества на базе равных и оглашаемых для всех стандартов. Если юристу на роду написано быть служкой политических хозяев общества, пусть он и ограничивается рутинным оформительством заказанных ему новых правил, но не превращается в азартного проповедника идеологических опытов; ведь политическое агитаторство всегда ведет к разрушению чувства законности и правоприменительной культуры (дисциплины); ведь Бог юриста – сложившийся стереотип.

И последнее. Если кто-то поймет содержащиеся в настоящей статье мысли как банальный протест против экономического, социально-политического и юридического обновления страны, он ничего не понял. Бабелевский юрист-реакционер всегда отдаст предпочтение унылой умеренности перед сладким обольщением; будет хорошо помнить известные слова из профессиональной присяги, будто народу юристы служат исполнением законов, а не политических прихотей; будет придерживаться той непреложной истины, что предназначение юриста – в поддержании гражданского мира на базе общих стандартов поведения, рассчитанных на типовую жизнь обывателей в течение нескольких десятилетий. В общем, *sapienti sat*².

Литература

1. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях [Текст] / Ч. Беккариа. – Москва : Фирма «Стелс-БИМПА», 1995. – 304 с.
2. Бернал, Дж. Наука в истории общества [Текст] / Дж. Бернал. – Москва : Иностранная литература, 1956.
3. Бойко, А. И. Государственное реагирование на преступность [Текст] / А. И. Бойко // Российский юридический журнал. – 2008. – № 3. – С. 68–76.
4. Бойко, А. И. Государство и преступность: стратегии реагирования и проблема ответственности власти [Текст] / А. И. Бойко // Збірник наукових праць Донецького державного університету управління «Державне будівництво та державне управління». – Т. X. Вип. 139. – Донецьк: ДонДУУ, 2009. – С. 31–41.
5. Бойко, А. И. Не мытьем, так катаньем [Текст] / А. И. Бойко // Человек и закон. – 2017. – № 2. – С. 15–21.
6. Бойко, А. И. Новая стратегия противодействия преступности как средство обеспечения национальной безопасности России [Текст] / А. И. Бойко // Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики : материалы XI Рос-

² Умный поймет (пер. с лат.).

сийского Конгресса уголовного права, посвященного памяти доктора юридических наук, профессора Владимира Сергеевича Комиссарова, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2018 г. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – С. 318–321.

7. *Бойко, А. И.* Новый вариант уголовно-политическое реагирования на преступность [Текст] / А. И. Бойко // Современные проблемы уголовной политики : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., 25 сент. 2015 г.; под ред. А. В. Симоненко. – В 2 т. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2015. – Т. 1. – С. 104–110.

8. *Бойко, А. И.* Общество и преступность: возможная стратегия уголовно-правового реагирования [Текст] / А. И. Бойко // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты. Материалы III Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 29–30 мая 2008 г. – Москва : Проспект, 2008. – С. 351–353.

9. *Бойко, А. И.* Пороговые значения преступности и уголовно-правовое реагирование [Текст] / А. И. Бойко // Актуальные проблемы государственной безопасности Российской Федерации : сб. тр. науч. конф. / Рост. гос. ун-т путей сообщения. – Ростов-на-Дону : Издательство РГУПС, 2008. – С. 161–163.

10. *Бойко, А. И.* Система и структура уголовного права [Текст] / А. И. Бойко. – В 3 т. – Том 2: Системная среда уголовного права. – Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального университета, 2007. – С. 9–11.

11. *Волженкин, Б. В.* О предмете науки уголовного права: уроки истории [Текст] / Б. В. Волженкин // История развития уголовного права и ее значение для современности : материалы V Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 26–27 мая 2005 г. – Москва : ЛексЭст, 2006. – С. 82–87.

12. *Вольтер.* Избранные произведения по уголовному праву и процессу [Текст] / Вольтер ; перев. с фр. – Москва : Госюриздат, 1956. – 334 с.

13. *Вяземский, П. А.* Эстетика и литературная критика [Текст] / П. А. Вяземский. – Москва : Искусство, 1984. – 463 с.

14. *Горбаневский, М. В.* В начале было слово... Малоизвестные страницы истории советской лингвистики [Текст] / М. В. Горбаневский. – Москва : Изд-во Университета дружбы народов, 1991. – 252 с.

15. *Жалинский, А. Э.* О современном состоянии уголовно-правовой науки [Текст] / А. Э. Жалинский // Уголовное право. – 2005. – № 1. – С. 21–24.

16. *Жалинский, А. Э.* Об экономическом подходе к уголовному правотворчеству [Текст] / А. Э. Жалинский // Государство и право. – 2007. – № 10. – С. 58–67.

17. *Кудрявцев, В.* Науку уголовного права пора модернизировать [Текст] / В. Кудрявцев // Уголовное право. – 2006. – № 5. – С. 130–131.

18. *Кузнецова, Н. Ф.* Как реформы либерализма воплотились в реформе УК РФ [Текст] / Н. Ф. Кузнецова // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. – 2004. – № 3. – С. 124–131.

19. *Кузнецова, Н. Ф.* Мнение ученых о реформе УК (или qui prodest?) [Текст] / Н. Ф. Кузнецова // Уголовное право. 2004. – № 1. – С. 26–27.

20. *Кузнецова, Н. Ф.* Наука российского уголовного права и законотворчество [Текст] / Н. Ф. Кузнецова // История развития уголовного права и ее значение для современности : материалы V Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 26–27 мая 2005 г. – Москва : ЛексЭст, 2006. – С. 243–266.

21. *Кузнецова, Н. Ф.* Социальная обусловленность уголовного закона и научное обеспечение нормотворчества [Текст] / Н. Ф. Кузнецова, Г. А. Злобин // Советское государство и право. – 1976. – № 8. – С. 76–83.

22. *Лихачев, Д. С.* О национальном характере русских [Текст] / Д. С. Лихачев // Из истории русской гуманистической мысли. – Москва : Просвещение, 1993. – 287 с.

23. *Лужков, Ю.* Российские «законы Паркинсона» [Текст] / Ю. Лужков. – Москва : Вагриус, 1999. – 94 с.

24. *Лунеев, В. В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции [Текст] / В. В. Лунеев. Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва : Волтерс Клувер, 2005. – 912 с.

25. *Лунеев, В. В.* Проблемы юридических наук криминального цикла [Текст] / В. В. Лунеев // Государство и право. – 2007. – № 5. – С. 39–58.

26. Международные суды в прошлом и будущем [Текст] ; пер. с англ. – Москва : Государственное издательство иностранной литературы, 1947. – 392 с.

27. *Номоконов, В. А.* Современная российская уголовная политика: желаемое и действительное [Текст] / В. А. Номоконов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 4-й Международной научно-практической конференции. – Москва : ТК Велби ; Проспект, 2007. – С. 22–25.

28. Открытое письмо профессора А. В. Наумова академику В. Н. Кудрявцеву [Текст] // Уголовное право. – 2006. – № 4. – С. 135–138.

29. *Проф. М. Чубинский.* Очерки уголовной политики: (Понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права) [Текст] / Проф. М. Чубинский. – Ч. 1–3. – Харьков : Тип. «Печ. Дело» кн. К. Н. Гагарина, 1905. – 543 с.

30. *Проф. Ф. Лист.* Общественные факторы преступности: Речь, произнесенная в заседании С.-Петербургского съезда Международного союза криминалистов (перевод с немецкого) [Текст] / Проф. Ф. Лист // Журнал Министерства юстиции. – 1903. – № 2. – С. 38–54.

31. *Радугин, А. А.* Философия: Курс лекций [Текст] / А. А. Радугин. – Москва : Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 1998. – 302 с.

32. *Соктоева, Е. И.* Новая криминологическая реальность и сложившиеся уголовно-правовые понятия [Текст] / Е. И. Соктоева // История развития уголовного права России и ее значение для современности : материалы V Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 26–27 мая 2005 г. – Москва : ЛексЭст, 2006.

33. *Сырых, В. М.* Логические основания общей права [Текст] / В. М. Сырых. – В 2 т. – Т. 1 : Элементный состав. – Москва : Юридический Дом «Юстицинформ», 2000. – 527 с.

34. *Таранов, П.* Интеллектуальные крылья [Текст] / П. Таранов. – Москва : ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000. – 432 с.

References

1. *Beccaria, Ch.* On crimes and punishments [Text] / Ch. Beccaria. – Moscow : The company “Stealth-BIMPA”, 1995. – 304 p. [in Russian].

2. *Bernal, J.* Science in the history of society [Text] / J. Bernal. – Moscow : Foreign literature, 1956 [in Russian].

3. *Boyko, A. I.* State response to crime [Text] / A. I. Boyko // Russian Law Journal. – 2008. – No. 3. – P. 68–76 [in Russian].

4. *Boyko, A. I.* The state and crime: response strategies and the problem of responsibility of the authorities [Text] / A. I. Boyko // State construction and public administration : Collection of scientific papers of Donetsk State University of Management. – Vol. X. Issue 139. – Donetsk : DonDUU Publ., 2009. – P. 31–41 [in Russian].

5. *Boyko, A. I.* Not by washing, so by rolling [Text] / A. I. Boyko // Man and the law. – 2017. – No. 2. – P. 15–21 [in Russian].

6. *Boyko, A. I.* A new strategy for combating crime as a means of ensuring the national security of Russia [Text] / A. I. Boyko // Ensuring national security – a priority direction of criminal law, criminological and penal enforcement policy: materials of the XI Russian Congress of Criminal Law dedicated to the memory of Doctor of Law, Professor Vladimir Sergeevich Komissarov, Held on May 31 – June 1, 2018. – Moscow : Yurlitinform, 2018. – P. 318–321 [in Russian].

7. *Boyko, A. I.* A new version of the criminal-political response to crime [Text] / A. I. Boyko // Modern problems of criminal policy : materials of the VI International Scientific and Practical Conference, September 25, 2015; edited by A. V. Simonenko. – In 2 volumes. – Krasnodar : Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. – Vol. 1. – P. 104–110 [in Russian].

8. *Boyko, A. I.* Society and crime: a possible strategy of criminal law response [Text] / A. I. Boyko // Countering crime: criminal law, criminological and penal aspects. Materials of III Russian Congress of Criminal Law, held on May 29–30, 2008. – Moscow : Prospekt Publ., 2008. – P. 351–353 [in Russian].

9. *Boyko, A. I.* Threshold values of crime and criminal law response [Text] / A. I. Boyko // Actual problems of state security of the Russian Federation : proceedings of the scientific conference / Rostov State University of Railway Transport. – Rostov-on-Don : Publishing House of Rostov State University of Railway Transport, 2008. – P. 161–163 [in Russian].

10. *Boyko, A. I.* System and structure of criminal law [Text] / A. I. Boyko. – In 3 vols. – Volume 2: The systemic environment of criminal law. – Rostov-on-Don : Publishing House of the Southern Federal University, 2007. – P. 9–11 [in Russian].

11. *Volzhenkin, B. V.* On the subject of the science of criminal law: lessons of history [Text] / B. V. Volzhenkin // History of the development of criminal law and its

significance for modernity : materials of the V International Scientific and Practical Conference held at the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University on May 26–27, 2005. – Moscow : LexEst Publ., 2006. – P. 82–87 [in Russian].

12. *Voltaire.* Selected works on criminal law and procedure [Text] / Voltaire ; transl. from the French. – Moscow : Gosyurizdat Publ., 1956. – 334 p. [in Russian].

13. *Vyazemsky, P. A.* Aesthetics and literary criticism [Text] / P. A. Vyazemsky. – Moscow : Iskusstvo Publ., 1984. – 463 p [in Russian].

14. *Gorbanevsky, M. V.* In the beginning there was a word ... Little-known pages of the history of Soviet linguistics [Text] / M. V. Gorbanevsky. – Moscow : Publishing House of the Peoples' Friendship University, 1991. – 252 p. [in Russian].

15. *Zhalinsky, A. E.* On the current state of criminal law science [Text] / A. E. Zhalinsky // Criminal Law. – 2005. – No. 1. – P. 21–24 [in Russian].

16. *Zhalinsky, A. E.* On the economic approach to criminal lawmaking [Text] / A. E. Zhalinsky // State and Law. – 2007. – No. 10. – P. 58–67 [in Russian].

17. *Kudryavtsev, V.* It's time to modernize the science of criminal law [Text] / V. Kudryavtsev // Criminal Law. – 2006. – No. 5. – P. 130–131 [in Russian].

18. *Kuznetsova, N. F.* How liberalism reforms were embodied in the reform of the Criminal Code of the Russian Federation [Text] / N. F. Kuznetsova // “Black holes” in Russian Legislation. – 2004. – No. 3. – P. 124–131 [in Russian].

19. *Kuznetsova, N. F.* Opinion of scientists on the reform of the Criminal Code (or qui prodest?) [Text] / N. F. Kuznetsova // Criminal law. 2004. – No. 1. – P. 26–27 [in Russian].

20. *Kuznetsova, N. F.* Science of Russian criminal law and lawmaking [Text] / N. F. Kuznetsova // The history of the development of criminal law and its significance for modernity : materials of the V International Scientific and Practical Conference held at the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University on May 26–27, 2005. – Moscow : LexEst Publ., 2006. – P. 243–266 [in Russian].

21. *Kuznetsova, N. F.* Social conditionality of the criminal law and scientific provision of rulemaking [Text] / N. F. Kuznetsova, G. A. Zlobin // The Soviet state and law. – 1976. – No. 8. – P. 76–83 [in Russian].

22. *Likhachev, D. S.* On the National character of Russians [Text] / D. S. Likhachev // From the History of Russian humanistic Thought. – Moscow : Prosveshchenie Publ., 1993. – 287 p. [in Russian].

23. *Luzhkov, Yu.* Russian “Parkinson's laws” [Text] / Yu. Luzhkov. – Moscow : Vagrius Publ., 1999. – 94 p. [in Russian].

24. *Luneev, V. V.* Crime of the XX century: world, regional and Russian trends [Text] / V. V. Luneev. Ed. 2nd, reprinted and additional. – Moscow : Volters Kluver Publ., 2005. – 912 p. [in Russian].

25. *Luneev, V. V.* Problems of legal sciences of the criminal cycle [Text] / V. V. Luneev // State and Law. – 2007. – No. 5. – P. 39–58 [in Russian].

26. *International courts in the past and future* [Text] ; translated from English. – Moscow : State Publishing House of Foreign Literature, 1947. – 392 p. [in Russian].

27. *Nomokonov, V. A.* Modern Russian criminal policy: desired and actual [Text] / V. A. Nomokonov // Criminal law:

development strategy in the XXI century : materials of the 4th International Scientific and Practical Conference. – Moscow : TK Velbi ; Prospect Publ., 2007. –P. 22–25 [in Russian].

28. An open letter from Professor A.V. Naumov to Academician V. N. Kudryavtsev [Text] // Criminal Law. – 2006. – No. 4. – P. 135–138 [in Russian].

29. *Prof. M. Chubinsky*. Essays on criminal policy: (The concept, history and main problems of criminal policy as an integral element of the science of criminal law) [Text] / Prof. M. Chubinsky. – Part 1–3. – Kharkiv : Typ. “Pech. Delo” by K. N. Gagarin, 1905. – 543 p. [in Russian].

30. *Prof. F. List*. Social factors of crime: A speech delivered at the meeting of the St. Petersburg Congress of the International Union of Criminologists (translated from German) [Text] / Prof. F. List // Journal of the Ministry of Justice. – 1903. – No. 2. – P. 38–54 [in Russian].

31. *Radugin, A. A.* Philosophy: A course of lectures [Text] / A. A. Radugin. – Moscow : Humanit. publishing center “VLADOS”, 1998. – 302 p. [in Russian].

32. *Soktoeva, E. I.* New criminological reality and established criminal-legal concepts [Text] / E. I. Soktoeva // The History of the Development of Criminal Law in Russia and its significance for Modernity : Materials of the V International Scientific and Practical Conference held at the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University on May 26–27, 2005. – Moscow : LexEst Publ., 2006 [in Russian].

33. *Syrykh, V.M.* Logical foundations of general law [Text] / V. M. Syrykh. – In 2 vols. – Vol. 1 : Elemental composition. – Moscow : Law House “Justicinform”, 2000. – 527 p. [in Russian].

34. *Taranov, P.* Intellectual wings [Text] / P. Taranov. – Moscow : LLC “Firm AST Publishing House”, 2000. – 432 p. [in Russian].

Поступила в редакцию 14.02.2022

Received February 14, 2022

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

УДК 349.414

DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-10

Зиновьева Ольга Петровна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского
процессуального и трудового права,
юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: zinovieva-dialog@mail.ru

Zinovieva, Olga P.,
PhD in Law, Associate Professor,
Department of Civil Procedure
and Labour Law, Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: zinovieva-dialog@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ВОЗМЕЩЕНИЯ УБЫТКОВ, ПРИЧИНЕННЫХ УСТАНОВЛЕНИЕМ, ИЗМЕНЕНИЕМ ЗОН С ОСОБЫМИ УСЛОВИЯМИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРРИТОРИЙ

ON SOME ISSUES OF INDEMNITY FOR LOSSES CAUSED BY ESTABLISHMENT AND CHANGE OF RESTRICTED-USE AREAS

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется вопрос возмещения убытков, причиненных собственникам земельных участков и лицам, владеющим земельным участком на ином имущественном праве, в результате установления зон с особыми условиями использования (ЗОУИТ). Автор рассматривает изменение действующего законодательства и судебной практики, формулирует основные подходы к разрешению указанной категории споров в судах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: зоны с особыми условиями использования территории; ЗОУИТ; возмещение убытков землепользователей; градостроительные регламенты.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Зиновьева, О. П. О некоторых вопросах возмещения убытков, причиненных установлением, изменением зон с особыми условиями использования территорий [Текст] / О. П. Зиновьева // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 1. – С. 80–86. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-10.

ABSTRACT. The paper analyses the issue of indemnity for losses caused by the establishment of restricted-use areas (RUAs). The victims in question are owners of land plots and those who possess land plots on other property rights. The author examines changes in current legislation and judicial practice, and formulates the main approaches to resolving this kind of disputes in courts.

KEYWORDS: restricted-use areas; RUA; indemnity for losses to land users; town-planning regulations.

FOR CITATION:

*Zinovieva, O. P. On Some Issues of Indemnity for Losses Caused by Establishment and Change of Restricted-Use Areas [Text] / O. P. Zinovieva. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 1. – P. 80–86 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-10.*

Одними из наиболее сложных вопросов действующего земельного и градостроительного законодательства являются ограничение прав владельцев недвижимости в результате утверждения или изменения градостроительных регламентов, установление иных ограничений использования земельных участков. Наибольшее количество споров возникает в результате принятия органами государственной власти и местного самоуправления решений об утверждении и изменении генеральных планов, правил землепользования и застройки (далее – ПЗЗ), установления красных линий, введения специальных режимов использования отдельных территорий и т.д. Очевидно, что указанные мероприятия, преследуя цели градостроительного развития территорий, охраны окружающей среды и объектов культурного наследия, улучшения рекреационной и туристической привлекательности населенных пунктов, могут значительным образом ограничивать правомочия собственника или лица, владеющего земельным участком на ином праве (далее – землепользователей). Так, изменение территориальной зоны земельного участка может полностью исключить возможность его использования в определенных целях. Например, территориальная зона рекреационного назначения первого типа (Р-1) в соответствии с ПЗЗ города Ростова-на-Дону предусматривает размещение объектов капитального строительства исключительно инфраструктурного или коммунально-бытового назначения [8]. Отнесение земельного участка к указанной зоне исключает возможность иного строительства, включая жилищное.

Пристального внимания заслуживает также проблема возмещения убытков, причиненных землепользователям установлением на их земельных участках «специальных» зон – зон с особыми условиями использования территорий (далее также – ЗОУИТ). Специфика указанных правоотношений заключается в том, что, будучи довольно болезненными для собственников, они длительное время не имели успешного правового регулирования, а складывающаяся судебная практика была противоречивой и неясной.

Целью настоящей статьи является анализ развития законодательства и правоприменительной практики в области отношений, свя-

занных с возмещением убытков как универсальной меры ответственности, рассмотрение одного из аспектов реализации междотраслевого принципа возмещения вреда [19].

В настоящий момент насчитывается чуть менее тридцати зон, среди которых указываются зоны охраны объектов культурного наследия; защитная зона объекта культурного наследия; охранный зона объектов электроэнергетики, охранный зона трубопроводов, приаэродромная территория, санитарно-защитная зона, охранный зона тепловых сетей и другие (ст. 105 ЗК РФ) [1]. Формулировка закона позволяет сделать вывод, что этот перечень не является закрытым.

С принятием Земельного кодекса РФ была создана законодательная основа восстановления имущественного положения лица, понесшего имущественные потери в результате установления «зон особого регулирования», земельное законодательство содержало нормы, гарантирующие право на компенсацию убытков (ст. ст. 56, 57, 62 ЗК РФ). Однако назвать эти нормы работающими было нельзя. Несмотря на кажущуюся ясность, законодательные положения не смогли создать действенный механизм возмещения убытков, причиненных в результате установления ЗОУИТ. Причиной явилось недостаточное понимание природы указанных исков, а также отсутствие ясности в вопросе о том, что должно входить в предмет доказывания. Второй немаловажной причиной сложившейся ситуации стало то, что системное толкование норм ЗК РФ во взаимосвязи с иными нормативно-правовыми актами [7] не позволяло прийти к выводу о том, что правомерные действия и решения государственных и муниципальных органов по установлению соответствующих ограничений прав землепользователей, являются достаточными основаниями для возмещения убытков. Многие годы судебная практика рассмотрения таких споров складывалась не в пользу последних.

Несколько лет назад указанный вопрос мог стать предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ, однако жалоба по проверке конституционности норм, устанавливающих порядок возмещения убытков, не была принята к рассмотрению по существу [5].

В этой связи удивительным явилось принятие Постановления Президиума ВАС РФ от

18.06.2013 № 136/13 [17], которым были отменены судебные акты по делу о признании недействующим решения органа местного самоуправления об изменении ПЗЗ. Отказывая в иске, суд отметил право собственника при ограничении права на использование земельного участка, заявить требование о выкупе этого участка с возмещением публично-правовым образованием, принявшим соответствующее решение, убытков применительно к пункту 7 статьи 23 Земельного кодекса РФ (регулирующему последствия установления сервитута). При этом интересным являлся общий вывод суда о том, что целью градостроительного регулирования является не обеспечение приоритета интересов собственников и землевладельцев, а поиск разумного баланса их интересов с интересами публично-правовых образований. Таким образом, был сделан шаг в сторону ограничения возможности оспаривания решений публично-правовых образований, направленных на изменение режима использования земли.

Однако 01.04.2015 норма пункта 7 статьи 23 ЗК РФ была отменена [3] и возможность восстановления прав в рамках указанного механизма была утрачена.

В августе 2018 года в силу вступили комплексные изменения в земельное законодательство [1], которыми был изменен и дополнен порядок возмещения убытков, причиненных установлением, изменением зон с особыми условиями использования территорий (п. 3 ст. 57, ст. 57.1 ЗК РФ). Новый механизм нельзя назвать совершенным, поскольку он обусловлен обстоятельствами, которые, помимо прочего, не отвечают требованиям равенства участников хозяйственного оборота. Например, в ряде случаев возмещение убытков возможно только в отсутствие решения о сносе объекта капитального строительства, находящегося в пределах ЗОУИТ. Этот подход справедливо подвергался критике даже со стороны разработчиков [2], поскольку названное условие не зависит от правообладателя и ставит его в неравное положение по сравнению с теми, в отношении кого такое решение не принято (п. 7 ст. 107 ЗК РФ, п. 25 ст. 26 ФЗ № 342-ФЗ). Более того, именно это условие может активизировать исковую работу муниципальных образований по признанию объектов, находящихся в таких «зонах», самовольными постройками.

С другой стороны, законодатель, который был вынужден искать способ защиты тех, в отношении которых такое решение уже вынесено, установил возможность обжаловать вступившее в законную силу судебное решение по новым обстоятельствам на основании пункта 6 части 4 статьи 392 ГПК РФ и пункта 6 части 3 статьи 311 АПК РФ. Одновременно были внесены изменения в статью 222 ГК РФ, исключаящие признание объекта самовольной постройкой, если ее собственник не знал и не мог знать о действии указанных ограничений [4].

Еще одним недостатком указанных изменений можно назвать то, что они не применяются в отношении зон с особыми условиями использования территорий, которые установлены до 04.08.2018 (п. 23 ст. 26 ФЗ № 342-ФЗ). Это позволяет сделать вывод об их ограниченном действии (включая условия об установлении пятилетнего срока на обращение с требованием о возмещении убытков).

В целом можно сформулировать ряд условий, препятствующих землепользователям эффективно отстаивать свои интересы в судах:

– сложился подход, согласно которому правообладателю земельного участка необходимо проявить настойчивость при выяснении существующих ограничений его прав к моменту их возникновения, даже если эти сведения не находятся в открытом официальном доступе (например, в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН) или в градостроительном плане). Негативные последствия неисполнения этой обязанности возложены на землепользователя.

Возможной причиной этого стали разъяснения Верховного Суда Российской Федерации о том, что отсутствие в государственном кадастре недвижимости сведений о «специальной» зоне не означает, что указанная зона не была установлена [18].

К сожалению, вступившие в силу изменения лишь подтвердили это правило. До 01.01.2022 продолжает действовать прежний порядок установления зон с особыми условиями использования территории (п. 8–10, п. 16 ст. 26 ФЗ № 342-ФЗ). До указанной даты ЗОУИТ считаются установленными и при отсутствии сведений о них в ЕГРН, если такие зоны установлены до 04.08.2018 одним из четырех способов: решением исполнительного органа

государственной власти или органа местного самоуправления; согласованием уполномоченным органом исполнительной власти границ зоны с особыми условиями использования территории; нормативным правовым актом без принятия решения исполнительного органа государственной власти или органа местного самоуправления; решением суда (п. 8 ст. 26 ФЗ № 342-ФЗ).

В переходный период «публичность» сведений о таких зонах считается обеспеченной, в том числе, если на дату начала создания объекта недвижимого имущества было опубликовано решение об установлении такой зоны или сведения о ней были отображены на карте градостроительного зонирования в составе ПЗЗ или в документации по планировке территории. Дополнительно к этим требованиям границы такой зоны должны быть обозначены на местности (п.п. 4) и 5) п. 37 ст. 26 ФЗ № 342-ФЗ). Последнее означает, что собственник, кроме обязанности ознакомиться с упомянутыми выше документами, несет обязанность обследования прилегающей к его участку территории (причем радиус такого изучения может быть разным). По смыслу внесенных в законодательство изменений, указанные выше сведения лицу необходимо получить до начала освоения участка, даже если ограничения использования земельного участка не указаны ни в градостроительном плане, ни в ЕГРН. При этом, если с градостроительными регламентами можно ознакомиться официально, сделав соответствующий запрос в местную администрацию, то в отсутствие единого официального публикатора, найти решение об установлении ЗОУИТ будет затруднительно.

– суды исходят из того, что зоны с особыми условиями использования считаются фактически установленными в силу соблюдения двух условий: наличия «специального» объекта, требующего установления ЗОУИТ, и принятия нормативного правового акта, определяющего границы этой зоны [6; 9; 14; 16].

Этот подход понятен, если речь идет о крупном объекте (ГЭС, ТЭЦ, аэродроме), наличие которого в непосредственной близости в момент приобретения участка, не должно оставаться незамеченным. Но как быть с не столь очевидными ограничениями, когда, например, на соседнем участке находится асфальтовый за-

вод, санитарно-защитная зона которого установлена санитарными нормами и правилами, но получить сведения о котором затруднительно в силу ограничения доступа на его территорию и непубличности сведений о хозяйственной деятельности такого завода [12].

В этой связи неясно, почему негативные последствия такого «упрощенного» порядка установления ЗОУИТ до истечения переходного периода возложены на пострадавшую сторону. Если механизм защиты прав правообладателя, полностью заработает в момент, когда сведения о ЗОУИТ будут включены в ЕГРН, то в переходный период хотелось бы видеть более исполнимые условия возмещения убытков, нежели те, что установлены. В противном случае складывается впечатление, что механизм защиты землепользователя не работает.

– в предмет доказывания по указанным делам входит установление того, что произошло раньше – были приобретены права на земельный участок и началось его освоение, или был создан объект, требующий установления «специальных» зон [13; 15]. Такой же подход транслируется и в новых положениях законодательства (напр., п. 29, п.п. 1) п. 41 ст. 26 ФЗ № 342-ФЗ).

Вместе с тем нельзя недооценивать роль указанных изменений законодательства в борьбе за восстановление имущественного положения землепользователей. Реабилитирующим является положение, согласно которому зоны с особыми условиями использования территорий считаются установленными, измененными со дня внесения сведений о них в Единый государственный реестр недвижимости (п. 24 ст. 106 ЗК РФ). В момент, когда эта норма полностью заработает, будет поставлена точка в споре о том, как обеспечить публичность указанных сведений, отношения с участием правообладателей станут более определенными и прозрачными.

Вопрос эффективной защиты собственности и полного возмещения убытков стоит настолько остро, что в 2020 году им заинтересовался Конституционный суд РФ [10; 11]. Последний признал подпункты 4 и 5 пункта 1 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации и сделал несколько значимых выводов, которые, как нам видится,

должны существенно облегчить доказывание по делу о возмещении убытков. Во-первых, суд подтвердил неоднородность судебной практики, когда споры разрешаются на основе разных по своей природе норм законодательства – от взыскания убытков (ст. 15 ГК РФ) до причинения вреда правомерными действиями органов государственной власти или органов местного самоуправления (ст. 16.1 ГК РФ). Во-вторых, Конституционный Суд РФ указал на необходимость внесения федеральным законодателем изменений в действующее законодательство, направленных на утверждение порядка определения состава и размера убытков, причиненных правомерными решениями органов власти (включая дифференцированный подход применительно к различным основаниям ограничения прав). Детальное описание такого порядка должно изменить подход судебных органов к рассмотрению указанных споров. В-третьих, было указано на то, что до внесения необходимых изменений, основанием для возмещения убытков, причиненных ограничением прав на землю органом государственной власти или органом местного самоуправления по причине правомерного установления или изменения зоны охраны объекта культурного наследия, является само наличие убытков, вызванных правомерными действиями этого органа.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что законодатель провел колоссальную работу по совершенствованию целого массива земельного и градостроительного законодательства, и эти изменения следует оценивать положительно. Следует помнить, что в переходный период права лиц, чьи интересы нарушены установлением ЗОУИТ, защищены не полностью. На наш взгляд, именно они сейчас несут основные риски наступления негативных последствий этого процесса. Основной причиной такого результата стало длительное отсутствие в действующем законодательстве унифицированного механизма придания процедуре установления ЗОУИТ публичности.

Литература

1. О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Текст] : Федеральный

закон от 03.08.2018 № 342-ФЗ // Российская газета. – 08.08.2018. – № 172.

2. О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования осуществления градостроительной деятельности и установления зон с особыми условиями использования территории [Текст] : Заключение Комитета ГД РФ по транспорту и строительству по проекту федерального закона № 302180-7 // ИПС «КонсультантПлюс».

3. О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Текст] : Федеральный закон от 31.12.2014 № 499-ФЗ // Российская газета. – 12.01.2015. – № 1.

4. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и статью 22 Федерального закона «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Текст] : Федеральный закон от 03.08.2018 № 339-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 06.08.2018. – № 32 (Часть II). – Ст. 5132.

5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Закрытого акционерного общества «Научно-производственное объединение «Копейское Агентство Технической Инвентаризации Объектов Недвижимости» на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 56 и 57 Земельного кодекса Российской Федерации и Правил возмещения собственникам земельных участков, землепользователям, землевладельцам и арендаторам земельных участков убытков, причиненных изъятием или временным занятием земельных участков, ограничением прав собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков либо ухудшением качества земель в результате деятельности других лиц [Текст] : Определение Конституционного Суда РФ от 17.06.2013 № 1039-О // ИПС «КонсультантПлюс».

6. Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующими пунктов 1, 2, 7, 14, 17, 18, 21, 47 Правил охраны газораспределительных сетей, утв. Постановлением Правительства РФ от 20.11.2000 № 878 [Текст] : Решение Верховного Суда РФ от 18.09.2013 № АКПИ13-851 // ИПС «КонсультантПлюс».

7. Об утверждении Правил возмещения собственникам земельных участков, землепользователям, землевладельцам и арендаторам земельных участков убытков, причиненных временным занятием земельных участков, ограничением прав собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков либо ухудшением качества земель в результате деятельности других лиц [Текст] : Постановление Правительства РФ от 07.05.2003 № 262 // Собрание законодательства РФ. – 12.05.2003. – № 19. – Ст. 1843.

8. Об утверждении Правил землепользования и застройки города Ростова-на-Дону [Текст] : Статья 38 Решения Ростовской-на-Дону городской Думы от 21.12.2018 № 605 (ред. от 22.06.2021) // Ростов официальный. – 16.01.2019. – № 3.

9. Определение Верховного Суда РФ от 12.12.2018 № 302-ЭС17-18708 по делу № А58-358/2016 [Текст] // ИПС «КонсультантПлюс».

10. Определение Конституционного Суда РФ от 30.06.2020 № 1485-О [Текст] // ИПС «КонсультантПлюс».

11. По делу о проверке конституционности подпунктов 4 и 5 пункта 1 и пункта 5 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. С. Бутримовой [Текст] : Постановление Конституционного Суда РФ от 05.03.2020 № 11-П // ИПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26.11.2018 № Ф01-5084/2018 по делу № А43-21632/2015 [Текст] // ИПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.03.2021 № Ф04-6857/2020 по делу № А46-17903/2019 [Текст] // ИПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 06.04.2021 № Ф06-2463/2021 по делу № А12-1534/2020 [Текст] // ИПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 07.03.2017 № Ф06-17197/2016 по делу № А55-29894/2015 [Текст] // ИПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.03.2018 № Ф06-30775/2018 по делу № А57-12113/2017 [Текст] // ИПС «КонсультантПлюс».

17. Постановление Президиума ВАС РФ от 18.06.2013 № 136/13 по делу № А55-23145/2010 о признании частично недействительным решения Думы городского округа Самара от 08.04.2010 № 885 «О внесении изменений в Правила застройки и землепользования в городе Самаре, утвержденные постановлением Самарской городской Думы от 26.04.2001 № 61» [Текст] // ИПС «КонсультантПлюс».

18. Пункт 3 раздела «Судебная практика по административным делам» Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за IV квартал 2012 года, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10.04.2013 (основан на Определении Верховного Суда РФ от 11.07.2012 № 11-КГП12-9) [Текст] // ИПС «КонсультантПлюс».

19. Рыженков, А. Я. О принципе возмещения вреда, причиненного физическим и юридическим лицам в результате нарушений требований законодательства о градостроительной деятельности [Текст] / А. Я. Рыженков // Юрист. – 2018. – № 4. – С. 25–32.

References

1. On Amendments to the Urban Planning Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation [Text] : Federal Law No. 342-FZ of 03.08.2018 // Rossiyskaya Gazeta. – 08.08.2018. – № 172 [in Russian].

2. On amendments to the Urban Planning Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation in terms of improving the implementation of urban planning activities and the establishment of zones with special conditions for the use of the territory [Text] : Conclusion of the State Duma Committee on Transport

and Construction on the draft Federal Law No. 302180-7 // Information and legal system “ConsultantPlus” [in Russian].

3. On Amendments to the Land Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation [Text] : Federal Law No. 499-FZ of 31.12.2014 // Rossiyskaya Gazeta. – 12.01.2015. – No. 1 [in Russian].

4. On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation and Article 22 of the Federal Law “On the Entry into Force of Part One of the Civil Code of the Russian Federation” [Text] : Federal Law No. 339-FZ of 03.08.2018 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 06.08.2018. – No. 32 (Part II). – Article 5132 [in Russian].

5. About refusal to accept for consideration the complaint of the Closed Joint Stock Company “Scientific and Production Association “Kopeysky Agency of Technical Inventory of Real Estate Objects” on violation of constitutional rights and freedoms by the provisions of Articles 56 and 57 of the Land Code of the Russian Federation and the Rules of Compensation to owners of land plots, land Users, landowners and tenants of land plots of losses caused by the seizure or Temporary Occupation of land plots land plots, restriction of the rights of land owners, land users, landowners and tenants of land plots or deterioration of land quality as a result of the activities of other persons [Text] : Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1039-O dated 17.06.2013 // Information and legal system “ConsultantPlus” [in Russian].

6. On the refusal to satisfy the application for recognition of partially invalid items 1, 2, 7, 14, 17, 18, 21, 47 Rules for the protection of gas distribution networks, approved. Decree of the Government of the Russian Federation No. 878 dated 20.11.2000 [Text] : Decision of the Supreme Court of the Russian Federation No. АКПИ13-851 dated 18.09.2013 // Information and legal system “ConsultantPlus” [in Russian].

7. On approval of the Rules for Compensation to Owners of Land Plots, Land Users, Landowners and Tenants of Land Plots for losses caused by Temporary Occupation of Land Plots, Restriction of the Rights of Owners of Land Plots, Land Users, Landowners and Tenants of Land Plots or deterioration of the quality of land as a result of the Activities of other Persons [Text] : Decree of the Government of the Russian Federation dated 07.05.2003 No. 262 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 12.05.2003. – No. 19. – Article 1843 [in Russian].

8. On the approval of the Rules of land use and development of the city of Rostov-on-Don [Text] : Article 38 of the Decision of the Rostov-on-Don City Duma of 21.12.2018 No. 605 (ed. of 22.06.2021) // Rostov official. – 16.01.2019. – № 3 [in Russian].

9. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 302 dated 12.12.2018-ES17-18708 in case no. А58-358/2016 [Text] // Information and legal system “ConsultantPlus” [in Russian].

10. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 30.06.2020 No. 1485-O [Text] // Information and legal system “ConsultantPlus” [in Russian].

11. In the case of checking the constitutionality of subitems 4 and 5 of paragraph 1 and paragraph 5 of Article 57 of the Land Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I. S. Butrimova [Text] : Resolution of the

Constitutional Court of the Russian Federation of 05.03.2020 No. 11-P // Information and legal system “ConsultantPlus” [in Russian].

12. Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of 26.11.2018 No. F01-5084/2018 in case No. A43-21632/2015 [Text] // Information and legal system “ConsultantPlus” [in Russian].

13. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of 18.03.2021 No. F04-6857/2020 in case No. A46-17903/2019 [Text] // Information and legal system “ConsultantPlus” [in Russian].

14. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated 06.04.2021 No. F06-2463/2021 in case No. A12-1534/2020 [Text] // Information and legal system “ConsultantPlus” [in Russian].

15. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated 07.03.2017 No. F06-17197/2016 in case No. A55-29894/2015 [Text] // Information and legal system “ConsultantPlus” [in Russian].

16. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated 27.03.2018 No. F06-30775/2018 in case No. A57-12113/2017 [Text] // Information and legal system “ConsultantPlus” [in Russian].

17. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 06/18/2013 No. 136/13 in case No. A55-23145/2010 on partially invalidating the decision of the Duma of the Samara City District dated 08.04.2010 No. 885 “On Amendments to the Rules of Development and Land Use in the city of Samara, approved by the resolution of the Samara City Duma dated 26.04.2001 No. 61” [Text] // Information and legal system “ConsultantPlus” [in Russian].

18. Item 3 of the section “Judicial practice in administrative cases” of the Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the IV quarter of 2012, approved. By the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 10.04.2013 (based on the Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11.07.2012 No. 11-KGPR12-9) [Text] // Information and legal system “ConsultantPlus” [in Russian].

19. *Ryzhenkov, A. Ya.* On the principle of compensation for damage caused to individuals and legal entities as a result of violations of the requirements of legislation on urban development [Text] / A. Ya. Ryzhenkov // *Lawyer*. – 2018. – No. 4. – P. 25–32 [in Russian].

Поступила в редакцию 17.01.2022

Received January 17, 2022

Андреева Елена Михайловна,
доктор юридических наук, доцент,
доцент кафедры правовой охраны
окружающей среды, Санкт-Петербургский го-
сударственный университет, 199034, г. Санкт-
Петербург, Университетская наб., д. 7–9,
email: Elenaandreeva09@mail.ru

Andreyeva, Elena M.,
Doctor of Law, Associate Professor,
Department of Legal Protection of the
Environment, St. Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya emb., St. Petersburg,
199034, Russian Federation,
email: Elenaandreeva09@mail.ru

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ ПРАВА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

SUSTAINABLE DEVELOPMENT AS THE BASIS FOR MODERN CONCEPTS OF NATURE MANAGEMENT LAW

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию понятия «устойчивое развитие» в контексте построения новой и современной концепции природопользования. В начале исследования проведена попытка осмысления дефиниции «устойчивое развитие», затем проанализированы основные стратегические документы в области природопользования на предмет внедрения в них концепции устойчивого развития. Автор ставит перед собой две задачи. Первая – изучить обоснованность применения принципа устойчивого развития не только в экологической, но и в других правовых отраслях. Вторая – с учетом выявленного понятия и целей устойчивого развития оценить положительные стороны и недостатки применения его в природоресурсных юридических документах. В результате автор приходит к выводу, что ввиду активного использования понятия устойчивого развития практически во всех отраслях права, значение данной категории нивелируется. Как результат предлагается ограничить применение исследуемой концепции только рамками экологического права. Что касается идей устойчивого развития в документах, регламентирующих природопользование, то они действительно нашли свое достаточно полное отражение в регламентации природопользования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: устойчивое развитие; природопользование; экологическое право; стратегические документы.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Андреева, Е. М. Устойчивое развитие как основа современных концепций права природопользования [Текст] / Е. М. Андреева // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 1. – С. 87–92. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-11.

ABSTRACT. The work studies the concept “sustainable development” in the context of building a new and modern concept of nature management. At the beginning, an attempt is made to comprehend the definition of sustainable development. Then the main strategic documents on environmental management are analysed as to how that concept is introduced in them. The author defines two goals. The first one is to explore the grounds for applying the principle of sustainable development in the environmental and other legal areas. The second one is to assess positive aspects and disadvantages of its implementation in legal documents on natural resources. The author comes to the conclusion that due to active use of the concept of sustainable development in almost all branches of law, the value of this category is diminished. Therefore, she proposes to limit the usage of the concept to the framework of environmental law only. As for the sustainable development ideas in the documents regulating nature management, they are indeed quite fully reflected in nature management regulation.

KEYWORDS: sustainable development; nature management; environmental law; strategic documents.

FOR CITATION:

Andreyeva, E. M. Sustainable Development as the Basis for Modern Concepts of Nature Management Law [Text] / E. M. Andreyeva. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. – 2022. – Vol. 9, No. 1. – P. 87–92(in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-11.

Принцип устойчивого развития (Sustainable development) является сегодня основным и наиболее востребованным в экологическом праве. Собственно, свое происхождение он берет именно из международных документов в сфере окружающей среды. Хотя со временем комментируемое понятие стало популярным и в других областях юриспруденции, в частности, административном, муниципальном, конституционном и даже финансовом праве. Активно оно используется в социальных, управленческих и экономических науках. Как верно отмечают коллеги из Института государства и права РАН Сергей Викторович Королев и Мария Михайловна Мухлынина, устойчивое развитие – это конгломерат различных философских, экологических, социологических, экономических, технологических и других идей, не имеющих единства [3].

Считается, что основы устойчивого развития были весьма приблизительно сформулированы в итоговых документах Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992). Достаточно сказать, что в Декларации ООН по окружающей среде и развитию, принятой по итогам упомянутой конференции, термин «устойчивый» упоминается 12 раз. Хотя справедливости ради следует отметить, что ни названная декларация, ни последующие международные документы определение данного понятия не содержали.

В дальнейшем идея устойчивого развития получила свое закрепление еще в трех главных экологических документах ООН, а именно Декларации тысячелетия ООН (Нью-Йорк, 2000 год); Декларации ООН по устойчивому развитию (Йоханнесбург, 2002 год); Итоговом документе Конференции ООН «Будущее, которое мы хотим» (Рио-де-Жанейро, 2012 год).

В указанных выше международных документах в данный принцип заложены следующие идеи в области экологии и природопользования:

- защита окружающей среды должна составлять неотъемлемую часть процесса развития (Рио-де-Жанейро, 1992);
- рациональное использование природной ресурсной базы (Йоханнесбург, 2002);
- сокращение и искоренение масштабов нерациональной практики производства и потребления (Рио-де-Жанейро, 1992);

- поощрение рациональных моделей потребления и производства (Рио-де-Жанейро, 2012);

- внедрение комплексных и устойчивых методов управления природными ресурсами и экосистемами, которые способствуют сохранению экосистем, их регенерации и восстановлению (Рио-де-Жанейро, 2012). «Комплексное» в документах ООН понимается как единое управление, в котором при принятии экономических решений, воздействующих на окружающую среду, учитывается влияние на все элементы экосистемы;

- обязанность государств сотрудничать посредством обмена научно-техническими знаниями и распространения новых и передовых технологий (Рио-де-Жанейро, 1992);

- ответственность за обеспечение устойчивого развития лежат на *развитых странах* (Рио-де-Жанейро, 1992). Указанное правило объясняется тем, что данные страны наносят наибольший вред природе и одновременно обладают достаточными технологиями и ресурсами для обеспечения устойчивого развития;

- принятие мер по финансированию программ устойчивого развития в развивающихся странах (Нью-Йорк, 2000). Кроме того, эта миссия возложена на богатые страны;

- активизация усилий по лесоустройству, сохранению всех типов лесов (Нью-Йорк, 2000);

- обеспечение защиты окружающей среды при возникновении вооруженных конфликтов (Рио-де-Жанейро, 1992);

- контроль целей устойчивого развития (Йоханнесбург, 2002).

Однако авторы указывают, и с этим следует согласиться, что нет единого критерия или показателя, являющегося стопроцентным свидетельством устойчивости. И, конечно, такое достаточно широкое понимание устойчивого развития в документах ООН, в отсутствие легального толкования данной категории, вызвало общемировую дискуссию о его сущности. При этом мнения о ценности данного понятия диаметрально противоположные. Базовым и повсеместно используемым считается определение устойчивого развития, которое было дано еще до Конференции в Рио-де-Жанейро, Комиссией ООН по окружающей среде и развитию в 1987 году. Так, устойчивое развитие понимается Комиссией как «развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего,

не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности». Вместе с тем с 1987 года взгляды на данное понятие развивались. Так, авторы определяют его так: «общественно-политическая концепция развития человечества, предполагающая гармоничное развитие природы и человека, а именно взаимодействие экономического роста, социального развития и защиты окружающей среды, в целях удовлетворения потребностей существующих и будущих поколений населения всех стран» [5, с. 224]; устойчивое развитие есть «экологически обоснованное экономическое и социальное развитие в интересах настоящего и будущих поколений, а охрана окружающей среды становится его неотъемлемым компонентом» [2]; «потребность жить в прогнозируемых и защищенных условиях, ориентируясь при этом на долговременные цели» [1, с. 164]; «попытка совместить растущую обеспокоенность ряда экологических проблем с социально-экономическими проблемами» [6]. Автором приведены некоторые из многочисленных интерпретаций данного понятия. Однако уже по ним можно судить о различных подходах к пониманию устойчивого развития – от экоцентричных до антропоцентричных. Так, например, есть мнение, что устойчивое развитие есть бессовестно антропоцентрическая концепция [7]. Многие политические деятели и представители бизнеса используют понятие устойчивое развитие в своих целях, например, считая его синонимом «устойчивого роста», в том числе экономического. Приспособление концепции устойчивого развития в техногенных теориях также имеет место быть. Так, устойчивое развитие действительно можно развернуть в сторону технического прогресса, который в какой-то степени может обеспечить межпоколенческую устойчивость. Цифровой мир может заменить человеку многие природные блага, но можно ли считать такую идею устойчивым развитием? Как указывают зарубежные авторы, «расплывчатость концепции и ее теоретических основ позволили использовать фразы “устойчивое развитие” и “устойчивость” в качестве обязательных для политиков и бизнес-лидеров, но, как показал Семинар по устойчивому развитию городов Национального научного фонда США, устойчивость применяется для легали-

зации множества политических направлений – от общинного аграрного утопизма до высокопромышленного и технологичного рыночного развития» [6]. Ж. А. Мингалева обоснованно заявляет: «Говорить о качественном концептуальном структурировании этого понятия не приходится, так же как и о нормализации институциональных подходов к практике устойчивого развития» [4].

Указанное наталкивает на мысль о необходимости определиться с тем, какое значение данный термин имеет в праве? Можно предположить, что это политическая идея, философская концепция, принцип российского или международного права. На наш взгляд, поскольку идея (или принцип) устойчивого развития не имеет универсального легального толкования¹, то она пока не встроена ни в канву российского, ни международного законодательства. Так, КС РФ указал, что норма должна быть формально определенной, четкой, не допускающей расширительного толкования (Постановление от 30.06.2011 № 14-П). Собственно, эта позиция нашла свое отражение и в одном из решений Международного суда ООН, который пришел к выводу, что принцип устойчивого развития является только политическим постулатом, а не конкретным правовым принципом (Решение Международного суда ООН 1997 г. в деле по спору между Венгрией и Словакией).

По мнению автора, попытка расширительного использования комментируемого понятия нивелирует его ценность. В результате оно утрачивает тот смысл, который изначально в него вкладывалось международными экологическими документами. Например, борьба с бедностью, которая также входит в приоритетные направления концепции устойчивого развития, может осуществляться различными способами, в том числе вразрез с интересами окружающей среды. Кажущаяся возможность в данном термине объединить социальную, экономическую и экологическую составляющие кажется утопией.

Поэтому автор предлагает использовать термин «устойчивое развитие» преимущественно в целях регулирования охраны окружающей среды и с осторожностью использовать его в

¹ Именно универсального, поскольку несколько легальных определений данного понятия в российском праве уже дано.

экономике и социологии. При этом устойчивое развитие следует признать такой моделью экономического и социального развития, при которой главенствующей идеей при принятии управленческих решений является охрана и рациональное использование природной ресурсной базы для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений.

Вопреки нашему мнению, принцип устойчивого развития точно сквозит по всему российскому законодательству. Так, проведенный автором мини-анализ показал, что в более чем 1000 нормативных актов Российской Федерации разной юридической силы упоминается термин «устойчивое развитие», при этом в 30 из них он присутствует в названии документа, а в двух нормативных актах дается его определение¹. Как известно, это понятие в настоящее время можно встретить в ВК РФ, ЛК РФ, а также в Законе об охране окружающей среды. Однако в Конституции РФ оно не содержится. Тем не менее складывается впечатление, что упоминание термина «устойчивое развитие» в законодательстве РФ имеет целью отдать дань уважения и создать видимость следования резолюциям ООН, сколь всерьез внедрять этот принцип в российскую действительность.

Что касается применения идеи устойчивого развития в природопользовании, необходимо указать, что из 30 общих *стратегических* документов, в которых прямо или косвенно затронуты вопросы природопользования, только в двух активно реализуется рассматриваемая концепция. Так, в Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, утв. Указом Президента РФ от 01.04.1996 № 440, подтверждена приверженность России глобальному принципу. Тем не менее Концепция принималась в перестройку и очень мягко указывала, что к устойчивому развитию России удастся перейти только после решения насущных экономических и социальных проблем. В этом документе заложены очень важные мысли о понимании отношений человека и природы, а также идеи о путях развития общества и природы. В частности, указывается:

– что государство является гарантом сохранности окружающей среды и экологической безопасности. При этом акцент делается на действенность государственного управления и контроля в области охраны природы;

– на необходимость повышения роли граждан и негосударственных организаций в принятии хозяйственных и иных решений с учетом экологического фактора;

– на важность экологизации экономической деятельности. Данный термин в Концепции не расшифрован, но из нее следует, что это становление новой модели хозяйствования и широкое распространение экологически ориентированных методов управления в купе с рациональным природопользованием.

– на целесообразность введения в хозяйственную деятельность пределов емкости экосистем и критериев оценки этой емкости. Под такой емкостью экологи понимают предел антропогенного воздействия, превышение которого угрожает необратимой деградацией конкретной экологической системы. Очень важно, что в концепции предлагается установить пределы антропогенного воздействия на экосистему, чтобы не допустить ее разрушения;

– на массовое внедрение энерго- и ресурсосберегающих технологий;

– на необходимость создания правовой основы перехода к устойчивому развитию;

– на введение критериев или приоритетов при принятии экологически значимых решений. Например, никакая хозяйственная деятельность не может быть оправдана, если выгода от нее превышает вызываемого экологического ущерба. Отмечается, что ущерб окружающей среде должен быть на столь низком уровне, какой только может быть разумно достигнут с учетом экономических и социальных факторов.

Концепция не имеет сроков действия, планировалось, что в дальнейшем на основании данной концепции будет разработана стратегия устойчивого развития РФ – она так и не была принята.

В Основах государственной политики в области экологического развития до 2030 года, утв. Президентом РФ 30 апреля 2012 г., которые не являются нормативным, однако относятся к стратегическим документам России, поддерживается направление на устойчивое развитие –

¹ Этими документами являются Градостроительный кодекс РФ и Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р «Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года».

т.е. «на решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений». Детали или основные идеи в области природопользования следующие. Во-первых, были установлены 16 принципов, которые можно считать основными началами современной концепции природопользования. Наиболее важными являются научно обоснованное сочетание экологических, экономических и социальных интересов человека, общества и государства; презумпция экологической опасности, планируемой экономической и иной деятельности; запрещение осуществления деятельности, последствия которой непредсказуемы для окружающей среды, а также реализации проектов, которые могут привести к деградации экологических систем, изменению и (или) уничтожению генетического фонда, истощению природных ресурсов и иным негативным изменениям окружающей среды.

Также в комментируемых Основах установлены направления совершенствования, в частности создание непротиворечивой нормативной базы, внедрение экологически эффективных инновационных технологий. Что интересно, то в этих документах появляются все новые, новые термины, определения которым не даны – «экологический бизнес», «емкость экосистемы», «единая технологическая платформа» и т.д.

К сожалению, в ограниченных рамках данной публикации нет возможности детально осветить отражение принципа устойчивого развития во всех, в том числе специальных стратегических документах, тем не менее отметим, что они также содержат мероприятия по его реализации. Единственное, что вызывает некоторую критику, это отсутствие в экологическом законодательстве определения «устойчивое развитие» при широком использовании данной концепции, что может вызвать противоречия в ее реализации в разных сферах природопользования.

На основании проведенного исследования автором предлагается ограничить применение концепции устойчивого развития преимущественно рамками экологического права.

Что касается идей устойчивого развития в документах, регламентирующих природопользование, то они действительно нашли свое достаточно полное отражение в актах природоресурсного законодательства. Между тем, отсутствие в них определения данному понятию может вызвать противоречивые подходы к его применению.

Литература

1. Глухарева, Л. И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование) [Текст] / Л. И. Глухарева. – Москва : Юрист, 2003. – 303 с.
2. Колбасов, А. Д. Правовые вопросы охраны окружающей среды [Текст] / А. Д. Колбасов, О. С. Колбасов // Экспресс-информ. – Вып. 19. – С. 2–4.
3. Королев, С. В. К вопросу обеспечения экологической безопасности в контексте концепции устойчивого развития: сравнительный и международно-правовой аспект [Текст] / С. В. Королев, М. М. Мухлынина // Безопасность бизнеса. – 2021. – № 4. – С. 45–52.
4. Мингалева, Ж. А. Идеи устойчивого развития: «яблоко раздора» или платформа для объединения? [Текст] / Ж. А. Мингалева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. – 2017. – № 6. – С. 19–23.
5. Шакиров, А. Д. О концепции устойчивого развития и ее принципах [Текст] / А. Д. Шакиров // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. – 2011. – Т. 153. – Кн. 1. – С. 217–225.
6. Hopwood, B. Sustainable development: Mapping different approaches [Text] / B. Hopwood, M. Mellor, G. O'Brien // Sustainable Development. – 2003. – № 13(1). – P. 38–52.
7. Global sustainable development: its intellectual and historical roots [Text] / K. Lee, A. Holland, D. McNeill et al. (eds). Global Sustainable Development in the 21st Century. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2000. – P. 31–47.

References

1. Glukhareva, L. I. Human rights in the modern world (socio-philosophical foundations and state legal regulation) [Text] / L. I. Glukhareva. – Moscow : Jurist Publ., 2003. – 303 p. [in Russian].
2. Kolbasov, A. D. Legal issues of environmental protection [Text] / A. D. Kolbasov, O. S. Kolbasov // Express-inform. – Issue 19. – P. 2–4 [in Russian].
3. Korolev, S. V. On the issue of ensuring environmental safety in the context of the concept of sustainable development: comparative and international legal aspect [Text] / S. V. Korolev, M. M. Mukhlynina // Business security. – 2021. – No. 4. – P. 45–52 [in Russian].
4. Mingaleva, J. A. Ideas of sustainable development: “apple of discord” or a platform for unification? [Text] / J. A. Mingaleva // Bulletin of the Moscow University. Ser. 6. Economics. – 2017. – No. 6. – P. 19–23 [in Russian].

5. *Shakirov, A. D.* On the concept of sustainable development and its principles [Text] / A. D. Shakirov // Scientific Notes of Kazan University. Ser. Humanit. science. – 2011. – Vol. 153. – Book 1. – P. 217–225 [in Russian].

6. *Hopwood, B.* Sustainable development: Mapping different approaches [Text] / B. Hopwood, M. Mellor, G. O'Brien // Sustainable Development. – 2003. – № 13(1). – P. 38–52 [in English].

7. Global sustainable development: its intellectual and historical roots [Text] / K. Lee, A. Holland, D. McNeill et al. (eds). Global Sustainable Development in the 21st Century. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2000. – P. 31–47 [in English].

Поступила в редакцию 09.02.2022

Received February 09, 2022

УДК 340.15

DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-12

Оганесян Армен Кароевич,
руководитель департамента
биомедицинских, ветеринарных
и экологических направлений
Сочинского института (филиала) РУДН,
354000, г. Сочи, Центральный район,
ул. Роз, д. 14,
email: armenoid1986@rambler.ru

Oganesian, Armen K.,
Head of the Department
of Biomedical, Veterinary
and Environmental Directions,
Sochi Institute (branch) of RUDN,
14 Roz Str., Central district, Sochi,
354000, Russian Federation,
email: armenoid1986@rambler.ru

ТЕОКРАТИЧЕСКОЕ ПРАВОПОНИМАНИЕ Н. А. ЗАХАРОВА

THEOCRATIC LEGAL UNDERSTANDING OF N. A. ZAKHAROV

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются взгляды и идеи теократического характера видного русского правоведа Николая Алексеевича Захарова (1883–1928). Автор делает вывод, что в концепции царской власти, разработанной правоведом, лежит уважение к свободе личности, достоинству и правам человека, свойственным христианской правовой культуре. С другой стороны, важным следует признать и уважение Н. А. Захарова к традициям народа, его обычаям и нравам, сформированным на религиозной почве. Синтез этих двух измерений государства и права позволил ученому создать оригинальную концепцию самодержавия в России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правовые учения; теократическое правопонимание; правосознание; теократия; государственно-правовой идеал; правовые ценности.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Оганесян, А. К. Теократическое правопонимание Н. А. Захарова [Текст] / А. К. Оганесян // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 1. – С. 93–98. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-12.

ABSTRACT. The work examines theocratic views and ideas of prominent Russian jurist Nikolai Alekseyevich Zakharov (1883–1928). The author concludes that the concept of tsarist power, developed by the jurist, is based on respect for individual freedom, dignity and human rights, inherent in Christian legal culture. On the other hand, it is also important to recognise Zakharov's respect for the people's traditions, customs and mores, formed on religious grounds. The synthesis of these two dimensions of the state and law allowed the scientist to create an original concept of autocracy in Russia.

KEYWORDS: legal doctrines; theocratic legal understanding; legal consciousness; theocracy; state-legal ideal; legal values.

FOR CITATION:

Oganesian, A. K. Theocratic Legal Understanding of N. A. Zakharov [Text] / A. K. Oganesian. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 1. – P. 93–98 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-12.

Наиболее ярким и последовательным теоретиком самодержавной теократии и теократического правопонимания следует признать Николая Алексеевича Захарова (1883–1928). Его работа «Система русской государственной власти» посвящена одной из самых серьезных и сложных теоретических проблем отечественного государственного права после 1905 года: по какому пути развиваться монархической форме правления и на какой основе строить систему распределения государственной власти и ее ветвей [4].

О биографии Н. А. Захарова известно крайне мало; важно учесть, что мыслитель был сторонником консервативных концепций государства и права, но однозначно не приветствовал ни славянофилов, ни западников, полагая, что исследовать русское государственное право необходимо вне сопоставления с кем-либо [6]. Его учителем был, вероятнее всего, Петр Евгеньевич Казанский (1866–1947), один из самых известных правоведов дореволюционной и послереволюционной России, юрист-международник и государствовед, декан юридического факультета Императорского Новороссийского университета. Ему принадлежит заслуга обобщения всех известных на период 1900–1913 годов учений о самодержавной власти, с выделением главного – смысла Основных законов и государственно-правовых традиций русского народа. Своей целью он ставил изучение правовых аспектов самодержавной власти.

Н. А. Захаров окончил Новороссийский университет и в начале 1910-х годов преподавал в Практической восточной академии Санкт-Петербурга. Помимо исследований в области государственного права, Захаров отличился и глубокими работами в сфере международного права [1–3]. Конец карьеры ученого приходится на период его работы в Краснодаре в двух вузах: Кубанском сельскохозяйственном и Кубанском педагогическом институтах.

Ученый в основу своего исследования самобытности государственной власти и государственного права России положил идеи, которые были весьма распространены благодаря работам исторической школы права – Гуго, Савиньи и Пухты, хотя прямо на них он не ссылаясь. Дело в том, что в Германии критика естественно-правовых концепций правового государства была построена на апелляции к

национальному историческому опыту государственно-правового строительства: без опоры на народный дух, правовой менталитет и народный правовой обычай никакая власть не может твердо и последовательно осуществлять государственно-правовое строительство. Не следует воспринимать как святыню концепции юридических понятий, составленных иностранными учеными, полагает Н. А. Захаров [4]. Более того, робость перед западными теориями и отсутствие самостоятельных концепций крайне вредит отечественной науке, полагал мыслитель. Наука должна рассматривать не только западные модели, но и иные виды в качестве теоретических моделей. В противном случае наука рассматривает вместо того, что есть, то, что должно быть. Каждое государство, как и каждая личность, полагает ученый, имеет право на свободное развитие и наличие индивидуальных особенностей, а в расчет государственно-правового моделирования необходимо включать особенности быта и национальной психологии [4].

Автор сочинения о государственном праве России и государственной власти с точки зрения разграничения юридических полномочий и обязанностей исходит из обстоятельства, которое зачастую игнорируется представителями юридической науки, концентрирующими внимание на внешних, формально-юридических особенностях регулирования власти. Отечественных правоведов Захаров рассматривал и критиковал в контексте излишней увлеченности новейшими теориями и оторванности юридических конструкций от реальной жизни в силу поклонения перед успехами западной правовой мысли. Захаров не согласен был с идеями Руссо, Монтескье, Канта и либеральных ученых о необходимости в каждом государстве наличия системы трех ветвей власти. Ученый настаивал на том, что модель разделения властей необходимо строить не на универсализме западных моделей правового государства либерального толка, а на основе собственного богатейшего опыта политической и правовой культуры. Он, помимо трех ветвей власти, привычных для теоретиков государственного права начала XX века, выделил еще и власть самодержавную. Самодержавная власть, в его понимании, является результатом многовекового развития отечественной государствен-

ности, коренится в истории нашего права. Наука государственного права не должна идти по пути слепого копирования тех основных принципов, которые лежат в основе западных европейских государств, но обязана учитывать национальный психологический опыт, правосознание своего народа.

Правовед полагал необходимым исследовать государственный строй в неразрывном единстве с национальной историей. При этом следует учитывать характер русской государственной власти и тех влияний, которые определяли ее восприятие. Русская система государственной власти в учении Захарова предстает результатом развития и влияния Византийской идеи императорской власти – идеи религиозной автократии, получившей духовное и нравственное обоснование в сочинениях русских книжников и летописцев: «монархизм, как единственно возможная основа государства, составлял фундамент политического мирозерцания древнего книжника, воспитанного и выросшего на византийских идеалах государственного устройства» [4, с. 41].

Если на Западе существовал феодализм, который возник в результате борьбы короля с аристократией, с крупными землевладельцами, то в России княжеская власть, базирующаяся на основе наследственной вотчины, не носила на себе отпечаток борьбы классов, вражды между королем и феодалами, а также Папой Римским и королями. В России власть была основана на особом характере поземельных отношений, имевших частнопроводную или даже семейно-правовую форму организации, что еще более усиливало восприятие государства как большой семьи. Московские и иные князья воспринимали наследованную и приобретенную землю как личную собственность, которую они могут передавать по наследству своим сыновьям. Иными словами, они воспринимали Русь как свою отеческую землю, землю, переданную им отцами. Впоследствии за верную службу земля передавалась наиболее верным служителем государя, поэтому помимо вотчинного владения возникает поместье. «Это смешение национального частнопроводного характера власти и византийского религиозного автократизма и легло в основание нашей идеи о Верховной власти и нашем государственном строе» [4, с. 41]. Что касается различных обя-

занностей государя, то они проистекали из религиозного принципа. Отечественное самодержавие развивалось вплоть до XVII столетия под влиянием двух начал: поземельного и религиозного. При этом первое зависело от второго, теократического понимания власти. «Царь с точки зрения общенародного представления не есть исключительно господин, как это существовало на Западе, а вместе с тем отец и благодетель своих подданных, – такой взгляд существовал на московского царя и так народ смотрел, например, еще на Иоанна Грозного» [4, с. 50]. Теория царской власти строилась на трех идеях: восточно-византийского представления о неограниченности власти, общегосударственного всеобщего тягла и церковного благословения, возвышавшего в глазах населения царя над уровнем обыкновенных людей. Западная абсолютистская монархия постепенно стала монархией эгоизма и защитницей классовых интересов, а в России монархией альтруизма без различия классов. Самодержавие мыслится как антитеза западному своеволию и самочинию.

Родовая аристократия в России развивалась на принципе служения Богу и государю, а на Западе родовая аристократия развивалась на основе конкуренции с королевской властью. Поэтому два разных принципа формировали правовую культуру и государственное право. Данная система начала рушиться только при Екатерине II, освободивший дворян от обязательной службы.

Говоря о самодержавной власти, Захаров акцентирует внимание на том, что данное понятие нельзя рассматривать только как координирующую власть. По его мнению, самодержавная власть является основной и единственной, которая может спасти государство в чрезвычайной момент государственной жизни. Именно в такие периоды верховная власть принимает на себя абсолютную диктатуру в процессе принятия решений, так как в противном случае любое промедление и консультации могут привести к гибели государства.

Надо отметить, что эту идею Захаров сформулировал задолго до появления политической теологии Карла Шмитта. В его учении о суверенитете центральное место занимает вопрос о том, кто принимает решение о чрезвычайном положении. Кроме того, значим и вопрос об

исключительном случае. Данные понятия необходимы для постижения природы государственной власти и права. «Чрезвычайное положение имеет для юриспруденции значение, аналогичное значению чуда для теологии» [9, с. 57]. Исключительный случай, как случай, не зафиксированный в действующем праве, который может быть либо чрезвычайным, либо крайне необходимым, либо угрожающим безопасности государства, актуализирует вопрос о суверенитете и его носителе.

Самодержавная власть в учении Захарова не может быть полностью определена юридическими терминами, так как представляет собой учредительную, примиряющую, олицетворяющую государство власть. Кроме того, в жизни каждого государства случаются исторические моменты, когда кто-то должен взять на себя высшую ответственность за принятие решений. Данная концепция самодержавной власти едина с концепцией царской прерогативы, о которой писал Лев Тихомиров: именно государь отвечает за выход и поиск решения чрезвычайных ситуаций [8, с. 23]. В обычном порядке царская прерогатива не нужна, но каждое государство, попадая в чрезвычайные ситуации, нуждается в оперативном государственном управлении. В этих чрезвычайных обстоятельствах особенно явно проявляется персонификация категории суверенитета. В условиях нарушения обычного и предусмотренного законами хода развития событий требуются творческие нестандартные решения, не предусмотренные и не прогнозируемые действующим законодательством. Именно в эти моменты верховное правотворчество государя становится спасительным для государства, хотя бы оно и не было соответствующим юридическим процедурам.

Власть государя императора в учении Захарова имеет божественное освещение. Неограниченность и верховенство этой власти вытекает из ее сущности.

Будучи юристом по способу мысли, Захаров отвергал романтически-идеалистические и антиформалистские убеждения М. Н. Каткова, который полагал, что истинная конституция находится в душе каждого русского человека и душе царя, в виде возложенной на него Творцом обязанности вести свой народ к благоденствию, а на каждого подданного возложена обя-

занность помогать Царю в выполнении данной обязанности. Не отрицая данного убеждения, Захаров полагал, что «как бы возвышенны ни были в сознании народа эти идеи, они получают большую силу после того, как будут облечены в формы конституционных постановлений. В Основном законе должны существовать нормы, защищающие строгую определенность действий подчиненных самодержавной власти властей, чтобы не допускать смут и замешательств» [4, с. 119].

Критикует Захаров и взгляды еще одного противника правовой регламентации власти – А. А. Киреева, который в одной из своих работ «Россия в начале XX века», видя, в какое неопределенное состояние пришла страна, и взывая к старым Земским соборам, указывал: «Мы пришли к распутью: мы должны избрать тот или другой путь – или опрокинуться в конституцию, в правовой порядок и погибнуть, перестать быть великою, святой Русью, или “вернуться домой”» [5, с. 141]. Стоит здесь указать и на еще одного критика конституций – С. Ю. Витте, который называл в статье «Самодержавие и земство» в 1901 году конституцию «великой ложью нашего времени». Захаров видит корень этого неприятия в интуитивном отторжении не подкрепленных исследованиями национального права западных конструкций. Решение проблемы видит он в закреплении в конституционных проектах оснований, «добытых из всего исторического развития народа» [4, с. 136]. В конституции должен быть отражен народный дух, народная вера. Самодержавие и конституция в его учении не исключают друг друга.

По мнению ученого, глубоко заблуждаются те правоведы, которые основывают свое понимание права на идее принуждения и грубой силы. Чем выше уровень культуры в государстве, тем меньше в праве принуждения. В тех государствах, где господствует право, нет места силе, а есть место высокому уровню психологического одобрения права и его верховенство, так как «все развитие культуры стремится к тому, чтобы силу заменить правом» [4, с. 153]. «Вместо силы существует другой принцип: правосознание ориентируется на принцип христианского учения об отношениях к ближнему, служит основанием для культурной жизни» [4, с. 154].

В учении Н. А. Захарова индивидуальное правосознание зависит от развития культуры: чем оно более развито, тем более оно связано и обусловлено христианскими нравственными нормами и ценностями. Ученый полагает, что договорная концепция конституции основывается на идее морального дуализма: «Дуалистическая конституция – является конституцией соотношения сил, известного соревнования и борьбы, и ошибочен взгляд на существование этого ревнивого дуализма в наших основных законах» [4, с. 154]. Ее единство и строго унитарный характер обусловлены целостностью суверенитета, неделимого и сосредоточенного в личности царя. Принцип согласия между царем и народом, построенного на общей нравственной системе понятий и ценностей, позволяет говорить о русской конституции как «унитарной», а не «дуалистической», конкурентной. Постепенно, полагает Захаров, элемент принуждения вообще исчезнет с дальнейшим развитием правовой культуры и правосознания.

Царская власть, несмотря на свой православный источник происхождения, в понимании Захарова, должна быть выше всех частных интересов и всех соединять в единое государство. Ученый симпатизирует словам С. Н. Трубецкого – «не царь дворян, не царь крестьян или купцов, не царь сословий. – а царь всея Руси», сказанным им 6 июня 1905 года перед Государем Императором, и отмечает: «Такая власть, стоящая выше каких бы то ни было классовых, сословных и фанатично-религиозных интересов, власть, руководимая в своих движениях целесообразностью и моральным чувством, не может не существовать в разноплеменном государстве как охранительница целостности политического общества» [4, с. 167]. Полагаем, что такой вывод о монархе мог сделать только христианин, так как христианский царь не может выступать в качестве обязывающего всех подданных к исповеданию своей веры в силу глубинного уклада свободы в сердцевину христианского мировоззрения.

Всякое государство, по мнению Захарова, нуждается в существовании власти нейтральной, уравнивающей, располагающейся выше всех интересов и конфликтов. Эта власть, воплощающая в себе суверенитет, ограничивает себя внутренними импульсами пользы народа и целесообразности действий для государства.

Власть самодержавная главенствует в суде, законодательстве и управлении: «Самодержавие есть объединение всех стихий властвования в лице одного наследственного русского царя, олицетворяющего собой единую нераздельную Россию, охраняющего все ее исторические национальные традиции» [4, с. 324]. Это власть последнего решения, суть которого в неизменяемости и самостоятельности принятого акта, особенно важного в периоды затруднительные, исключительные.

Интересен вопрос о церковных полномочиях русского царя. Он в период начала XX века был носителем и органом высшей власти в Русской православной церкви, а его церковная власть считалась «частью или одним из направлений высшей государственной власти», согласно Е. Н. Темниковскому [7, с. 38, 40, 79–80]. Согласно Основным законам Российской империи, статье 64, Государь Император – защитник и хранитель догматов веры, и в этом смысле он есть глава Церкви, полагает Н. А. Захаров. В его задачи входит сохранение целостности и чистоты догматов православной веры. При этом, в отличие от Англиканской церкви, русский монарх не связан законодательным статутом, санкционирующим учение и обряды, изменять который без парламента невозможно. Исходя из того, что в России вся церковная власть носит характер управления, а не законодательства, русский царь признается и главой церковного управления. Так что русский царь был главой земной Церкви.

Литература

1. Захаров, Н. А. Курс общего международного права [Текст] / Н. А. Захаров. – Петроград, 1917.
2. Захаров, Н. А. Наше стремление к Босфору и Дарданеллам и противодействие ему западноевропейских держав [Текст] / Н. А. Захаров. – Петроград, 1916.
3. Захаров, Н. А. Система русского государственного права [Текст] / Н. А. Захаров. – Новочеркасск, 1912.
4. Захаров, Н. А. Система русской государственной власти [Текст] / Н. А. Захаров. – Репринт. изд. – Москва, 2002. – 390 с.
5. Киреев А. А. Россия в начале XX столетия [Текст] / А. А. Киреев. – Санкт-Петербург, 1903.
6. Смолин, М. Б. Энциклопедия имперской традиции русской мысли [Текст] / М. Б. Смолин. – Москва : Имперская традиция, 2005. – 447 с.
7. Темниковский, Е. Н. Положение Императора Всероссийского в Русской Православной Церкви в связи с

общим учением о церковной власти [Текст] / Е. Н. Темниковский // Юридические записки Демидовского юридического лица. – 1909. – Вып. 1.

8. *Тихомиров, Л. А.* Монархическая государственность [Текст] / Л. А. Тихомиров. – Санкт-Петербург : АО «Комплект», 1992. – 674 с.

9. *Шмитт, К.* Политическая теология. Сборник [Текст] / К. Шмитт ; пер. с нем. – Москва : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2000. – 333 с.

References

1. *Zakharov, N. A.* Course of general international law [Text] / N. A. Zakharov. – Petrograd, 1917 [in Russian].

2. *Zakharov, N. A.* Our desire for the Bosphorus and the Dardanelles and the opposition of the Western European powers to it [Text] / N. A. Zakharov. – Petrograd, 1916 [in Russian].

3. *Zakharov, N. A.* The system of Russian state law [Text] / N. A. Zakharov. – Novocherkassk, 1912 [in Russian].

4. *Zakharov, N. A.* The system of Russian state power [Text] / N. A. Zakharov. – Reprint. ed. – Moscow, 2002. – 390 p. [in Russian].

5. *Kireev A. A.* Russia at the beginning of the XX century [Text] / A. A. Kireev. – St. Petersburg, 1903 [in Russian].

6. *Smolin, M. B.* Encyclopedia of the Imperial Tradition of Russian Thought [Text] / M. B. Smolin. – Moscow : Imperial Tradition Publ., 2005. – 447 p. [in Russian].

7. *Temnikovsky, E. N.* The position of the Emperor of All-Russia in the Russian Orthodox Church in connection with the general doctrine of church authority [Text] / E. N. Temnikovsky // Legal notes of the Demidovsky Legal Lyceum. – 1909. – Issue 1 [in Russian].

8. *Tikhomirov, L. A.* Monarchical statehood [Text] / L. A. Tikhomirov. – Saint Petersburg : JSC “Komplekt”, 1992. – 674 p. [in Russian].

9. *Schmitt, K.* Political theology. Collection [Text] / K. Schmitt ; translated from German. – Moscow : Canon-press-C : Kuchkovo Pole Publ., 2000. – 333 p. [in Russian].

Поступила в редакцию 06.02.2022

Received February 06, 2022

УДК 340.15

DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-13

Краковский Константин Петрович,
доктор юридических наук, профессор
кафедры государственно-правовых
дисциплин Высшей школы правоведения
Института государственной службы и
управления Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации,
119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 84,
e-mail: kp.krakovskiy@igsu.ru

Krakovskiy, Konstantin P.,
Doctor of Law, Professor, Department of
State-Legal Studies, Higher School of Law of
the Institute of Public Administration and
Management of the Russian Academy of National
Economy and Public Administration under the
President of the Russian Federation,
84 Vernadsky Ave., Moscow, 119571,
Russian Federation,
e-mail: kp.krakovskiy@igsu.ru

НЕИЗВЕСТНЫЕ РАБОТЫ ВЕЛИКОГО МЕЧТАТЕЛЯ (К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГРАФА М. М. СПЕРАНСКОГО)

UNKNOWN WORKS OF A GREAT DREAMER (TO THE 250TH ANNIVERSARY OF COUNT SPERANSKIY)

АННОТАЦИЯ. В статье представлены неизвестные ранее юридические произведения выдающегося государственного деятеля России графа М. М. Сперанского, извлеченные из его фонда в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право; обязанность; справедливость; правда; закон.

ABSTRACT. The paper is devoted to previously unknown legal works by count M. M. Speranskiy, an outstanding Russian statesman. They were taken from the Manuscripts Department of the Russian National Library.

KEYWORDS: right; duty; justice; truth; law.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Краковский, К. П. Неизвестные работы великого мечтателя (К 250-летию со дня рождения графа М. М. Сперанского) [Текст] / К. П. Краковский // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 1. – С. 99–108. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-13.

FOR CITATION:

Krakovskiy, K. P. Unknown Works of a Great Dreamer (To the 250th Anniversary of Count Speranskiy) [Text] / K. P. Krakovskiy. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU.* – 2022. – Vol. 9, No. 1. – P. 99–108 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-13.

О личном. У каждого гражданского историка, историка русского права, как выдающегося, так и рядового, есть свой «любимый» период, любимые исторические личности: С. В. Юшков любил Киевскую Русь, академик Л. В. Черепнин – XVI–XVII вв., П. А. Зайончковский – XIX в. Проф. А. А. Зимин много писал об Иване Грозном, Н. И. Павленко – о Петре I, Н. Я. Эйдельман – о декабристах ... и т. д.

Ровно пятьдесят лет назад, будучи студентом-первокурсником юридического факультета РГУ (ныне – Южный федеральный университет), автор этого материала обозрел вывешенный на стене плакат с темами курсовых работ. Прочитал: «Кодификация М. М. Сперанского». Зацепило – не знал, что такое кодификация и кто такой Сперанский. Прочитал несколько работ, написал курсовую, которую высоко оценила кафедра, но главное, «влюбился» в Сперанского, и с тех пор он – мой главный исторический герой¹.

В книге известного американского историка-россиеведа Р. Пайпса «Россия под властью царей» названы имена двух главных государственных деятелей в истории России (цари не в счет): Столыпин и Сперанский. Американский историк ставит на первое место премьера. Я с ним категорически не согласен: Сперанский и по реально сделанному для Российского государства, и по размаху проектов стоит реально выше П. А. Столыпина.

Вся просвещенная Россия читала вышедшую в 1861 г. двухтомную «Жизнь графа М. М. Сперанского», написанную Модестом Корфом, его учеником, сподвижником, коллегой (кстати, выпускником Царскосельского лицея, – первый, «пушкинский» выпуск – созданного по инициативе и при деятельнейшем участии все того же М. М. Сперанского). Н. Г. Чернышевский написал рецензию на эту книгу, назвав Михаила Михайловича не великим бюрократом, не выдающимся реформатором, не знаменитым юристом, а... «мечтателем». И это, как, впрочем, и предшествующие характеристики, верно! Преемники Александра I на российском престоле в течение всего столетия реали-

зовывали шаг за шагом великий конституционный проект М. М. Сперанского, названный В. О. Ключевским «политической мечтой».

Историография работ о жизни и деятельности М. М. Сперанского достаточно велика², и мы не ставим в данном случае задачу обзора работ или историческое описание каких-то страниц его биографии.

Не менее интересна библиография (посмертных) *изданий его работ* (статей, трактатов, проектов, официальных записок, частных и официальных писем и т. д.). Уже к столетию со дня рождения М. М. Сперанского вышла первая достаточно солидная книга «В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872» (под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1872. 855 с.). И с тех пор с завидной регулярностью издавались отдельные труды великого мыслителя и государственного деятеля или их сборники. Однако примечательной чертой изданий было то, что, как правило, перепечатывались одни и те же сочинения (мы в данном случае имеем в виду юридические произведения М. М. Сперанского).

Изданные в советское время «Проекты и записки» (под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1961), преимущественно юридические произведения Сперанского, уже ранее опубликованные, в том или ином сочетании повторялись в последующих изданиях (примерно 20–25 работ)³.

Действительно, это были такие обширные и глубокие сочинения, как «Руководство к познанию законов», «Обозрение исторических сведений о своде законов», «О коренных законах государства», «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений», «О духе правительства», «Введение к Уложению государственных законов». Однако даже если говорить только о юридических произведениях М. М. Сперанского, их перечень значительно шире.

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге в личном

² См. библиографический список работ о М. М. Сперанском, причем уже к нынешнему дню значительно расширившийся, в книге: *Сперанский М. М.* Руководство к познанию законов. – СПб.: Наука, 2002. – С. 661–672 (сост. И. Д. Осипов).

³ См., напр.: *Сперанский М. М.* Руководство к познанию законов. – СПб.: Наука, 2002; *Сперанский М. М.* Юридические произведения. – М.: Зерцало, 2008; *Сперанский М. М.* Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010; *Сперанский М. М.* Избранное. – М.: Статут, 2013, и др.

¹ В сентябре 2009 г. Юридическому лицезу при РГУ, основанному в 1992 г. автором этого материала, по его инициативе решением администрации г. Ростова-на-Дону было присвоено имя графа М. М. Сперанского.

фонде Сперанского (Ф. 731), образованном из документов, переданных библиотеке¹ его дочери еще в середине XIX в.², а также иных источников, насчитывается 2340 единиц хранения, охватывающих период с 1788 по 1848 г. Даже если учесть, что примерно половина документов – это писарские копии, то все же более 1000 дел (работ) – это авторские произведения М. М. Сперанского.

Составитель фонда классифицировал работы М. М. Сперанского по тематике, и юридические произведения – это более 850 единиц хранения (дд. 902–1760), т. е. порядка **400 юридических произведений**, с учетом того, что, наряду с рукописями самого Михаила Михайловича, имеются писарские копии этих работ.

В марте 1916 г. секция Русской истории Исторического общества при Петроградском университете начала работу по подготовке к публикации произведений из фонда М. М. Сперанского в библиотеке. Она работала до 1919 г. и издала только один том из запланированных четырех³. Это была просто опись бумаг фонда.

Автор настоящего материала, при участии и разнообразной поддержке канд. филос. наук Д. А. Буклова, кстати, выпускника Юридического лица имени М. М. Сперанского, затем юридического факультета РГУ, а ныне преуспевающего столичного юриста, решил продолжить дело Комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М. М. Сперанского и издать неопубликованные ранее юридические произведения М. М. Сперанского. Настоящую публикацию в журнале мы рассматриваем в качестве анонса к книге.

О фонде № 731. Рукопись каждого произведения М. М. Сперанского, хранящаяся в его фонде ОР РНБ, как правило, представляет собой черновой автограф, написанный карандашом. Читать эти рукописи весьма трудно, т. к. почерк автора был чрезвычайно неразборчив. К счастью, все работы, написанные рукой М. М. Сперанского, имеют писарскую копию. Большинство копий было сделано личными

¹ Кстати, в тот момент директором библиотеки был тот самый М. А. Корф, биограф М. М. Сперанского.

² См.: Каталог фонда М. М. Сперанского / сост. М. Я. Стецкевич. – Ленинград, 1962.

³ Опись бумаг М. М. Сперанского 1812 года, изд. под ред. Н. В. Голицына. – Петроград, 1916. (Труды Комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М. М. Сперанского; вып. 1). – 56 с.

Портрет М. М. Сперанского (1823 г.). Рис. П. Бореля

секретарями М. М. Сперанского – К. Г. Репинским и Н. М. Старцовым. Многие из этих копий были сделаны при жизни М. М. Сперанского и даже имеют его собственноручные пометки.

Автор этого материала, как, уверен, и многочисленные исследователи фонда № 731, не раз помянули добрым словом секретарей Михаила Михайловича, сделавших доступными для прочтения его работы.

Большая часть произведений, которые мы копировали, не имеют датировки, либо систематизаторы фонда сделали предположительную датировку, которую мы используем. Подавляющее большинство работ занимают несколько страниц, часто это были «заметки», записи мыслей, которые приходили в голову автора и которые он фиксировал на бумаге.

Определенную сложность представляло то, что во многих произведениях содержатся вкрапления (от нескольких слов до нескольких страниц), а также термины на французском, реже на английском, а также на латинском языках. Следовало найти адекватный современный перевод. Все сноски с переводом иностранных слов сделаны автором настоящего материала.

В настоящем материале, представленном для журнала «Вестник юридического факультета ЮФУ», мы *впервые* публикуем четыре юридических произведения М. М. Сперанского из его личного фонда в ОР РНБ (Ф. 731). Мы полностью сохраняем лексику автора работ, чтобы читатель насладился живым языком великого М. М. Сперанского. Подчеркивание слов в ряде мест – авторские. Нами установлено, что

в некоторых случаях изготовители копий были «не безгрешны», допускали орфографические, стилистические ошибки, либо в случаях трудно читаемого текста оригинала (а почерк Михаила Михайловича действительно был трудночитаем) вставляли слова по своему разумению. Иногда это приводило к утрате текстом логики. Мы не решились их исправлять, отдав это дело на откуп читателю.

Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839)

Обязанность и право¹

Признаки взаимной самостоятельности под общей властью составляют право токмо во власти и обладании по договорам, ибо само сие признание есть договор. В нем всегда есть три лица из коих одному обе стороны подвластны. Но во власти родительской нет третьего лица; нет договора, следовательно, не было бы и права. Следовательно, должно быть другое значение права, кроме первого.

Обязанность – есть нравственная необходимость действовать в данном случае не по своему произволу, хотя бы то было и в свою пользу. Откуда бы нравственная необходимость не происходила, но где она есть, там есть обязанность. Власть требовать исполнения сей обязанности есть право, различное начало сей необходимости устанавливает различие и в праве.

В договорах сия необходимость происходит:

1. от согласия (взаимного признания самостоятельности) и притом;
2. от нравственной силы третьего лица, коей оба договорившихся подвластны. Но если каждый из них подвластен: то каждый ей обязан; следовательно на каждого он имеет право. – Откуда же сие право? Где тут третье лицо?

Нравственная сила, укрепляющая согласие, может находиться или в одном из лиц соглашающихся, или в лице постороннем.

Отсюда два права: одно первообразное, другое производное.

Первообразное право происходит от признания в одном и том же лице не самостоятельности токмо, но вместе и нравственной силы², коей действие равно силе физической. Оно есть власть определять своей самостоятельностью внешние действия воли другого посредством согласия, укрепленного нравственной необходимостью; а обязанность первообразная есть признание сей власти и нравственная необходимость поступать сообразно оной.

Право производное есть также власть определять действие другого посредством согласия, укрепленного нравственной необходимостью, коей начало находят не в нас, но в третьем лице, имеющем первообразное право.

Право Государственное Державное и право семейственное и есть право первообразное; а право гражданское или частное – есть право производное.

Из сего видно:

1. что право производное утверждает всегда на праве первообразном;
2. что оно предполагает всегда три лица, из коих одно имеет первообразное;
3. что право первообразное возникает там, где начинается действие нравственной силы и сознание нравственной необходимости;

¹ ОР РНБ. – Ф. 731 (М. М. Сперанский). – Д. 1229. – Без даты. Писарская копия.

² Нравственная сила есть право состояния (сноска авторская).

4. что оно предполагает два лица, из коих в одном, сверх его самостоятельности находится нравственная сила, а в другом признание сей силы и чувство необходимости ей покоряться;
5. что согласие в общих случаях в существе своем не что иное есть, как признание самостоятельности, ибо без сего признания не было бы причины соглашаться, т. е. ограничивать свою волю по существу ею не определенную.

Есть еще третий вид права: изъятие от обязанности (*privilegiae*¹). Оно не есть власть над другими, но власть над собою, степень самостоятельности, признанной тем, кто имеет право первообразное и нравственную силу в самом себе; степень действия сей нравственной силы, определенной или взаимным согласием лица, имеющего нравственную силу и лица, ей покоряющегося в известной мере, или собственным произволом, и добровольной уступкой первого в пользу второго. И, следовательно, оно не есть собственно право второго, но степень права первого, так что превышение сей степени есть уже не право, не действие силы нравственной, но действие силы физической.

Таким образом, право в третьем его виде разрешает (*видимо, описка. – К. К.*) на право первообразное и есть не что иное, как вид или степень одного, определенный или взаимным согласием или добровольной уступкой лица, имеющего нравственную силу. Оно именуется правом того, в чью пользу сделана сия уступка не собственно, но по сравнению с другими, не имеющими сей уступки; собственно же оно есть степень права первого и степень обязанности второго. Оно есть преимущество одного лица пред другими в степени самостоятельности в отношении к другому лицу, коему она в том же роде обязанности подвластна, но в разных степенях.

Следовательно, с правом не должно смешивать преимущества (*privilegia*). Преимущества суть силы положительные или отрицательные.

Отрицательные, представленные выше, состоят в известном от общего правила обязанностей; положительные состоят в изъятиях от общего правила запрещений. Так, например, служить по своей воле есть изъятие из правила службы, есть преимущество отрицательное – приобретать людей в личное укрепление, есть изъятие из общего правила – никого никому не укреплять и не передавать укреплений, кроме наследства.

Справедливость²

Есть ли бы (*если бы. – К. К.*) не было совершенной справедливости, то нельзя было бы определить и справедливости относительной. Нельзя было бы установить точное различие справедливого и несправедливого.

Но что есть совершенно справедливое? То, что с наибольшею свободою всех сообразно, что всем дозволяет по мере сил каждого стремиться и достигать совершенства.

Что есть относительно справедливое? То, что сообразно с наибольшею свободою всех лиц данного сообщества. Следовательно, есть справедливость

- семейственная, общественная, гражданская,
- общественная государственная,
- справедливость всенародная,
- справедливость рода человеческого,
- справедливость всех существ разумных.

Чем различается справедливость низшая от высшей степени уравнивания (*equite*³). Справедливость общественная уравнивала семейства, всенародная уравнивала общественную, и так далее...

Правда совершенная и всеобщая состоит в начале всеобщего и совокупного совершенства, в том, 1) что все существа разумные и свободные предназначены от Бога к достижению совершенства, и 2) что сего совершенства нельзя никому достигнуть отдельно – но всем совокупно, и, следовательно, всякое препятствие к совершенству, поставляемое нами другим, поставляется нам самим.

¹ Привилегия (лат.).

² ОР РНБ. – Ф. 731. – Д. 1320. – Писарская копия. Б. д.

³ Справедливость (франц.).

Сие начало выражается разнообразно, но лучшая и высшая есть любовь Бога и ближнего, или иначе: любовь не есть чувство выбора и произвола, но есть необходимое условие всякого стремления к совершенству. Сия то правда именуется правдою Божию.

Правда относительная, человеческая состоит в начале совокупного достижения того вида совершенства, той цели, какая предполагается в данном обществе.

Человек принадлежит к трем обществам:

- 1) к семейству,
- 2) к Государству,
- 3) к составу Государства.

По сему нравственная власть его над собою и другими может быть соображаемы или с пользою одного из сих обществ, исключительно или с пользою всех в совокупности. В первом случае деяние справедливое в отношении к семейству может быть несправедливо в отношении к Государству и к составу Государства.

Есть ли (*если*. – К. К.) цель семейства, Государства и состава Государства сообразно правде совершенной, то и деяния – ест ли (*если бы*. – К. К.) семейство установлено было не на законном браке и рождении, государство на вражде со всеми, тогда частное деяние справедливое в отношении к сему семейству было бы несправедливо во всех других отношениях. Следовательно, от законности общества зависит достоинство относительного права.

Есть ли (*если*. – К. К.) общество само устроено на началах вечной правды, то и все частные права совершенно праведны. Следовательно, право может быть праведно.

О правоте и равномерности (Понятие «правда» и «правота») ¹

Правота – есть верность союзу первообразному, союзу независимому ни от пользы, ни от укрепления, союзу, на коем стоит общество, а не тому союзу, по коему оно стоит твердо или преуспевает.

Деяния человеческие суть – или правы, или виновны, в сем состоит их достоинство. Быть правым – есть быть пред кем-либо или у кого-либо на правой стороне. Посему можно быть правым пред собою, пред общежитием, пред человечеством, пред Богом.

Быть правым – есть быть благоприятным, угодным, полезным тому, пред кем стоишь правым, быть с ним в союзе вспоможения. Выражение сие основано на древней религии, на силе правой руки, на всеобщем употреблении.

Правота есть или внешняя, или внутренняя, или совокупная. – Можно быть правым в деяниях, не быть правым в намерениях, и, напротив, во всех трех видах правота есть или *objectiva* или *subjectiva*², то есть она есть или свойство деяний и намерений, или свойство души. – Совокупная правота – есть правда; а как свойство души, она есть правдивость, искренность.

1. Правота пред собою.

Быть правым в каком либо деянии пред собою – есть так поступать, чтобы деяние сие было полезно и благоприятно не мгновенному состоянию души, но прочному ее совершенству. Навык всегда и везде поступать таким образом, обратившийся в свойство или постоянное чувство души есть правота души (*subjective*).

2. Правота пред общежитием.

Быть правым пред обществом есть быть благоприятным его составу, есть быть верным его союзу.

3. Правота пред человечеством есть верность союзу с человечеством, есть любовь к нему.

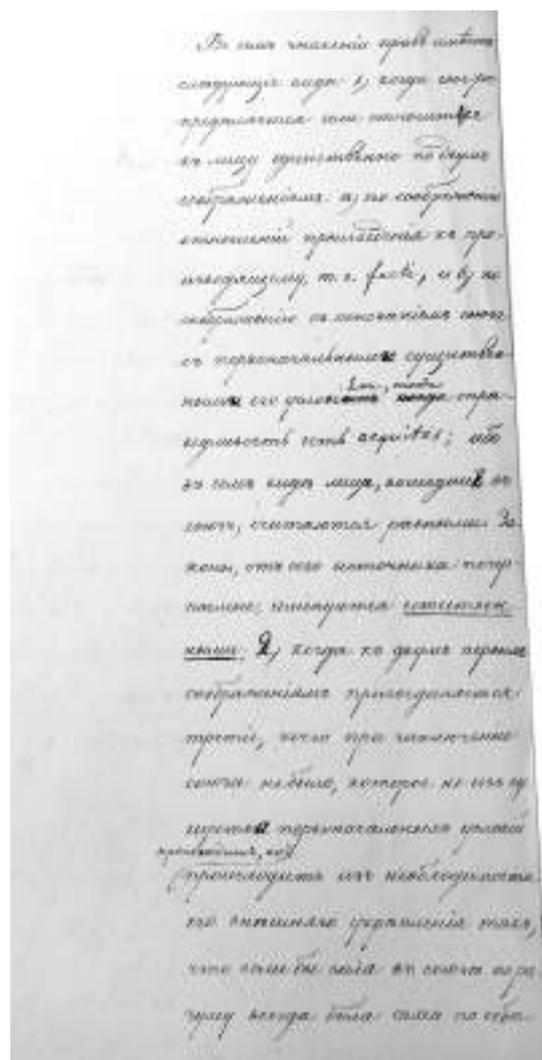
4. Правота пред Богом есть верность к союзу с верховным Его совершенством.

¹ ОР РНБ. – Ф. 731. – Д. 1327. – Без даты. – Писарская копия.

² Объективная или субъективная (лат.).

Рукопись одного из сочинений М. М. Сперанского.
Автограф. ОР РНБ

Писарская копия одного из сочинений
М. М. Сперанского. ОР РНБ

Все сии роды правоты получают разные именованья: 1) судя по лицу; 2) судя по совокупности намерения с деянием; 3) судя по корысти или бескорыстию.

Правота пред собою есть благоразумие, когда в намерении есть прочность временного совершенства с бескорыстием к мгновенному состоянию, она есть твердость благоразумия, когда намерение приведено в действие, невзирая на препятствия, но она есть личная добродетель, когда в намерении совершенства объемлетя вечность с бескорыстием ко времени.

Правота пред общежитием есть просто правота общежительная (aequitas socialis¹), когда основание деяния есть верность союзу с собственной пользою сопряжения. Она есть твердость правоты, когда деяние сообразно намерению, невзирая на препятствие. Но она есть честь – общественная добродетель, когда сопряжена с бескорыстием к собственной пользе.

Правота пред человечеством именуется относительно к деянию, просто добром, а относительно к чувству человеколюбием (любовью ко благу и совершенству человеческого духа, когда она сопряжена с собственною нашею временною пользою. Но она именуется великодушием, когда сопряжена с бескорыстием.

Правота пред Богом – есть святость.

¹ Социальная справедливость (лат.).

Есть ли в природе человеческой основание правоты? Или иначе: правота – есть ли обязанность на нравственной необходимости основанная, и природе нашей, столько сообразная, что человек без нее не мог бы быть человеком?

Правота пред собою утверждается на власти человека над собою, то есть на свободе его воли, по коей от него самого зависит быть виною своего счастья, достигнуть скорее или медленнее совершенства, коего он ищет. Следовательно, она утверждается на самой природе человека. Человек по природе его не может не желать себе пользы, а достигнуть истинной пользы он не может иначе, как правотою.

Правота пред обществом основана на необходимости её для общежития, а необходимость общежития утверждается на самой природе человека общежительной. Два лица не могут быть вместе в совокупности без союза: ибо воля каждого из них свободна не ограничено, ограничение свободы – есть союз. Союз или взаимное истребление, в сем состоит выбор человека.

Правота человека пред человечеством и пред Богом основана на необходимости его природы любить совершенство в других и любить его бескорыстно. Следовательно, все степени правоты основаны на природе человека, две низшие на свободе и искании совершенства с корыстью, две высшие на той же свободе и любви к совершенству бескорыстной.

О законе. Различие законов физических и нравственных¹.

Одно тело действует на другое и производит в нем изменения.

Образ (*modus*) сего действия. Необходимое условие бытия его есть закон действия – сие условие именуется законом, т.е. определением действия, потому что составляет крайние пределы, в коих действие совершается, пределы его бытия и не бытия без сего условия нет действия, с ними оно начинается и кончится.

Но образ условия, пределы действия не суть причины действий, отнимите причину, тело перестанет действовать, отнимите пределы, оставляя причину, тело не перестанет действовать, но перемените образ своего действия, т.е. переменятся пределы, (будут, однако же, пределы: всегда будет в действии его количество, время и пространство (число и мера) – без числа и меры одна пылинка могла бы сокрушить и разрушить Вселенную; ибо без числа и меры действие ее было бы бесконечно.

Но откуда пределы? Кто их полагает, есть ли они различны от причины производящей действия? Пределы полагаются совместностию *simultaniste coexistunties*² бытие разных веществ. Есть ли (*если бы*. – К. К.) бы во Вселенной было одно существо, тогда пределами его были бы пределы Вселенной. Каждое существо действует сообразно своей природе, и понеже (*если*. – К. К.) природа их различна, то действие каждого существа полагает пределы, ограничивает действие другого.

Следовательно, каждое существо, действуя от природы, не может однако же действовать иначе как в пределах.

Пределы сии суть постоянны и неизменяемы с тех пор, как существа поставлены в порядке, как мир устроен³, ибо они сообразны природе каждого существа и общей их связи.

Следовательно, 1) в действии существа есть отношения, есть пределы, возникающие из их природы, 2) что отношения сии суть необходимы с одной стороны не совместности их бытия, с другой – по их природе.

Указание или выражение сих постоянных, необходимых отношений, в коих существа поставлены в мире, по коим они действуют, и вне коих они действовать не могут, доколе состоят в настоящем порядке, именуется их законами.

¹ ОР РНБ. – Ф. 731 (М. М. Сперанский). – Д. 1427. Писарская копия. – Б. д.

² Одновременные сосуществования (лат.).

³ То, что мы называем мир, есть токмо порядок вещей. Истина вещей есть истина сего порядка, не ищите другой истина – это мечта. (сноска авторская).

Сии законы объемлют все существа без изъятия в связи их между собою. Сам Бог имеет свои законы, поскольку он действует в мире и понеже сия связь, сей мир иначе называется природою, то и законы сии именуются законами природы или законами физическими.

Но для существ разумных и свободных есть другие законы, не из физической их природы происходящие, но из особенного источника, из самостоятельности разума и воли из нравственной природы¹ сих существ возникающие.

Рассмотрим, как они возникают и что есть общего и различного между сими двумя законами.

Заметим, во-первых, что законы физические выражают не природу каждого существа отдельно, но пределы в коих сия природа действует в связи в союз с другими. Во-вторых, что физические законы мы можем токмо познавать и выражать, человек тут не законодатель, они даны природою вещей и необходимыми их отношениями в связи их между собою. Природа физическая нам служит, но не повинует, ибо не способна к повиновению²

Есть ли (*если бы*. – К. К.) бы люди всегда были верны союзам, то не нужно бы было власти. Есть ли (*если бы*. – К. К.) власть 1) всегда могла с очевидностью указывать в каждом случае каждому свое и разрешать споры и недоумения указанием источника своего, 2) есть ли (*если бы*. – К. К.) бы они могли быть всегда природою, 3) есть ли (*если бы*. – К. К.) бы они сами не подлежали пристрастию и заблуждению, тогда не было бы нужды в законах, или лучше сказать, тогда закон был бы в уме и намерениях каждого, и в некоторых токмо случаях он был бы разрешением недоумения посредством власти.

Союзы сами по себе уже изменяют первоначальное свое, ибо то, что само по себе безусловно мое, становится таковым только условно, так что ежели я нарушу условие, то мне становится по крайней мере по внешнему действию чужим.

К сему первоначальному общему изменению присоединяются в последствии различия условия по различию общества, и условия сии, чем далее, тем сложнее; общество родовое более ограничивает самостоятельность, нежели семейство, и так далее.

Власть, присоединяясь к союзам, производит новые и важнейшие изменения в самостоятельности, как личной, так и вещественной. Отсюда происходит, что свое столь простое в его начале делается весьма сложным в последствии. –

Самый вопрос о нем изменяется, ибо то, что в начале было только свое, в последствии по союзу делается уже правом. В начале в отдельном бытии лица вопрошается, что ему принадлежит как свое по самостоятельности его личной и вещественной; а потом в бытие того же лица в союзе вопрошается уже, что принадлежит как свое по условиям союза, то есть не по одной уже самостоятельности в себе самой, но по праву. наконец, в бытии лица под властью вопрошается, что принадлежит ему по праву, властью укрепленному.

В первом виде вопрос о своем просто мог быть определен для каждого отдельно одним здравым его смыслом; во втором и третьем виде вопроса о праве, и особенно о праве властью укрепленном, не может уже быть предоставлен отдельному каждого понятию и определению; но требует уже общего и единообразного для всех постановления о том, что в каждом роде действий может быть с правом сообразно или ему противно, т.е. справедливо или несправедливо. Сие общее постановление есть закон.

Из сего понятия о законе следует:

1) Что право предшествует закону и не им производится. Не по закону право; но закон по праву; он дает правило деянию, чтобы было оно сообразно ее справедливости. Следовательно, не правом он управляет, но действием по праву. – Есть ли (*если бы*. – К. К.) начало права отнести к

¹ Природа сия именуется нравственною, потому что от нее происходят нравы, а нравом называется способность и навык более или менее сильный почерпать побуждения своей воли и деяний не в одной системе чувственных понятий, но и в системе мысленной, и соображая тот и другой род побуждений давать перевес тем или другим. (сноска авторская).

² Здесь одно из главных различий законов – физические токмо познаются, нравственные полагаются. Они выражают отношение справедливого и вместе полагают обязанность (*sanctio sponsis*) (*священные пары* (лат.). – К. К.). (сноска авторская).

первой составной его стихии, к личной самостоятельности, то оно сливается с самою природою человека, вечного, неразрушимого и не изменяемого.

Есть ли (*если бы*. – К. К.) отнести начало его даже токмо ко второй его стихии, к союзу, то и в сем случае оно будет (*antérieur*¹) первее закона, ибо совместимость бытия есть первая, необходимая потребность человека; а без союза она быть не может.

2) Но есть ли (*если*. – К. К.) в порядке идей право предшествует закону: то сим не означаетя однако же, чтоб право могло быть твердо и действительно без закона – выше было показано, что союз без власти редко и в самых токмо высших областях нравственности существовать может; там только возможно, чтобы человек, управляя собою самовластно, был однако же всегда и во всем верен своему союзу; но даже и там для руководства своего, дабы не заблудиться в подробностях, он должен составить самому себе общие правила, дать самому себе закон – в обыкновенных же сферах бытия союз непременно должен быть укреплен внешней властью, а сия власть самому существу ее есть власть законодательная.

3) Закон справедливости и право состоят в следующих между собой отношениях. Закон есть выражение и утверждение справедливости Справедливость вообще есть общая сообразность деяний со всеми правами и обязанностями в обществе.

Литература

1. В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872 [Текст] / под ред. А. Ф. Бычкова. – Санкт-Петербург, 1872.
2. Каталог фонда М. М. Сперанского [Текст] / сост. М. Я. Стецкевич. – Ленинград, 1962.
3. *Сперанский М. М.* Руководство к познанию законов [Текст] / М. М. Сперанский. – Санкт-Петербург : Наука, 2002.
4. *Сперанский М. М.* Юридические произведения [Текст] / М. М. Сперанский. – Москва : Зерцало, 2008.
5. *Сперанский М. М.* Избранное [Текст] / М. М. Сперанский. – Москва : РОССПЭН, 2010.
6. *Сперанский М. М.* Избранное [Текст] / М. М. Сперанский. – Москва : Статут, 2013.

References

1. In memory of Count Mikhail Mikhailovich Speransky. 1772–1872 [Text] / edited by A. F. Bychkov. – St. Petersburg, 1872 [in Russian].
2. Catalog of the M. M. Speransky Foundation [Text] / comp. M. Ya. Stetskevich. – Leningrad, 1962 [in Russian].
3. *Speransky M. M.* Guide to the knowledge of laws [Text] / M. M. Speransky. – Saint Petersburg : Nauka Publ., 200 [in Russian].
4. *Speransky M. M.* Legal works [Text] / M. M. Speransky. – Moscow : Zertsalo Publ., 2008 [in Russian].
5. *Speransky M. M.* Favorites [Text] / M. M. Speransky. – Moscow : ROSSPEN Publ., 2010 [in Russian].
6. *Speransky M. M.* Favorites [Text] / M. M. Speransky. – Moscow : Statute Publ., 2013 [in Russian].

Поступила в редакцию 24.02.2022

Received February 24, 2022

¹Предшествующий (франц.).

ПАМЯТИ В. Г. БЕЛЯЕВА

Одиннадцатого февраля 2022 г. пришла печальная весть из Волгограда – на 87-м году жизни после тяжелой продолжительной болезни скончался один из мэтров отечественной уголовно-правовой науки профессор Валерий Григорьевич Беляев. Он окончил сельскую школу с золотой медалью, а юридический факультет Ростовского государственного университета – с отличием, выделяясь среди сокурсников широкой эрудицией, авторской смелостью, необычными творческими порывами все годы обучения. Его научный доклад в статусе второкурсника на тему «К определению суверенитета» объемом всего 8 страниц был удостоен первой премии на Всесоюзном конкурсе студенческих научных работ и зачтен за дипломный проект специальным решением Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР. В студенческие же годы он стал лауреатом Международного (Варшава, 1960) конкурса за доклад «Зона ограниченных вооружений в Европе как проблема международного права». После университета служил в МВД, набираясь практического опыта следственной практики по уголовным делам.

До 1973 года на кафедре уголовного права и процесса РГУ преподавал не только профильные для научной специальности уголовное право и криминологию, но и судебную этику с юридической психологией. Позже двадцать три года был начальником кафедры уголовного права Высшей следственной школы МВД СССР (ныне – Волгоградская академия МВД России). С мая 1996 года заведовал кафедрой уголовно-правовых дисциплин Волгоградской академии государственной службы, затем стал деканом юридического факультета и заместителем директора по науке Волгоградского филиала архангельского «Института управления».

За этими краткими биографическими сведениями не видно живого человека. А ведь Валерий Григорьевич был яркой личностью, человеком с оригинальным мышлением, большим ученым, предлагающим самые смелые и опережающие время научные идеи. Он представлял собой идеальный тип вузовского преподавателя – широко эрудированного в общекультурном смысле, высоко парящего в отраслевой теории, не понаслышке знающего тенденции и болевые места практики, завораживающе излагающего свои и чужие взгляды...

Он везде и всегда нес свой жизненный крест достойно – высокопрофессионально, индивидуально, ответственно. Вот только два примера: 1) в начале 70-х годов юридический факультет Ростовского университета посетил тогда еще молодой профессор, а в зените славы вице-президент Академии наук страны, В. Н. Кудрявцев. Юридический факультет РГУ выставил на ринг В. Г. Беляева. После его выступления общесоюзный мэтр объявил во всеуслышание: странно, что я не встречал Ваших публикаций. Валерий Григорьевич, присылайте мне все, что Вы изволите написать – все будет опубликовано в центральных журналах!; 2) в те далекие уже времена однопартийного единомыслия и утопических надежд на то, что в самое ближайшее время преступность будет полностью искоре-

нена, В.Г. Беляев защитил кандидатскую диссертацию о личности преступника, в которой смело опровергались и эта наивная фантазия, и более глубинные просчеты правящей тогда элиты в области борьбы с преступностью.

Основные научные интересы Валерия Григорьевича в последние годы – уголовная ответственность как особая разновидность конституционной ответственности личности перед государством и государства перед личностью. Всего им опубликовано более 200 работ, и в их числе нет ни одной формальной. Среди наиболее известных и цитируемых – «Уголовное право. Заметки доцента» (Волгоград: Изд-во ВАГС, 2003. – 395 с.) и «Применение уголовного закона» Учебное пособие. (М.: ЮПИТЕР, 2006. – 446 с.). В них любой читатель найдет редкий сплав глубины постижения проблем, самостоятельности подходов, аргументов и логики размышлений, энциклопедической опоры, изящества и оригинальности стиля.

Обычно талантливым людям при жизни не везёт с признанием и наградами. С Валерием Григорьевичем судьба обошлась более милостиво. Одним из первых в стране он получил нагрудный знак Минвуза СССР «За отличные успехи в работе». Награжден медалями «Ветеран труда», «За безупречную службу» трех степеней, «200 лет МВД», а также венгерским орденом «За службу Родине» золотой степени, монгольской медалью «60 лет народной революции» и почетным знаком Следственной полиции Перу, был Заслуженным деятелем науки Республики Тыва. 7 июня 2003 г. Международным Аттестационным Советом Международной Федерации по правам человека при ООН и ЮНЕСКО и Европейской Ассоциации научных институтов «за выдающиеся заслуги в деле возрождения Отечества» награжден международным орденом Крылатого Льва. С 1967 года действительный член Всесоюзного (ранее – Императорского, ныне – Российского) Минералогического общества.

Виднейший русский криминалист Н. С. Таганцев как-то назвал человеческую жизнь «однодневкой мироздания». Классик юриспруденции знал, что говорил: на гигантском пространстве эволюции бытие одной биологической единицы действительно миг – и по времени, и по значимости для общего хода истории. Но если отдельно взятый человек показывает себя незаурядной Личностью с большой буквы, причём постоянно и долго, то его труженничество

может быть названо и «основой мироздания». На таких людях наше Отечество держалось и держится!

Валерий Григорьевич был гражданином мира, который видел будущее России не в изоляции, а в интеграции, талантливо обрывал призывы к жестокости в уголовном праве, в области борьбы с преступностью пропагандировал благоразумие и осторожность.

А что за прелесть его стиль письма: выверенный, ни на йоту не уклоняющийся от истины, в нужных местах приправленный мягкой интеллигентской иронией, обходящий обыденности, влекущий мысль за горизонты, эластичный по сочетаемости слов, всегда оставляющий пространство для читательских раздумий.

Ушел из жизни тот, кому не следовало уходить, ибо в нем нуждались многие и получали от его работ и общения с ним даже более того, на что надеялись. Пииты утверждают, что в одну эпоху дни короче, в другие – ночи. Валерий Григорьевич пережил и то, и другое; успешно творил в советский период истории, но не потерялся и в новых условиях: более того, встретил реформы более умно и дальновидно, нежели их организаторы.

Жестокая банальность природы в том, что биология бессердечна, а пребывание каждого индивида на поверхности матушки Земли конечно. Принято говорить, что незаменимых людей не бывает. Однако иногда утрата невозполнима, если ушедший уникальная личность. Валерий Григорьевич был именно таковым по масштабу своей личности – Интеллектуалом и Индивидуалом. И все – без рисовок, без подтяжки под требования века, а от природы и по осмыслению. Вечная ему память! И продолжений в делах единомышленников, которым повезло, потому что были с ним рядом!

Читатель, прими наши соболезнования в связи с уходом из жизни, но не из нашей памяти и истории криминалистической мысли России Апостола уголовной юриспруденции, несравненного Валерия Григорьевича Беляева. Вечная и светлая ему память!

А. И. Бойко – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин ЮРИУ РАНХиГС

Н. В. Артеменко – заведующая кафедрой уголовного права и криминологии ЮФУ

Н. Г. Шимбарева – доцент кафедры уголовного права и криминологии ЮФУ

«ПРОЩАНИЕ НЕ НАВСЕГДА...»

ПАМЯТИ Э. Ф. ПОБЕГАЙЛО

Случилось то, что было неминуемым, но во что не хотелось верить. После тяжелой, продолжительной болезни ушел из жизни доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, полковник милиции в отставке, Государственный советник юстиции 3 класса в отставке Эдуард Филиппович Побегайло – выдающийся ученый и практик, учитель многих поколений студентов, адъюнктов, докторантов и яркий, харизматичный человек, оставивший заметный след не только в науке, но и в душах тысяч юристов, в том числе десятков докторов и профессоров. Особенно хочется отметить, что Эдуард Филиппович не отрывался от законотворчества и правоприменительной деятельности: он выступал экспертом Государственной Думы, изучал уголовные дела, обсуждал со следователями и судьями вопросы квалификации по особо сложным делам. Наряду с многолетней научно-педагогической деятельностью, он успел поработать и старшим следователем прокуратуры Ростовской области, и заместителем начальника отдела ВНИИ МВД СССР, и помощником по особым поручениям Генерального прокурора Российской Федерации.

Несколько дней назад мы поздравляли его с 85-летием, а теперь, увы, приходится писать некролог. Но в таких случаях говорят, что физический уход вовсе не является исчезновением человека: память о нем остается на многие и многие годы, так же, как и высказанные научные идеи, написанные статьи и монографии. Эдуард Филиппович окончил юридический факультет РГУ (ныне ЮФУ) и, хотя давно уехал из Ростова, считал себя ростовчанином, любил наш город, и любовь эта была взаимной. Преподавательский состав кафедры уголовного права и криминологии навсегда сохранит память о выдающемся земляке и передаст ее новым поколениям молодых юристов. Так что мы прощаемся с Эдуардом Филипповичем не навсегда...

*Коллектив кафедры уголовного права и криминологии
юридического факультета ЮФУ*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник юридического факультета Южного федерального университета» принимает для опубликования статьи и краткие сообщения, соответствующие следующим требованиям:

В журнале могут быть опубликованы статьи и материалы по юриспруденции, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности аргументации и выводов и рассматривающие вопросы, актуальные для юридической науки и правоприменительной практики.

Решение о публикации материала принимает редакция в течение месяца с момента получения материала. Предусматривается обязательное рецензирование статей членами редакции или иными ведущими специалистами в соответствующей области научного знания. Решение о публикации принимается на основе выводов, содержащихся в рецензии (слепое рецензирование). В течение месяца после поступления статьи в редакцию автору сообщается, будет ли его статья опубликована. Сообщение направляется на электронный адрес, указанный автором. Условием публикации статей и материалов, представляемых аспирантами, является наличие отзыва научного руководителя, рекомендации соответствующей кафедры (лаборатории) и положительная рецензия на данную статью (материал) члена редакции журнала (не являющегося членом кафедры (лаборатории), к которой относится автор).

Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее размещение в тех справочно-правовых системах (в том числе и в сети Интернет), с которыми у редакции имеется соответствующее соглашение.

За достоверность и точность данных, приведенных в материалах, ответственность несут авторы.

Порядок направления статей в научно-практический журнал «Вестник юридического факультета Южного федерального университета»

Статьи предоставляются в электронном виде на сайте <http://urvestnikpravo.sfedu.ru/> через окно «Отправить материал».

1. НАЧАЛО. После процедуры регистрации или входа в систему необходимо выбрать язык, раздел, а также Вы должны прочесть и подтвердить требования к отправляемому материалу. Дополнительная информация указывается в комментариях для редактора.

2. ЗАГРУЗКА МАТЕРИАЛА. Вторым шагом необходимо загрузить материал, состоящий из следующих обязательных отдельных компонентов:

УДК

Метаданные. Метаданными статьи принято считать следующую информацию, представленную на **русском и английском языках** (необходимо выполнить профессиональный перевод):

- Название статьи
- Аннотация статьи
- Ключевые слова
- Сведения об авторах (соавторах): фамилия, имя и отчество полностью; ученая степень или научное звание (если имеются); место работы и должность, должность; место работы или учебы (с полным указанием наименования учреждения или вуза и его адреса); email.

Текст статьи

3. ВВОД МЕТАДААННЫХ осуществляется на **русском и английском языках** (необходимо выполнить профессиональный перевод)

- Название статьи
- Аннотация статьи
- Ключевые слова
- Список авторов
- Литература / References

4. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

5. ОТПРАВКА

Напоминаем требования к оформлению статей, представляемых для опубликования:

1. Формат текста:

Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word

Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14

Межстрочный интервал – 1,5

Абзацный отступ – 1,25 см

Поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см

2. Аннотация – 1000–1500 знаков / 150–200 слов, ключевые слова – не менее 5.

3. Объем публикуемого материала составляет 9–15 печатных страниц для статей, для сообщений – 5–6 страниц. Оригинальность для статей, входящих в рубрику «Общетеоретические и исторические проблемы юридической науки и практики» должна составлять не менее 70 %, для статей, входящих в другие рубрики, – не менее 60 %.

4. Нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

5. Ссылки оформляются в **квадратных скобках**, например [1, с. 44], то есть Источник №1, страница № 44.

6. При оформлении **литературы** используйте ГОСТ 7.1-2003 БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ. БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ. Общие требования и правила составления. Принцип подачи литературы в списке **АЛФАВИТНЫЙ**. В список не включаются источники, не цитируемые в работе! Оформление списка литературы согласно требованиям – **обязательно!** Подробные Правила оформления списка литературы можно посмотреть по ссылке <http://urvestnikpravo.sfedu.ru/index.php/Vestnikurfaksfedu/information/authors>.

7. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах ***jpg**, ***tiff** с разрешением не менее 300 dpi в палитре Grayscale. В тексте обязательно должны присутствовать **ссылки на рисунки и таблицы**. Иллюстративный материал должен быть **пронумерован**.

Рекомендуется придерживаться следующей логической структуры при написании статей:

- Вводная часть, в которой отражена постановка задачи (вопрос, на который дается ответ в статье), раскрывается предмет исследования, гипотеза, методология исследования.
- Основная часть, в которой могут быть разделы и подразделы, имеющие наименования. Желательны в основной части: обзор научной литературы с целью введения в проблему; исследовательская часть с системой доказательств и научной аргументацией.
- Заключительная часть, в которой отражены результаты исследования, основные выводы.

Редактор А. В. Стахеева
Оригинал-макет А. В. Стахеева
Дизайн обложки А. В. Киреев

Подписано в печать 30.03.2022. Выход в свет 30.03.2022
Бумага офсетная. Формат 60 × 84 ¹/₈. Усл. печ. л. 13,25. Уч.-изд. л. 10,50
Заказ № 8462. Тираж 300 экз.

Распространяется бесплатно

Издательство Южного федерального университета

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, д. 200/1, тел. (863) 243-41-66